

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

УТКИНА АЛЕКСАНДРА ФИЛИППОВНА

**СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ
В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент Н. В. Кондратьева

Ижевск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	11
1.1. Вопросы изучения синтаксиса в зарубежной и отечественной лингвистике.....	11
1.2. История изучения удмуртского синтаксиса.....	24
Выводы по Главе 1.....	48
ГЛАВА 2. СИСТЕМА СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ.....	50
2.1. Проблема классификации сложных предложений.....	50
2.2. Типология придаточных предложений в современном удмуртском языке.....	55
2.3. Квантитативные характеристики типов сложноподчиненных предложений в удмуртском языке.....	70
Выводы по Главе 2.....	74
ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ.....	76
3.1. Семантические характеристики изъяснительных предложений	76
3.2. Структурные типы изъяснительных предложений.....	93
3.2.1. Изъяснительные придаточные предложения с союзным подчинением.....	96
3.2.2. Изъяснительные придаточные предложения с союзными словами.....	107
3.2.3. Изъяснительные предложения с союзными и соотносительными словами.....	115

3.3. Особенности употребления изъяснительных придаточных предложений в переводных текстах.....	118
3.4. Синтаксическая синонимия конструкций, выражающих изъяснительные отношения.....	134
Выводы по Главе 3.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	158
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	174
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	181

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено многоаспектному изучению сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения, в системе современного удмуртского языка.

Актуальность диссертационной работы обусловлена, прежде всего, тем, что на сегодняшний день синтаксис сложного предложения относится к числу малоизученных разделов удмуртской лингвистики: отсутствуют исследования, посвященные всестороннему описанию отдельных типов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений; требуется разработка вопросов синтаксической синонимии; не исследованы проблемы удмуртского синтаксиса в диахроническом аспекте. Кроме того, в условиях удмуртско-русских языковых контактов, оказывающих влияние на функционирование грамматического строя современного удмуртского языка, а также в связи с развитием новых научных подходов к изучению синтаксиса в отечественной и зарубежной лингвистике, имеется острая необходимость в комплексном описании сложноподчиненных предложений удмуртского языка в целом и сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения, в частности.

Объектом настоящей диссертационной работы является система сложноподчиненных предложений современного удмуртского языка.

Предметом исследования выступают удмуртские сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными.

Учитывая вышесказанное, **целью** диссертационного исследования является выявление особенностей структурной и семантической организации сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) описать историю изучения удмуртского синтаксиса в рамках развития лингвистической науки;
- 2) уточнить основные типы придаточных предложений в современном удмуртском языке;
- 3) определить содержание понятия сложноподчиненного предложения с изъяснительным придаточным в удмуртском языке;
- 4) выявить основные типы синтаксических структур, используемых в сложноподчиненных предложениях с изъяснительными придаточными, а также описать характер отношений между частями сложноподчиненного предложения;
- 5) выявить частотность употребления сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в грамматическом строе удмуртского языка;
- 6) рассмотреть явление синтаксической синонимии на примере удмуртских изъяснительных придаточных предложений.

Цель и задачи исследования, специфика иллюстративного материала определили использование ряда исследовательских **методов**, среди которых в качестве основных можно выделить описательный метод, метод сплошной и частичной выборки, метод контекстного анализа, а также количественный и сопоставительный методы – в качестве вспомогательных. Для выявления наличия синтаксической синонимии применялся метод анкетирования. Использование комплекса методов позволяет на конкретных языковых примерах выявить основные закономерности содержательной и формальной организации сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили лингвистические труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению грамматического строя удмуртского языка (В. И. Алатырев,

М. Н. Булычев, А. И. Емельянов, С. П. Жуйков, В. К. Кельмаков, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов, E. Asztalos, R. Bartens, Ö. Beke, E. Georgieva, K. Rédei, Y. Wichmann, F. J. Wiedemann, E. Winkler, H. Winkler и др.); исследованиям в области структурного и семантического синтаксиса (Ш. Балли, И. Б. Долин, N. Chomsky); синтаксису простых и сложных предложений финно-угорских языков, в особенности сложноподчиненных предложений удмуртского языка (П. Н. Перевошиков, Б. А. Серебренников, С. Г. Ильенко, Е. А. Игушев, В. М. Лудыкова, Н. Д. Манова, Л. А. Абукаева, В. В. Понарядов, О. И. Некрасова, Г. А. Эрцикова, Т. Н. Литвинова, Н. А. Аверьянова, О. Н. Иванищева, Г. Л. Соколова, А. Л. Коляго, М. З. Закиев, Л. М. Гиниятуллина, A. Klemm, K. Vossler и др.).

Материалом исследования послужили произведения классиков удмуртской литературы XX – начала XXI века, включенные в Национальный корпус удмуртского языка. Для определения влияния интерференции русского языка на функционирование удмуртских сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными, а также с целью выявления синтаксической синонимии в качестве иллюстративного материала были использованы тексты перевода Евангелий на удмуртский язык (Сарапульское и Глазовское наречие, 1847 г.) и переводы повести А. Гайдара «Тимур но солэн командаез (1946 г., перевод Г. Туганова) и повести И. Тургенева «Ася» (1954 г., перевод М. Горбушина).

Научная новизна проведенного исследования определяется тем, что в нем впервые в удмуртской лингвистике: а) обобщена и систематизирована история изучения удмуртского синтаксиса, в т. ч. с учетом новейших научных изысканий в зарубежной финно-угорской лингвистике; б) уточнены основные типы сложноподчиненных предложений современного удмуртского языка; в) выявлена частотность употребления разных типов придаточных предложений в грамматическом строе удмуртского языка; г) предпринята попытка комплексного описания сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения, с точки зрения их

структуры и семантического наполнения, а также возможностей содержательного и формального варьирования; д) рассмотрено явление синтаксической синонимии на примере функционирования изъяснительных придаточных предложений исследуемого языка.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что данное исследование вносит определенный вклад в изучение теоретических аспектов удмуртского синтаксиса, вопросов классификации сложноподчиненных предложений современного удмуртского языка, исследование частных аспектов сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными. Материалы и выводы диссертации способствуют более детальному описанию синтаксической системы современного удмуртского языка в целом.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы и выводы, содержащиеся в нем, могут быть использованы в преподавании дисциплин по общему языкознанию, синтаксису современного удмуртского языка, а также при разработке учебных пособий по стилистике удмуртского языка, лингвистической типологии. Отдельные результаты исследования могут применяться в процессе преподавания курсов переводоведения, филологического анализа текста, теории межкультурной коммуникации, а также в журналистской практике.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Результаты, полученные в ходе исследования, соответствуют паспорту специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские)».

Идеи и выводы настоящего диссертационного исследования отражены в следующих **положениях**, выносимых на защиту:

1. В системе современного удмуртского языка к сложноподчиненным предложениям, выражающим изъяснительные отношения, относятся коммуникативные структуры, содержащие в главной части личные или неличные формы глагола, требующие уточнения и/или пояснения объекта

речи, восприятия, мысли и т. п.; связь частей предложения в которых осуществляется при помощи союза *шуыса* 'что', заимствованных союзов *будто* 'будто', *что* 'что', а также союзных и соотносительных слов.

2. С точки зрения структурно-семантического подхода, в удмуртском языке выделяется четыре типа изъяснительных придаточных предложений:

- а) сообщающих об определенном факте (с союзами *шуыса* 'что', *будто* 'будто, как будто', *что* и союзным словом *кызьы* 'как, каким образом');
- б) выражающих волеизъявление (с союзом *шуыса* 'что' и союзными словами *кыچه* 'какой', *кызьы* 'как, каким образом', *малы* 'почему, с какой целью', *мар* 'что' и др.);
- в) содержащих вопрос или поиск информации (с частицами *-а*, *меда*, *-а меда* 'ли' в роли союза) и
- г) сообщающих о частном аспекте факта (с союзными словами и местоименными наречиями *кин* 'кто', *ма (мар)* 'что', *малы (марлы)* 'почему, с какой целью', *кызьы* 'как, каким образом', *кытын* 'где', *кытчы* 'куда', *кытысь* 'откуда', *ку* 'когда', *кудйз* 'который', *кыче* 'какой', *кӧня* 'сколько' и др.).

3. В системе современного удмуртского языка сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными могут вступать в синонимичные отношения с отглагольными беспослеложными и послеложными конструкциями, а также с бессоюзными сложными предложениями.

4. Среди разных типов сложноподчиненных предложений удмуртского языка в текстах художественной прозы ведущее место занимают сложноподчиненные предложения с условными придаточными (44,7%), а также с придаточными изъяснительными (26,5%).

Апробация результатов исследования. Основные положения данного диссертационного исследования были представлены в форме докладов и сообщений в работе 3-х всероссийских конференций: «Цифровое развитие экономики и социальной сферы Удмуртской Республики: актуальные вопросы и роль высшей школы» (г. Ижевск, 2019), XLVIX Итоговая всероссийская студенческая научная конференция (г. Ижевск, 2021), «Финно-

угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия» (к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН) (г. Ижевск, 2021), а также 4-х международных научно-практических конференций: «Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы» (г. Уфа, 2019), «Пермистика 18: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (г. Ижевск, 2020), «Проблемы лингвистической типологии и культурологии» (г. Ижевск, 2021), «Jó gyakorlatok a finnugor nyelvek oktatásában» («Преподавание финно-угорских языков в современном научно-образовательном пространстве») (г. Будапешт, 2021); представлены на «Открытой кафедре УдмФИЦ УрО РАН: научно-популярные доклады молодых ученых» (г. Ижевск, 2020).

Основные выводы и идеи исследования отражены в 8 публикациях, в том числе 3 статьи были опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией Российской Федерации, одна из которых включена в базу данных Scopus.

Структура и объем диссертационной работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной научной литературы, словарей и справочников, включающего 143 наименования, в том числе 23 на иностранных языках, списка иллюстративного материала, включающего 80 наименований и списка принятых сокращений. Общий объем работы – 181 страница.

Во **Введении** диссертации обосновывается актуальность и научная новизна работы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертационной работы, указываются основные методы, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость исследования, а также указываются сведения об апробации результатов и основных положений диссертации.

Первая глава «Теоретические аспекты исследования» посвящена истории изучения синтаксиса в отечественной и зарубежной лингвистике:

выделяются знаковые для изучения изъяснительных придаточных предложений концепции и подходы, отдельное внимание уделяется ведущим принципам классификации сложноподчиненных предложений. Исторический экскурс сделан для учета накопленных знаний, подходов и приемов при выработке общей методологии данного исследования. Отдельное внимание уделяется определению терминологического аппарата и изучению синтаксиса в контексте разнообразных подходов, имевших место в исследовании сложного предложения.

Во второй главе «Система сложноподчиненных предложений в современном удмуртском языке» рассматриваются вопросы классификации сложных предложений исследуемого языка в разные периоды развития пермской лингвистики, выделены основные типы предложений, а также определена частотность употребления типов придаточных предложений в современном удмуртском языке.

Третья глава «Структурно-семантические характеристики сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в удмуртском языке» рассматривает структурные и семантические характеристики сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения, а также исследована и изучена природа синтаксической синонимии, которая представляет собой лингвистическое явление, характеризующееся возможностью возникновения в языке лингвистических единиц, близких по семантике и способных заменять друг друга в условиях контекста.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования и формулируются общие выводы. Полученные в рамках проведенного исследования результаты могут способствовать дальнейшей разработке актуальных вопросов синтаксиса удмуртского языка, изучении лингвистической типологии родственных и разноструктурных языков.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Вопросы изучения синтаксиса в зарубежной и отечественной лингвистике

С позиций современной лингвистики, сложноподчиненное предложение принято рассматривать как сложное предложение, предикативные части которого связаны подчинительной связью. В качестве дифференциальных признаков исследуемой группы предложений чаще всего выделяются следующие:

а) зависимость одной предикативной части (придаточной) от другой (главной);

б) наличие в структуре предложения подчинительного союза или союзного слова;

в) ступенчатость (многоярусность) коммуникативной структуры [Ибрагимова 2014: 14].

Важно подчеркнуть, что в процессе развития языкознания выдвигались различные подходы и методы для исследования базовых категорий синтаксиса. Так, появление первых исследований в области синтаксиса связано с именем Аполлония Дискола, разработавшего отдельные вопросы типов связи слов в труде «Синтаксис» (II век н. э.). Однако окончательная разработка традиционных синтаксических категорий и терминов произошла лишь в позднее средневековье с появлением школы модистов (начало XIII – начало XIV века), одним из представителей которой является Томас Эрфуртский [Алпатов 2005: 40].

Можно заметить, что развитая синтаксическая концепция существовала и в арабской традиции (грамматика Сибавейхи – VIII век н. э.), хотя границы

между синтаксисом и морфологией там проводили не совсем так, как это характерно для современной лингвистики; в частности, в указанной грамматике к разделу синтаксиса отнесено и изучение окончаний слов (морфология ограничивалась корнем и огласовками). Изучение синтаксиса в арабской традиции предполагало исследование особенностей употребления в предложении тех или иных грамматических форм (падежей и наклонений) [Алпатов 2005: 40].

В XVI веке изучение синтаксиса продолжается французским ученым Пьером де ла Раме (Рамус) (1515–1572), который большое внимание уделял созданию понятийного аппарата и терминологии синтаксиса [Rami 1567].

Начиная с XVII по конец XIX века лингвисты не заостряли свое внимание на изучении отдельных синтаксических единиц. Однако уже к концу XIX века формируется школа эстетического идеализма в Германии, основателем и представителем которой являлся Карл Фосслер (1872–1949). Как и другие ученые своего времени, К. Фосслер продолжал рассматривать языкознание как историческую науку. Он считал, что в лингвистическом исследовании сначала должна идти стилистика, изучающая индивидуальное творчество, а затем синтаксис, рассматривающий ту часть творчества, которая стала правилом. Само синтаксическое правило, по мнению исследователя, становится правилом лишь в случае, если оно «соответствует духовным потребностям и тенденциям большинства говорящих индивидуумов» [Vossler 1904; 1905].

С 70-х гг. XIX века развитие мирового языкознания вступает в новый этап – открывается школа немецких ученых-младogramматиков, ведущими представителями которой стали К. Бругман, А. Лескин, Г. Пауль, Б. Дельбрюк и др. В частности, в известном исследовании Г. Пауля «Принципы истории языка» [Пауль 1960] поднимаются вопросы о закономерностях синтаксических и семантических изменений. По мнению ученого, звуковые ряды и ряды артикуляций ассоциируются между собой. С этими рядами в свою очередь ассоциируются представления, для которых

они служат символами: не только отдельные слова, но и большие звуковые ряды, целые предложения непосредственно ассоциируются с заключенным в них мыслительным содержанием: «Предложение является выражением, символом того, что в психике говорящего произошло соединение нескольких представлений или групп представлений, а также средством возбуждения в психике слушателя такого же соединения тех же самых представлений» [Пауль 1960: 143]. Таким образом, к концу XIX века синтаксис начинает занимать важное место в лингвистике.

В отечественной лингвистике XIX–XX вв. представителями младограмматиков выступали Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914), разграничивший синтаксические и несинтаксические грамматические категории, и его ученик А. А. Шахматов (1864–1920). Синтаксические взгляды Ф. Ф. Фортунатова характеризуются двойственностью подхода к языку. Основные синтаксические единицы он рассматривает с психологической точки зрения [Фортунатов 1956]. В качестве основного объекта синтаксического анализа языка ученым определяется словосочетание, а предложение – лишь в качестве его разновидности, причем грамматически предложение получило морфологизованное определение как предложение, в котором главные члены выражены узким кругом определенных морфологических средств [Толкачев 1964: 403].

Большой вклад в развитие теории предложения внес А. А. Шахматов. Его главная заслуга состоит в том, что он впервые ввел в русский синтаксис понятие грамматического целого: «предложение – это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации» [Шахматов 1941: 29], а свое учение о предложении построил по принципу грамматической оппозиции односоставное предложение / двусоставное предложение [Долин 2004: 118].

Синтаксические идеи А. А. Шахматова оказали влияние и на синтаксис сложного предложения. Следует отметить, что лингвист отрицал наличие

понятия «сложное предложение» в русском языке, т. к., по мнению исследователя, оно не имеет своей грамматической формы [Долин 2004: 120]. В то же время исследователь предлагает «учение о сочетании предложений».

Известные ученые-лингвисты XIX века Ф. де Соссюр (1857–1913) и И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) обратились к изучению вопросов синтаксиса лишь поверхностно, в частности, Ф. де Соссюр, не отрицая традиционного деления грамматики на морфологию и синтаксис, предложил деление грамматики на теорию синтагм и теорию ассоциаций [Курс общей лингвистики 1999].

Последователем Ф. де Соссюра английский языковед А. Гардинер (1879–1963) разработал концепцию, согласно которой речь складывается не из трех компонентов, как это было принято считать: говорящего, слушающего и вещи (предмета), о которой идет речь; но к ним необходимо добавить четвертый – относящееся к языку слово, обозначающее вещь. Эта концепция поясняется на примере предложения. А. Гардинер считал предложения сами по себе относящимися к речи. К языку же, по мнению исследователя, необходимо относить: во-первых, слова, из которых строятся предложения, во-вторых, «общие схемы, лингвистические модели» [Gardiner 1951].

Представители Женевской школы (первая половина XX века), лидерами которой являлись Ш. Балли (1865–1947) и А. Сеше (1870–1946), в своих трудах используют термин «синтаксическая семантика» (раздел семантики, который занимается изучением наполнения синтаксических единиц отвлеченным значением), но данное понятие в то время не получило широкого использования [Балли 1955; Сеше 2010].

Параллельно Женевской школе развивалась глоссематика, основателем и ведущим представителем которой являлся Л. Ельмслев (1899–1965). В своих работах он выделял лишь общие понятия, связанные с анализом языка, для него не существовало каких-либо специфических понятий для фонетики, морфологии или синтаксиса [Hjelmslev 1953; 1970].

Нельзя оставить без внимания и труды Н. Я. Марра (1864–1934). Лингвист придавал важное значение синтаксической организации сознания и, в особенности, развитию предикативной способности человека, укорененной в социальную и культурную жизнь людей [Шилков 2004: 90]. Н. Я. Марр подчеркивал, что звуковая речь воплощается в структуре предложения. Именно поэтому задачей лингвиста является анализ каждой части предложения [Марр 1928]. Исследования Н. Я. Марра активно использовались при составлении грамматик удмуртского языка в 1920–30-х гг. (см. следующий раздел).

Представители Пражского лингвистического кружка (Н. Трубецкой и др.) и дескриптивизма в США (У. Д. Уитни, Ф. Боас и др.) занимались изучением общих вопросов языкознания и описания языков, не заостряя особое внимание на разделах синтаксиса. Но здесь необходимо отметить работы З. Харриса (1909–1992), который стремился расширить традиционную проблематику, перенеся исследования в область синтаксиса. В качестве объекта этот ученый рассматривал множество «единичных и законченных высказываний». При этом под высказыванием в его трудах понимается «отрезок речи определенного лица, ограниченный с обеих сторон паузами» [Harris 1951].

Что касается изучения сложноподчиненных предложений, в числе первых к исследованию данного вопроса подошел А. Х. Востоков (1781–1864). Основной тенденцией в отечественном языкознании XIX века можно назвать принцип классификации придаточных предложений на основе их уподобления членам простого предложения. А. Х. Востоков в своей книге «Русская грамматика» [Востоков 1831] выдвинул понимание придаточного предложения как развернутого члена простого предложения вместе с самим термином «придаточное предложение». Данная точка зрения разделяется и в трудах Н. И. Греча (1787–1867), который в своей работе «Практическая русская грамматика» [Греч 1834] подчеркивает, что имеющиеся в главном предложении имя существительное, имя прилагательное и наречие могут

быть соответственно заменены «придаточными существительными», «придаточными прилагательными» и «придаточными обстоятельственными».

Предложенная выше классификация была уточнена и детализирована И. И. Давыдовым (1794–1863) в работе «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» [Давыдов 1852] с соответствующей заменой морфологических терминов синтаксическими (придаточные дополнительные, определительные и обстоятельственные, причем последние были подразделены по видам обстоятельств). Таким образом, уже ко второй половине XIX века был заложен терминологический аппарат синтаксиса как раздела лингвистики, который в определенной степени используется и в рамках развития современного языкознания.

Важно подчеркнуть, что во второй половине XIX века при исследовании сложноподчиненных придаточных предложений доминировал логико-грамматический подход, который был предложен Ф. И. Буслаевым (1818–1898), определившим придаточное предложение как развернутый член главного предложения и выделившим придаточные, занимающие место подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и разного рода обстоятельств [Буслаев 1858]. В соответствии с логико-грамматическим принципом классификации сложноподчиненных предложений, в работах ученого выделяются придаточные подлежащные, сказуемые, дополнительные, определительные и обстоятельственные, причем последние подразделяются по видам обстоятельств – придаточные места, времени, образа действия, меры и степени, причины, цели, условия, уступки. Иными словами, данная классификация основывается на уподоблении сложноподчиненного предложения в целом простому, а придаточных частей – членам простого предложения.

Несмотря на то, что логико-грамматическая классификация сложноподчиненных предложений более пятидесяти лет оставалась ведущей,

а также была положена в основу многих учебных пособий для вузов и школ, для нее были характерны два существенных недостатка:

а) она не раскрывала целостный характер сложноподчиненных предложений, поскольку ограничивалась описанием отдельных синтаксических единиц;

б) не все придаточные предложения можно отнести к предложенным группам классификации.

В первой трети XX века в отечественной лингвистике появляется формально-грамматический подход в исследовании сложноподчиненных предложений. Разработанная в трудах А. М. Пешковского [Пешковский 2001], Л. А. Булаховского [Булаховский 1934], М. Н. Петерсон [Петерсон 1923], А. Б. Шапиро [Шапиро 1974] классификация исследуемой группы предложений предполагала ранжирование сложноподчиненных предложений по характеру союзов и союзных слов:

а) сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми союзами (союзное подчинение);

б) сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми союзными словами (относительное подчинение).

Дальнейшее разделение внутри этих групп происходит на основе значения союзов и союзных слов.

Основным недостатком формально-грамматической классификации является отсутствие учета содержательной стороны предложения. Указанная классификация по сути сводит анализ сложноподчиненного предложения к анализу союзов и союзных слов. Между тем, семантический признак является важным признаком предложения как коммуникативной единицы.

Проанализировав основные труды в области синтаксиса, можно заметить, что в целом до середины XX века к изучению синтаксиса обращались многие ученые. По мнению М. В. Алпатова, в раннем структурализме отставание синтаксиса стало еще заметнее: строгие исследовательские процедуры структурной лингвистики было легче

вырабатывать на более простом и обозримом материале фонологии и морфологии. Поворот к синтаксису стал наблюдаться лишь к концу 1950-х гг. [Алпатов 2005: 278].

Большую роль в разработке вопросов синтаксиса сыграл французский лингвист Л. Теньер (1893–1954), известный своей работой по теории синтаксиса «Основы структурного синтаксиса» [Теньер 1988]. Книга Л. Теньера стала одной из самых крупных исследований по структурному синтаксису, многие предложенные им термины, такие как «актант» (активный участник ситуации, действующее лицо), «валентность» (число актантов, которые может присоединять глагол), «диатеза» (синтаксическая категория предиката, отражающая определенное соответствие между участниками обозначаемой предикатом ситуации и именными членами предложения, заполняющими валентности данного предиката, синтаксические роли которых выражены морфологическими или синтаксическими средствами) и др., основательно вошли в научный оборот. Несмотря на некоторое смешение синтаксической и морфологической терминологии, а также синтаксиса и семантики, ученый предложил четкую концепцию, позволяющую единым образом описывать синтаксические структуры языков различного строя, связывая эти структуры с семантическими характеристиками.

С точки зрения развития учения о сложноподчиненных предложениях, Л. Теньера принято рассматривать как автора морфологической классификации исследуемой группы предложений, поскольку в его работах выделяются сложноподчиненные предложения с субстантивными, адвербиальными, адъективными придаточными.

Среди последователей Л. Теньера необходимо назвать представителей так называемой ленинградской синтаксической школы, созданной в 60-е гг. XX века теоретиком синтаксиса А. А. Холодовичем (1906–1977). Лингвисты, развивавшие идеи Л. Теньера, стали разграничивать семантические актанты (участники действия, играющие те или иные роли) и синтаксические актанты

(соответствующие члены предложения). При таком понимании диатеза определяется как тип соответствия между семантическими и синтаксическими актантами, в то время как Л. Теньер нечетко разграничивал синтаксис и семантику, и понятие актанта оказывалось недифференцированным [Теньер 1988].

Учитывая вышесказанное, можно подчеркнуть, что указанные труды повлияли на становление структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений, где главным признаком становится признак структурный, на основе которого выделяются одночленные предложения (относящие придаточные к слову главной части) и двучленные (относящие придаточное ко всей главной части).

Среди идеологов структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений в отечественной лингвистике можно назвать Н. С. Поспелова [Поспелов 1950, 1959], В. А. Белошапкову [Белошапкина 1967], С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова [Крючков, Максимов 1977], В. А. Богородицкого [Богородицкий 2005] и др.

В рамках структурно-семантического подхода актуальными становятся следующие структурные признаки предложения [СРЯ 2002: 527]:

- а) характер союзных средств связи;
- б) характер и функции коррелятов;
- в) позиция придаточной части предложения;
- г) парадигма сложноподчиненного предложения.

С точки зрения структурно-семантической классификации, принято выделять следующие группы сложноподчиненных предложений [СРЯ 2002: 536]:

I. Предложения нерасчлененной структуры:

- а) присубстантивно-атрибутивные (определятельные);
- б) изъяснительно-объектные;
- в) прикомпаративно (сравнительно)-объектные;
- г) местоименно-соотносительные.

II. Предложения расчлененной структуры с:

- а) придаточным времени;
- б) придаточным причины;
- в) придаточным цели;
- г) придаточным следствия;
- д) придаточным условия;
- е) придаточным уступки;
- ё) придаточным сравнения;
- ж) подчинительно-присоединительным придаточным;
- з) придаточным сопоставительным.

Характерной особенностью предложений расчлененной структуры является то, что придаточное предложение относится ко всему главному предложению или его предикату, т. е. оно не зависит от лексических или грамматических свойств какого-либо слова в главном предложении. Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры характеризуются по следующим признакам: придаточное предложение относится к опорному слову или словосочетанию в главном; указательное слово является обязательным; придаточное предложение занимает, как правило, постпозицию.

Недостатком данной классификации является непоследовательный характер учета семантических признаков предложения. Между тем, как подчеркивают современные исследования, семантические характеристики играют важную роль в сложноподчиненных предложениях: «Yksinkertaisten peruslauseiden yhdisteleminen monimutkaisemmiksi rakenteiksi on paitsi syntaktien myös semanttis-tekstuaalinen ilmiö¹» [Накулинен, Карлссон 1995: 333].

Большое значение для развития синтаксиса имеют труды американского лингвиста Н. Хомского «Синтаксические структуры»

¹ Объединение простых предложений в сложную структуру предполагает не только механическое объединение синтаксических структур его частей, но и семантическое и прагматическое явление.

[Chomsky 1957] и «Аспекты теории синтаксиса» [Хомский 1972], в которых он исходил из идеи об автономности синтаксиса и его независимости от семантики, следуя за З. Харрисом.

Н. Хомский утверждал, что синтаксис – это учение о принципах и способах построения предложений. Целью синтаксического исследования любого языка является построение грамматики, которую можно рассматривать как механизм некоторого рода, порождающий предложения этого языка [Chomsky 1957].

С позиций развития современной лингвистики принято считать, что в отечественном языкознании последних десятилетий происходит формирование принципиально нового семантико-функционального подхода к изучению сложноподчиненных предложений. В его основе лежит учет способов организации информации. Идеологами данного направления являются А. М. Ломов, Р. Гусман Тирадо [Ломов, Тирадо 1999], С. А. Шувалова [Шувалова 1990], В. Ю. Копров [Копров 2010] и др.

Согласно семантико-функциональному подходу, придаточные предложения делятся на автосемантические (информация придаточного включается в информацию главного, в этом случае придаточное чаще всего вводится посредством подчинительных союзов) и синсемантические (информация главного включается в информацию придаточного, придаточное вводится посредством союзных слов) [Ломов, Тирадо 1999: 60]. В рамках данной классификации важным оказывается и расположение частей сложноподчиненного предложения: так, предложения с автосемантическими придаточными допускают более или менее свободное использование коррелятивов и разрешают размещение придаточной части в препозиции, интерпозиции и постпозиции. В отличие от этого, сложноподчиненные предложения с синсемантическим придаточным чаще всего реализуются в постпозиции, вопрос в них ставится от придаточной части [Ломов, Тирадо 1999: 60].

В рамках данного диссертационного исследования приводится лишь небольшой экскурс в историю развития синтаксиса в отечественной и зарубежной лингвистике. Данная тема может стать предметом специальных научных изысканий, поскольку каждое научное направление имеет свою методологию, терминологический аппарат, систему аргументации.

Включение данного раздела в нашу работу, с одной стороны, позволяет определить ключевые подходы к изучению теории сложного предложения, с другой – дает объяснение отсутствия единообразия в вопросах терминологии и классификации сложноподчиненных предложений. В частности, становится понятным, почему эстонский ученый Ф. Й. Видеманн в своих трудах по удмуртскому языку, написанных в конце XIX века, вместо термина изъяснительное предложение использует дефиницию предложение-существительное (примеры отражены в следующем разделе).

Более того, общий экскурс в развитие теоретических аспектов синтаксиса позволяет понять, почему даже в рамках одной национальной традиции могут использоваться разные системы классификации. В качестве примера приведем два типа классификаций сложноподчиненных придаточных предложений, которые используются для английского языка.

Так, зарубежные ученые Р. Квирк и С. Гринбаум в работе «A University Grammar of English» [Quirk, Greenbaum 1985] для современного английского языка выделяют четыре типа придаточных предложений:

а) придаточные предложения подлежащие (noun clauses): англ. *I think that he is a good actor* ‘Я думаю, что он хороший актер’ [Subekti 2017: 23];

б) определительные придаточные (adjective clauses): англ. *I know the man whose bicycle was stolen* [Subekti 2017: 23] ‘Я знаю мужчину, у которого украли велосипед’;

в) обстоятельственные придаточные (adverb clauses): англ. *After she graduates, she will get a job* [Subekti 2017: 24] ‘После того, как она выпустится, она получит работу’;

г) множественные придаточные (*multiple clauses*), в котором каждое зависимое придаточное может быть вышестоящим по отношению к одному или нескольким другим придаточным: англ. *I think that you can do it if you try* [Subekti 2017: 24] ‘Я думаю, что ты сможешь это сделать, если попытаешься’.

Современные исследователи английского языка С. Я. Карасова и Х. Х. Шаманова предлагают иную классификацию придаточных предложений [Карасова, Шаманова 2018: 193–194]:

а) субстантивные придаточные (*nominal clauses*) – основываются на номинативной функции предикативной единицы: придаточные подлежащие, сказуемые, дополнительные;

б) адъективные придаточные (*attributive clauses*) или определительные предложения осуществляют функцию определения;

в) адвербиальные придаточные (*adverbial clauses*) – осуществляют функции разнообразных ситуаций и включают в себя обстоятельственные придаточные времени, места, причины, следствия, образа действия, уступительные, цели, условия.

Вышеуказанные примеры наглядно демонстрируют, что для системы сложноподчиненных предложений одного и того же языка могут быть предложены различные типы классификаций.

Подводя итоги к данному разделу, можно подчеркнуть, что, несмотря на относительно продолжительную историю развития синтаксиса как науки, многие его базовые категории до сих пор остаются предметом научных дискуссий. Что касается истории изучения сложноподчиненных предложений, можно выделить функциональный (или логико-грамматический), морфологический, формальный (или формально-грамматический), структурно-семантический подходы. Для каждого из этих подходов характерны свои принципы выделения базовых категорий, методологические установки и терминологический аппарат. В следующих разделах нашего диссертационного исследования при классификации

сложноподчиненных предложений мы придерживаемся структурно-семантического подхода.

1.2. История изучения удмуртского синтаксиса

В истории изучения и становления синтаксиса удмуртского языка как науки выделяется ряд периодов, отличающихся друг от друга по содержанию, методологии и размаху исследовательских устремлений. В данном разделе нашего диссертационного исследования проведена систематизация научных трудов, посвященных изучению синтаксиса удмуртского языка в контексте развития пермского языкознания.

Как уже было отмечено в предыдущем разделе, синтаксическая наука в разные периоды развивается с различной степенью интенсивности: появляются новые взгляды, научные идеи, понятия и трактовки базовых дефиниций. На основе выявленных особенностей научных, методологических принципов и установок можно выделить три этапа в истории изучения синтаксиса удмуртского языка. Рассмотрим каждый из них подробнее.

1. Первый этап (со второй половины XVIII века по 1850-й г.) характеризуется отсутствием системного подхода к исследованию синтаксического строя удмуртского языка. Особенностью данного периода является также недостаточно четкое разграничение сфер морфологии и синтаксиса. Между тем уже на данном этапе были заложены основы синтаксической теории, формировались общие подходы к описанию и осмыслению как отдельных синтаксических явлений и категорий, так и теории предложения в целом.

Первой работой, систематизирующей грамматику удмуртского языка, является книга «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» [Сочиненія 1775] Казанского архиепископа В. Пуцек-Григоровича. Этот труд имеет важное значение не только с точки зрения зарождения удмуртской

письменности, но и для развития удмуртской культуры в целом [Кельмаков 1992а; 1999; 2001; 2002].

Как подчеркивает В. И. Алатырев в предисловии к переизданию данного труда, первая грамматика «посвящена только морфологии. В ней нет разделов фонетики, синтаксиса и орфографии. Но из словоформ, включенных в нее, можно установить определенные фонетические и синтаксические закономерности, действующие в удмуртском языке, а также способы и принципы написания слов» [Алатырев 1976: 17].

Необходимо отметить, что в первой грамматике удмуртского языка, еще не затрагивавшей вопросы синтаксиса языка, в примечаниях к разделу о местоимениях нами зафиксировано единственное сложноподчиненное предложение с определительным придаточным предложением, в котором в качестве союзного слова употреблено относительное местоимение: *мѠнЪ тынъѡдЪ кузмалѡ со сяскаѡсЪсѣ, кудъѡ-сЪсѣ тонЪ аддѡѡдЪ мѠнЪ дынѡмЪ* ‘я тебѣ подарю тѣ цвѣтки, которые ты видѣлЪ у меня’ [Сочиненія 1775: 42].

Аналогичная тенденция характерна и для грамматики М. Могилина² «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» [Могилинъ 1786]. Нами было выявлено одно простое предложение в разделе «О спряженіи глаголовъ»: *соѡдсѣ монѣ ораскизы* ‘они меня обругали’ [Могилинъ 1786: 69]. Также в примерах первого и второго спряжений были зафиксированы такие сочетания как: *куке тонъ верасаль* ‘ежели ты сказалъ’ [Могилинъ 1786: 168]; *ку ми вераллямъ?* ‘когда мы говорили?’ [Могилинъ 1786: 169]; *куке ти лестысаль* ‘когда бы вы здѣлали’ [Могилинъ 1786: 174] и т. д.

Важную роль для изучения удмуртского синтаксиса играют первые значительные по объему удмуртские тексты – переводные Евангелия и

² Некоторые современные ученые подвергают сомнению авторство данного труда, и считают, что рукопись «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» была составлена священником с. Укан Глазовского уезда Вятской провинции Казанской губернии М. А. Мышкиным (см. об этом: Чураков В. С. Об авторе и времени создания «Краткой отяцкой грамматики опыта» // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 3. С. 56–63). Однако в нашем исследовании мы будем ссылаться на источник, в котором указывается авторство М. Могилина.

Азбуки на сарапульском и глазовском наречиях, изданные в 1847 г. [Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; ЕвангМф. Гл. 1847; ЕвангМф. Сар. 1847; ЕвангМк. Гл. 1847], поскольку на их основе можно выявить особенности построения предложений в удмуртском языке. Данные труды могут быть интересны и с точки зрения явления лингвистической интерференции, поскольку в конструкциях предложений и деепричастных оборотах в указанных источниках присутствуют и нехарактерные для удмуртского языка того периода нарушения порядка слов. Проанализировав тексты оригинала и удмуртских переводов, А. Ф. Шутов отмечает, что «предложения переведены «дословно» с соблюдением порядка слов оригинала, с использованием моделей русских конструкций, с поиском удмуртских калек для русских союзов» [Шутов 1997: 216]. Например, *лыктыса но дышетскисьёс доре* ‘и подойдя к ученикам’; *учкыса соос вылэ* ‘посмотрев на них’ и др.

Таким образом, несмотря на то, что в письменных памятниках первой половины XIX века отсутствовали описания синтаксической структуры удмуртского языка, первые грамматики и переводные тексты отражают отдельные аспекты развития удмуртского синтаксиса.

2. Второй этап (с 1851 г. по 1938 г.)

Важным этапом для развития удмуртского синтаксиса является появление научной грамматики Ф. Й. Видеманна, который на основе указанных выше переводных текстов сумел написать подлинно научную грамматику удмуртского языка на немецком языке, используя положения грамматики «Сочинений» 1775-го г., текстовые и лексические материалы. Изучению синтаксиса посвящена третья часть научной грамматики (Syntax §§ 247–280). Помимо описания морфологических явлений удмуртского языка, в ней поднимаются вопросы функционирования простых и сложноподчиненных предложений, затрагиваются проблемы порядка слов в удмуртском языке: «In diesem Theile der Grammatik werden wir fast nur noch

über den eigentlichen Satzbau etwas nachzufragen und über die Ausdrücke, welche die Sprache für die Satz theile des einfachen Satzes oder die Glieder des zusammengesetzten gebrauchen kann, das Nöthige zusammenzustellen haben, da im Vorhergehenden schon über die Bedeutung, den Gebrauch und die Construction der einzelnen Wortformen an sich Auskunft gegeben ist³» [Wiedemann 1851: 267].

В работе «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» впервые выделены типы предложений в удмуртском языке с подчинительными конструкциями исследуемого языка [Wiedemann 1851: 273–277]. В частности, говоря об изъяснительных придаточных предложениях, автор научной грамматики в качестве соединительных элементов рассматривает союзы *что*, *ма* ‘что’, *малы* ‘почему’; также он отмечает, что в ряде случаев указанные союзы могут опускаться: «Dem deutschen ”dass” zur Bildung von Substantivsätzen entspricht am gewöhnlichsten die Conjunction *tschto* oder *ma*, auch *maly* <...> Oefters fehlen auch diese Conjunctionen, so dass Ober- und Untersatz ohne Abhängigkeits bezeichnung neben einander stehen⁴ [Wiedemann 1851: 274].

По мнению ученого, после глаголов, выражающих желание, просьбу, повеление, потребность, исследуемые конструкции могут также использоваться с союзом (по мнению эстонского ученого) *мед* ‘пусть’, благодаря чему высказывание приобретает значение намерения: «Nach den Verben, welche ein Wunchen, Wollen, Bitten, Verlangen, Befehlen, Bedürfen

³ В этой части грамматики мы обратим внимание на фактическое построение предложения, а также коснемся тех выражений, которые используются в языке как части простого предложения или части составного предложения, поскольку в предыдущих разделах мы уже рассмотрели значения, способы образования и функциональные возможности отдельных грамматических явлений.

⁴ Немецкому «*что*» для образования субстантивных предложений чаще всего соответствует употребление союзов *что* или *ма*, также *малы* <...> Кроме того, очень часто указанные союзы могут отсутствовать, в этом случае главная и зависимая части предложения могут просто присоединяться, без формального выражения средства подчинения.

ausdrücken, wird der objective Substantivsatz mit der Conjunction *med* gebildet, und nimmt also die Formen eines Absichtssatzen⁵» [Wiedemann 1851: 274].

Отдельное внимание Ф. Й. Видеманн уделяет предложениям, в которых подчинительная часть выражена косвенным вопросом. По мнению эстонского ученого, изъяснительные предложения могут быть образованы с помощью интеррогативных наречий и местоимений, а также с помощью вопросительного суффикса *a* в структуре подчинительных конструкций. Кроме того, в работе поднимается вопрос о разграничении изъяснительных и определительных придаточных предложений: «Zu den Substantivsätzen gehören noch 1) die indirecten Fragesätze, welche mit interrogativen Adverben und Pronomenen oder Fragesuffix *a* gebildet werden, 2) mit Relativen gebildete Sätze, welche sich auf ein weggelassenes Demonstrativbeziehen, welche also ihrer Bedeutung nach zwar eigentlich attributivisch sind, die aber, weil der durch sie näher bestimmte Substantivbegriff fehlt, den substantivirten Adjectiven sich gleich stellen⁶» [Wiedemann 1851: 275].

Интересно отметить, что Ф. Й. Видеманн в качестве «усеченных» форм изъяснительных придаточных предложений рассматривает инфинитивные конструкции и деепричастные обороты на *-тэк*: «Sehr häufig ist neben diesen vollständigen Formen des Substantivsatzes die abgekürzte, wozu theils das dem deutschen Infinitiv hierbei entsprechende dritte Verbalnomen auf *ny* und verneinend auch das Verbaladverb auf *tek* dient⁷» [Wiedemann 1851: 274].

⁵ После глаголов, выражающих желание, просьбу, команду, потребность, предложение-дополнение образуется с помощью союза *med*, и, таким образом, принимает значение предложения намерения.

⁶ К предложениям-существительным могут быть отнесены: 1) косвенные предложения вопроса, образованные с вопросительными наречиями и местоимениями или вопросительным суффиксом *a*; 2) относительные предложения, в которых отсутствуют демонстративные элементы, в связи с чем несмотря на то, что они на самом деле являются атрибутивными по своему значению, но по форме выражения близки к субстантивным прилагательным.

⁷ Очень часто помимо полных форм предложений-существительных используются «усеченные» формы, в которых присутствуют инфинитивные формы на *-ны* и отрицательные глагольные формы на *-тэк*.

Во второй грамматике Ф. Й. Видеманна «Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen» [Wiedemann 1884] впервые в сопоставительном плане рассматривается грамматический строй близкородственных коми и удмуртского языков. Вопросам изучения синтаксиса посвящены §§ 144–156, которые разделены на такие тематические группы как простое предложение, сложные предложения, порядок слов в предложении.

Описывая изъяснительные предложения (Substantivsätzen, по терминологии Ф. Й. Видеманна), автор разграничивает два типа конструкций, с одной стороны – с предикатом типа *хотеть, желать, требовать, приказывать, просить* и др. (в этом случае в удмуртском языке используется лексема *мед*), с другой – вопросительные предложения с интеррогативными местоимениями и наречиями: «а) Substantivsätze, zu Sätzen erweiterte Subjecte oder Objecte, werden zynächst gebildet mit *myi* (dass, lat. quod), oder, wenn das Object etwas Erstrebtes, Zuerreichendes ist, mit *med* (dass, lat. ut), wie bei der Abhängigkeit von den Zeitwörtern wollen, wünschen, bedürfen, befehlen, verlangen, veranlassen, bitten etc. <...> б) eine zweite Kategorie von Substantivzätzen bilden die indirecten Fragen, wie in anderen Sprachen, mit interrogativen Fürwörtern und Adverben⁸» [Wiedemann 1884: 241–242].

Еще одним зарубежным ученым, который в XIX веке посвятил свою работу описанию фонетического и морфологического строя удмуртского языка, является финский исследователь Т. Г. Аминофф. Как следует из названия – «Votjäkin äänne- ja muoto-opin luonnos» [Aminoff 1896] – в научном исследовании нет специального раздела, посвященного синтаксису,

⁸ а) Предложения-существительные (подлежащие или объекты, расширенные до предложений), часто образуются с помощью *ма* ‘что’, или, если объект представляет собой намерение – с помощью *мед* ‘чтобы’, которое выражает желание, намерение, необходимость, приказ, требование, побуждение, просьбу и т. д. <...> б) вторую группу существительных-предложений составляют косвенные вопросы, как и в других языках, с вопросительными вспомогательными словами и наречиями.

однако, как и в случае с первыми грамматиками удмуртского языка, в данной грамматике зафиксированы отдельные предложения и синтаксические конструкции.

С точки зрения изучения диалектного синтаксиса, определенный интерес представляет публикация текстов произведений удмуртского фольклора «Wotjakilaisia kielinäytteitä» [Aminoff 1886], записанных в четырех удмуртских селениях, – на территории распространения двух различных диалектов: казанского (совр. кукморский говор) и вятского или якшурского (совр. средневосточные говоры). В работе приведены 145 загадок, 12 заговоров, 4 короткие песни и 1 куриськон кукморских удмуртов, а также 10 сказок и 36 загадок якшур-бодьинских удмуртов в финно-угорской транскрипции на латинской графической основе с параллельным переводом на финский язык [Кельмаков 1981: 16].

Для изучения диалектного синтаксиса могут быть также полезны тексты, записанные в «Образцах удмуртской речи» другим финским исследователем – Ю. Й. Вихманном [Wichmann 1893; 1901]. Как отмечает профессор В. К. Кельмаков, «Ю. Й. Вихманн своими текстовыми и лексикографическими публикациями и уникальным рядом научных исследований внес огромный вклад в разработку удмуртского языкознания» [Кельмаков 1990: 3]. Несмотря на то, что в фокусе исследований финского ученого, как и в других трудах этого времени, не оказались вопросы синтаксиса, его работы, посвященные вопросам исторической фонетики, исторической лексикологии, этимологии, морфологии и диалектологии финно-угорских языков, могут дать дополнительные сведения при изучении отдельных аспектов удмуртского синтаксиса.

Венгерский исследователь Б. Мункачи в 1885 г. собрал словарный и фольклорно-диалектологический материал на территории распространения почти всех основных территориальных вариантов удмуртского языка. Результатами его поездки стали два издания – сборник фольклорных текстов «Votják népköltészeti hagyományok» [Munkácsi 1887] и диалектологический

словарь удмуртского языка «A votják nyelv szótára» [Munkácsi 1896]. Другая его работа «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» [Munkácsi 1952] была опубликована уже после смерти автора ученым Д. Р. Фокош-Фуксом, в которой был зафиксирован целый ряд произведений удмуртского фольклора и множество этнографических зарисовок. Данные издания также могут быть полезны в качестве источниковой базы для изучения удмуртского синтаксиса.

В работе Х. Винклера «Der uralaltaische Sprachstamm das Finnische und das Japanische» [Winkler 1909] имеется раздел, посвященный синтаксису удмуртского языка, где ученый оперирует примерами, взятыми им из текстов Ю. Вихманна. Автор уделяет большое внимание деепричастным, причастным и инфинитивным конструкциям, которые он называет «побочными определениями». Х. Винклер приходит к выводу, что за некоторыми исключениями индогерманское союзное придаточное предложение появляется в удмуртском языке равномерно и регулярно в виде включенных в сложноподчиненное предложение побочных определений по типу так называемых абсолютных генитивов, аблативов, аккузативов [Winkler 1909: 107], например, *so niu uromze derem soto suisa ötisa* [Winkler 1909: 107]; *pottillam kuum murt šuisa musir – bektseiez* [Winkler 1909: 107]. Анализируя вклад ученого в развитие удмуртского языкознания, А. Ф. Шутов подчеркивает, «он [Н. Winkler] не придал должного значения распространенным в удмуртском языке частицам союзного порядка, назвав их союзоподобными и полусоюзами» [Шутов 2002: 15].

В своей работе Х. Винклер также поднимает вопросы типологического и контактологического изучения синтаксиса удмуртского языка. Так, рассматривая особенности семантического наполнения союзов и их местоположения в структуре предложения уральских и алтайских языков, ученый подчеркивает явное влияние русского языка на синтаксис сложноподчиненных предложений удмуртского языка: «Schliesslich sei hervorgehoben, dass auch das Wotjakische trotz uverkennbarer Beeinflussung

durch das Russische, und trotzdem es oft emphatisch mit vollem Bewusstsein in freierer Auffassung besonders nachdrücklich zu betonende Satzteile voranstellt, die echt altaische Stellung der Satzglieder immer wieder als eigentliche Norm durchblicken last⁹» [Winkler 1909: 116]. К сожалению, вопросы синтаксической интерференции до сих пор еще не нашли должного отражения в удмуртской лингвистике.

Начало XX века характеризуется изданием значительного количества грамматик удмуртского языка. Но, несмотря на то, что еще в середине XIX века Ф. Й. Видеманном были заложены научные основы изучения удмуртского синтаксиса, авторы грамматик 1920–30-х гг. чаще всего уделяли недостаточное внимание изучению вопросов синтаксиса.

В частности, в «Краткой грамматике языка народа удмурт» П. П. Глезденева отводится 10 страниц для раздела «Синтаксис. Краткие сведения из синтаксиса языка удмурт». Так, автор описывает особенности словопорядка в удмуртском языке; далее в сопоставительном аспекте приводит описание членов предложения в удмуртском и русском языках [Глезденев 1921: 45–55]. Важно отметить, что исследователь разграничивает простые и сложные предложения. Сложные предложения П. П. Глезденев подразделяет на *слитные* (согласно современной терминологии – сложносочиненные) и *придаточные* (согласно современной терминологии – сложноподчиненные) [Глезденев 1921: 51–52]. Необходимо отметить, что не во всех случаях в приведенных автором примерах предложения являются сложными, например, *Мон нюнялы скалэн валэн сётй* ‘Я старшему брату (дяде) дал по корове и лошади’ [Глезденев 1921: 52]; *Жытазэ-но чукна-но*

⁹ Наконец, следует подчеркнуть, что, несмотря на очевидное влияние русского языка на синтаксис удмуртского языка, которое прослеживается в свободном расположении членов предложения, порядок членов предложения как в алтайских языках является все-таки нормой.

миньям доктор ветлэ ‘И вечером, и утром к нам ходит доктор’ [Глезденев 1921: 52].

Среди придаточных предложений исследователь разграничивает следующие группы: определительные, дополнительные, обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства образа действия, обстоятельства цели, условные предложения, уступительные предложения. Также П. П. Глезденев в разделе «Придаточные предложения» демонстрирует примеры из русского языка, затем переводит их на удмуртский язык, но не приводит примеры сложных предложений из удмуртского языка: *Деревня, в которой я родился, очень красива* ‘Вордцкем гуртэ туж чебер’ [Глезденев 1921: 53]; *Что слышишь, никому не сказывай* ‘Кылэмдэ нокинлы-но эн вера’ [Глезденев 1921: 53]; *Скажи, когда уйдешь* ‘Ку кошкемдэ вера’ [Глезденев 1921: 53].

В 1924 г. удмуртским ученым, писателем и просветителем Г. Е. Верещагиным (под псевдонимом Удморт) было подготовлено «Руководство к изучению вотского языка» [Верещагин 1924]. В своей книге автор выделяет всего несколько разделов, посвященных вопросам синтаксиса. Так, в разделе «О частях предложения» [Верещагин 1924: 148–150] Г. Е. Верещагин описывает функциональную нагрузку определений, дополнений и обстоятельств. Особенности употребления подлежащего и сказуемого описаны в разделе «Расположение слов» [Верещагин 1924: 146–148]. Интерес представляет часть «Предложения» [Верещагин 1924: 150–152], где удмуртский ученый предлагает выделять следующие типы предложений: простые, сложные, второстепенные, главные, придаточные, полные, сокращенные, вопросительные, восклицательные: *Тылобурдоос лобало* ‘Птицы летают’ [Верещагин 1924: 150]; *Шунды сик-сьöры пуксиз ини* ‘Солнце закатилось уже за лес’ [Верещагин 1924: 150]; *Ку тон быдэстод коркадэ?* ‘Когда ты достроишь избу (свою)?’ [Верещагин 1924: 151]; *Матйсь мурт кидёке мынэ, кытйсь мар, ужсамзэ нокинъ уг адзы* ‘Близкий человек уходит в дальнюю страну, откуда никто, что он делает, не видит’ [Верещагин

1924: 151]. Как видно из приведенного перечня, автор не разграничивает разные подходы и принципы для группировки разных типов предложений. В работе также поднимаются вопросы постановки знаков препинания, что также имеет отношение к вопросам синтаксиса.

В другой работе Г. Е. Верещагина «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» впервые разрабатывается терминология на удмуртском языке [Верещагин 2002: 159–285]. В частности, для термина предложение автор предлагает понятие *куз'ямкыл* [Верещагин 2002: 276]; сложное предложение – *суро куз'ямкыл* [Верещагин 2002: 277], полное предложение – *тыр верам* [Верещагин 2002: 278], вопросительное предложение – *юась куз'ямкыл* [Верещагин 2002: 279], главное предложение – *ыджытэз (бадзымез) куз'ямкыл* [Верещагин 2002: 278], восклицательное предложение – *кӧртысь* или *черекъясь* [Верещагин 2002: 279].

Как видим из указанных примеров, разработка терминологии на удмуртском языке требовала пристальных усилий со стороны исследователей, т. к. даже по отношению к дефиниции предложение удмуртским исследователем в разных контекстах приводятся три варианта: *куз'ямкыл*, *верам* и нулевая маркировка (восклицательное предложение – *кӧртысь* или *черекъясь* [Верещагин 2002: 279]).

Терминотворчество в области удмуртской грамматики было продолжено И. В. Яковлевым в работе «Удмурт кылрадъян» [Яковлев 1931], написанной на удмуртском языке. Синтаксису посвящена третья часть труда [Яковлев 1931: 63–76]. Для определения основных терминов синтаксиса ученым были предложены следующие понятия: простое предложение – *огполэс веран* [Яковлев 1931: 68], сложное предложение – *кушето веран* [Яковлев 1931: 71], придаточное предложение – *валэктійсь веран* [Яковлев 1931: 72] и др.

Еще один исследователь А. И. Главатских в труде «Удмурт грамматика. Морфологи» [Главатских 1933] также уделяет внимание разработке терминов удмуртского синтаксиса. Так, для базовых терминов

синтаксиса автором предлагаются следующие дефиниции: подлежащее – *бадзымкыл* [Главатских 1933: 5], синтаксис – *йыркыл* [Главатских 1933: 5], распространенное предложение – *вӧлскем веран* [Главатских 1933: 8], нераспространенное предложение – *вӧлскымтэ веран* [Главатских 1933: 8] и др. Однако вопросы, связанные с синтаксисом простого и сложного предложения, в работе не рассматриваются.

Следует заметить, что подобная тенденция – отсутствие разделов по синтаксису – характерна для большинства грамматик этого периода, в частности, и для работы А. И. Емельянова «Грамматика вотяцкого языка» [Емельянов 1927]. Тем не менее, в грамматике А. И. Емельянова нами зафиксировано множество предложений в разделе «Морфология», например, *ta murt ńa-rak buskel'l'osse ӧt't'sasa veram* ‘человек этот созвавши всех соседей, сказал’ [Емельянов 1927: 71]; *ug kä vera iskä ačmäos al'i sojä veratom* ‘если он не говорит, в таком случае мы заставим его сказать’ [Емельянов 1927: 74]; *valdä šuloän än ul'l'a, šezijän ul'l'a* ‘не погоняй лошадь бичем, а овсом’ [Емельянов 1927: 115] и т. д.

Анализируя грамматики 1920–30-х гг., можно заметить, что более пристальное внимание исследованию вопросов синтаксиса уделяется С. П. Жуйковым в работе «Основы грамматики удмуртского языка» [Жуйков 1937]. В ней он опирается на высказывания Н. Я Марра о значимости синтаксиса и приходит к выводу, что «при разрешении языковых проблем в удмуртском языке мы должны исходить из синтаксиса как из основной части нашего языка, а, следовательно, и мышления» [Жуйков 1937: 7]. Как отмечает С. П. Жуйков, лишь проанализировав синтаксис, появится возможность раскрыть семантику того или иного слова, а также уточнить особенности функционирования его отдельных форм [Жуйков 1937: 7].

В «Основах грамматики удмуртского языка» С. П. Жуйков уделяет отдельное внимание таким явлениям, как простые и сложные предложения, члены предложений, пунктуационные правила. В своей работе он приводит множество примеров простых предложений: *Вал юэ* ‘Лошадь пьет’ [Жуйков

1937: 11]; *Калык ужа* ‘Народ работает’ [Жуйков 1937: 11]; *Яшалы ботинка кулэ ой вал* ‘Яше ботинки были не нужны’ [Жуйков 1937: 14], тогда как в разделе «Сложные предложения» можно встретить лишь два примера: *Мон тонэ оти но, нош тон малы од лыкты?* ‘Я тебя позвал, а ты почему не пришел?’ [Жуйков 1937: 28]; *Тол ортчиз, тулыс вуиз* ‘Зима прошла, настала весна’ [Жуйков 1937: 28]. При этом в разделах «Отрицательные предложения», «Определение», «Предложения с однородными членами», «Знаки препинания при однородных членах», «Вводные слова», «Приложение (вöзан)» встречаются следующие сложные предложения: *Жöк лэсьтымтэ, завод быдэсьтымтэ на* ‘Стол не сделан, вещь еще не доделана’ [Жуйков 1937: 13]; *Ударник аслэсьтыз премизэ басьтыны уг быгаты вал но, солы местком юрттйз* ‘Ударник не мог забрать свою премию, ему помог местком’ [Жуйков 1937: 14]; *Синмо адыми адэе, синтэм уг адэы* ‘Зрячий человек видит, слепой – нет’ [Жуйков 1937: 15]; *Гужем ортчиз но, сйзыйл вуиз* ‘Лето прошло, и наступила осень’ [Жуйков 1937: 21]; *Мон ужай, а тон чыдэтскид* ‘Я работал, а ты отдыхал’ [Жуйков 1937: 21]; *Азьло Россиын трактор уг лэсьто вал, нош али асьмеос трос трактор поттыны кутским* ‘В давнее время в России трактора не делали, а теперь мы сами начали выпускать их’ [Жуйков 1937: 21]; *Мон висисько, а тон монэ куаретйськод* ‘Я болею, а ты кричишь на меня’ [Жуйков 1937: 22]; *Мон кылзйсько солэсь, шузи, жеч муртлэсь музэн, нош со алдаське вылэм* ‘Я слушаю его, глупый, как хорошего человека, а он, оказывается, врет’ [Жуйков 1937: 26] и др.

Следует отметить, что в иллюстративном материале отсутствуют сложноподчиненные предложения. По мнению С. П. Жуйкова, их отсутствие в художественной литературе, в «оригинальной» и «политической литературе» (за исключением переводной), а также в разговорном языке, объясняется тем, что сложноподчиненные предложения «находятся в периоде появления» [Жуйков 1937: 29–30].

Таким образом, для второго периода развития удмуртского синтаксиса (с 1851 г. по 1938-е гг.) характерно более пристальное внимание к изучению

синтаксической природы языковых явлений, а также к разработке терминологии на удмуртском языке. Но, несмотря на то, что в отечественной лингвистике еще с конца 20-х гг. XIX века, как это было показано в предыдущем разделе, синтаксис начинает развиваться благодаря работам Н. И. Греча, А. Х. Востокова, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни и др., а также обретает самостоятельный статус и выделяется как отдельная наука, в удмуртской лингвистике серьезные научные исследования в области синтаксиса начались только во второй половине XX века.

3. Третий этап (с 1939 г. по настоящее время)

Большой вклад в исследование синтаксиса удмуртского языка внес удмуртский ученый-исследователь П. Н. Перевощиков. Он впервые подробно рассмотрел сложноподчиненные предложения, деепричастные и некоторые другие конструкции, особенности функционирования подчинительных союзов, влияние русского языка на грамматический строй удмуртского языка и др. [Перевощиков 1939; 1946; 1948; 1951; 1952; 1956; 1959].

Так, в работе «Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке» [Перевощиков 1939] ученый подробно описывает:

а) способы построения сложноподчиненных предложений, например: *Кытын Москва шур Окае усе, отын Коломна город сылэ* ‘Где река Москва впадает в Оку, там стоит город Коломна’ [Перевощиков 1939: 11]; *Соиз ик врач, кудйз ветлйз командир доры, лечить кариз монэ но* ‘Тот же врач, который приходил к командиру, лечил и меня’ [Перевощиков 1939: 15]; *Вотасько, будто пие быдэс толэзьлы отпуске бертэм* ‘Вижу сон, будто мой сын на целый месяц приехал домой в отпуск’ [Перевощиков 1939: 19]; *Нюлэскын писпу туж уно – бадярлэсь вожесз чик өвёл* ‘В лесу очень много деревьев – зеленее клена совсем нет’ [Перевощиков 1939: 38];

б) виды придаточных предложений (придаточные подлежащие и сказуемые) (*Кин татын ужа, каждоез жытазе рабфакын дышетске* ‘Кто здесь работает, каждый учится вечером на рабфаке’ [Перевощиков 1939: 48];

Кыче ке ужамед, уждуныз но сыче ик ‘Какова твоя работа, и зарплата такова’ [Первошиков 1939: 50]), определительные (*Соос лыктйзы сыче гуртысь, кытын егитъёс ванъзы комсомолецъёс луо* ‘Они прибыли из такой деревни, где все молодые являются комсомольцами’ [Первошиков 1939: 52]), дополнительные (*Собрание жьытазе луоз шуыса, милем ялйзы ини* ‘Нам уже объявили, что вечером будет собрание’ [Первошиков 1939: 54]) и обстоятельственные придаточные предложения: образа действия (*Озы лэсты, кызы мастер возьматйз* ‘Так сделай, как мастер показал’ [Первошиков 1939: 57]), места (*Кытчюзь ветлйз нырысетй экспедиция, ми но отчыозь ик туэ вуыны быгатйм* ‘Куда доходила первая экспедиция, и мы туда же смогли добраться ныне’ [Первошиков 1939: 59]), времени (*Корка пырыны гинэ вуи, соку ик тыл кысйз* ‘Только успел войти в дом, тогда же потух огонь’ [Первошиков 1939: 59]), причины (*Чукна ик од лыкты бере, мон ой ни витъы тонэ* ‘Раз не пришел утром же, я тебя не дождал’ [Первошиков 1939: 60]), цели (*Заводэ ужаны мед пыроз шуыса, келям вал пиме гуртысь* ‘Отправил из деревни сына, чтобы он поступил работать на завод’ [Первошиков 1939: 62]), условные (*Аналкид ке, ымад вуэм пуньыед но секыт потоз* ‘Если заленишься, даже ложка, поднесенная ко рту, покажется тяжелой’ [Первошиков 1939: 63]), уступительные (*Гырпум матын ке но, куртчыны уг луы* ‘Локоть близок, да укусить нельзя’ [Первошиков 1939: 65]), следствия (*Жьытазе кенжем гидкуа сокем лек сутскиз, что бакчаын мертэм емышьёс куасьмызы* ‘Вечером загоревшееся строение настолько сильно горело, что посаженные в огороде овощи посохли’ [Первошиков 1939: 66])). Также в работе уделяется отдельное внимание исследованию «параллельных конструкций» – простых предложений с отглагольными оборотами (*Трамвай вырзъыку, азыпалтймы ик автомобиль ортчиз* ‘Когда тронулся трамвай, перед нами проскочил автомобиль’ [Первошиков 1939: 71]; *Ванъзэ саранчаез быдтыны понна, специальной отряд кылдытэмын вал* ‘Для истребления всей саранчи был создан специальный отряд’ [Первошиков 1939: 72])).

П. Н. Перевощиков отмечает, что «вопрос о сложноподчиненных предложениях имеет исключительно важное значение, ибо разрешение его органически связано с развитием удмуртского литературного языка, удмуртской письменности» [Перевощиков 1939: 8].

Удмуртский ученый также исследовал происхождение и семантическую нагрузку союзов *шуыса, бере, дырья* в работе «Союзы подчинения в удмуртском языке: Функции и происхождение союзов *шуыса, бере, дырья*» [Перевощиков 1946]. Указанная работа положила начало серии статей, посвященных исследованию данного вопроса в удмуртской лингвистике.

В работе «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке», опубликованной в 1959 г., П. Н. Перевощиков подробно рассматривает деепричастные словосочетания – конструкции деепричастий с зависимыми именами существительными с послелогом и без послелогов, историю образования этих конструкций, показывает расположение их в распространенных предложениях, например: *Тракторлэн рулез борды кутскыкуз, со шумпотонэн пачылмиз* ‘Взявшись за руль трактора, он очень сильно обрадовался’ [Перевощиков 1959: 135]; *Одйгез солдат, вал вылысьтыз васькыса, шур пала мыниз* ‘Один из солдат, соскочив со своей лошади, направился к реке’ [Перевощиков 1959: 139]; *Кöня ке нунал улыса, Лиза кошкыз* ‘Прожив несколько дней, Лиза уехала’ [Перевощиков 1959: 236].

В другой работе о переходных конструкциях в удмуртском языке П. Н. Перевощиков рассматривает конструкции переходного типа, которые можно интерпретировать и как придаточное предложение, и как оборот, например: *Зичы мукет нюлэскы кошкем бере, луд кеч атасэз öтем но соос çош улыны кутскиллям* ‘После того, как лиса ушла в другой лес, заяц позвал петуха, и они начали вместе жить’ [Перевощиков 1955: 175]; также ученый впервые исследовал основные средства передачи чужой речи – прямую и

косвенную речь, диалог. Все указанные аспекты являются важными в рамках исследования теории предложения.

К изучению синтаксиса обратился также удмуртский ученый М. Н. Булычев в работе «Порядок слов в удмуртском простом предложении» [Булычев 1947]. В качестве источникового материала М. Н. Булычев использует собранный Ю. Вихманном фольклорный материал, а также газеты и журналы того периода. Как отмечает Ф. Ф. Советкин, он недостаточно привлекает материал из переводных текстов, которые «расширили бы базу его суждений и могли бы наглядно показать влияние русского языка на строй удмуртского предложения в современном литературном языке» [Советкин 1947: 3].

М. Н. Булычев в своей работе не рассматривает отдельно семантические и функциональные возможности членов предложения, особенности их местоположения в предложении. В круг научных интересов исследователя попадают соотношение и взаимное расположение членов предложения по определенным группам – концентрарам.

Анализируя синтаксис простого предложения, М. Н. Булычев рассматривает его, прежде всего, как двухсоставное предложение, в основе которого лежат два концентрара – концентр подлежащего и концентр сказуемого. Каждая из этих групп слов, концентрирующихся около подлежащего или сказуемого, замыкается соответственно подлежащим или сказуемым, например: *Сютэм кион лылы но шумпотэ* ‘Голодный волк и кости радуется’ [Булычев 1947: 30]; *Гондыр соглаш луэм* ‘Медведь согласился’ [Булычев 1947: 38].

Весь свой дальнейший анализ предложения автор строит также по концентрарам:

а) подлежащее – сказуемое (*Петырэн Иванэн ёшатскыса ужало* ‘Пётр вместе с Иваном соревнуйся работают’ [Булычев 1947: 39]);

б) определение – определяемое (*Начар гуртьёсты Пугачёв жалаз* ‘Бедные деревни Пугачёв пожалел’ [Булычев 1947: 45]; *Корт линет кемагес чуда* ‘Железная крыша дольше терпит’ [Булычев 1947: 46]);

в) дополнение, обстоятельство – управляющий глагол (*Мон тыныд уксё сёто* ‘Я тебе деньги дам’ [Булычев 1947: 53]; *Со корказ кёлыны куриськем* ‘Он в его дом попросился переночевать’ [Булычев 1947: 56]). При этом особое место в предложении он отводит концентру «определение – определяемое», рассматривая этот концентр как известную норму, по которой построено всякое простое предложение.

Вопрос о порядке слов исследуется М. Н. Булычевым в историческом разрезе, с демонстрацией генезиса взаимно зависимых членов предложения. Подобный метод исследования членов удмуртского предложения и генезиса их позиций является первым опытом в удмуртском и даже в финно-угорском языкознании [Булычев 1947: 4].

Как уже было отмечено выше, происхождение субъектных деепричастных конструкций П. Н. Перовщиков возводит к определительным словосочетаниям имен; в отличие от него, другой ученый, также исследовавший синтаксис удмуртского языка, – В. И. Алатырев – в своей работе о субъектных деепричастных конструкциях удмуртского языка считает такие конструкции не оборотами в составе простого предложения, а придаточными предложениями в составе синтаксического сложноподчиненного предложения. Ученый доказывает это следующими примерами: *Мон нюлэскы ветлытозь, Иванов ужзэ быдэстэм* ‘Пока я ездил в лес, Иванов завершил свою работу’ [Алатырев 1967: 59]; *Мон чорыганы мыныкум, тй мыным кесяськиды...* ‘Когда я шел рыбачить, вы мне кричали’ [Алатырев 1967: 60]. Удмуртский ученый выдвигает гипотезу о том, что деепричастия когда-то «свободно выступали в роли самостоятельных сказуемых и выражали предикативность» [Алатырев 1967: 54–55].

Научные достижения предыдущих лет были структурированы в фундаментальном исследовании по синтаксису удмуртского языка

«Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения» под редакцией В. И. Алатырева [ГСУЯ 1970]. В нем впервые обстоятельно рассмотрены главные члены предложения и несколько сжато – второстепенные члены. Также в работе исследуются следующие типы односоставных предложений:

а) бесподлежащие односоставные: определенно-личные (*Бу ваёд но библиотекае мынод* ‘Принесешь воды и пойдешь в библиотеку’ [ГСУЯ 1970: 185]), неопределенно-личные (*Гожъяськыны но йоназ дышетйллямтэ* ‘И писать по-настоящему не научили’ [ГСУЯ 1970: 189]), обобщенно-личные (*Толлы гужем дасясько* ‘К зиме готовятся летом’ [ГСУЯ 1970: 193]), безличные предложения (*Зоре* ‘Дождь идет’ [ГСУЯ 1970: 198]);

б) бесказуемые: номинативные (*Гужем. Арня нунал. Ђукна* ‘Лето. Воскресенье. Утро’ [ГСУЯ 1970: 208]).

В данной грамматике исследуются также полное и неполное (*Кöня ке дыр ортчыса, Леночка коркась потйз* ‘Через некоторое время Леночка выбежала из дома’ [ГСУЯ 1970: 212]; *Крезен шудыны* ‘Играть на гусях’ [ГСУЯ 1970: 212]), нечленимые предложения (*Ничего, мон кутйсько!* ‘Ничего, я воздержусь!’ [ГСУЯ 1970: 216])). Подробно рассмотрены однородные члены предложения, вводные слова, обращение. Несмотря на это, ряд аспектов остался неразработанным, а именно: слабо изучен вопрос о словосочетаниях, содержание их раскрыто не в полной мере; недостаточно полно раскрыты типы предложений по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные). Как подчеркивает удмуртский лингвист Р. И. Яшина, отсутствуют вопросы, касающиеся рассмотрения закономерностей словорасположения в предложении, морфологизованных и неморфологизованных второстепенных членов предложения, соотношения словосочетаний и второстепенных членов предложения, стилистической дифференциации всех видов простых предложений [Яшина 1977: 140–142]. Также стоит отметить отсутствие

раздела об обособлении (предложения с обособленными второстепенными членами, с обособленными оборотами).

В научной грамматике, посвященной изучению синтаксиса сложного предложения [ГСУЯ 1974], впервые с учетом структурно-семантического принципа классификации сложных предложений проанализированы основные типы сложных предложений (сложносочиненные (*Пыд улысьтыз удвай тачыртйз но, лось чацае пыриз* 'Под ногами треснули сучья, и лось зашел в чащу' [ГСУЯ 1974: 9]), сложноподчиненные (*Нуналлы быдэ Марина адзылыз, кызы ныльёс дэмен потазы колхоз уже* 'Ежедневно Марина видела, как девушки вместе выходили на работу в колхоз' [ГСУЯ 1974: 41]) и бессоюзные (*Син кышка, ки лэсьтэ* 'Глаза боятся, руки делают' [ГСУЯ 1974: 111])), а также способы передачи чужой речи (прямая и косвенная речь, несобственно-прямая речь, непосредственное включение и диалог). Среди недостатков данного издания ученые отмечают следующие моменты: специфика удмуртских сложных предложений отражена неполно, порядок следования компонентов сложносочиненного предложения не показан, также не разработаны синтаксические конструкции с присоединительными отношениями [Яшина 1977: 142].

Несмотря на указанные критические замечания, обозначенные выше коллективные издания на сегодняшний день являются единственными трудами, которые систематизируют основные разделы удмуртского синтаксиса в синхронии.

Среди теоретических работ в области удмуртского синтаксиса можно назвать исследования удмуртского лингвиста А. Ф. Шутова, автора более 80 научных работ. В своей кандидатской диссертации «Абсолютные обороты в удмуртском языке» [Шутов 1979] удмуртский ученый на большом фактическом материале убедительно доказал, что деепричастные конструкции представляют собой абсолютные обороты и относятся к составу простого предложения.

Другая его известная и важная для удмуртского синтаксиса работа была опубликована в 1999 г. под названием «Гипотаксис в удмуртском языке» [Шутов 1999]. В ней подробно рассматриваются основные моменты развития гипотактических отношений в удмуртском языке, приводятся типы конструкций с неличными формами глагола и другими словами, объясняется их происхождение. Данная работа легла в основу докторской диссертации «Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке [Шутов 2002].

Как отмечает автор исследования, уникальной особенностью синтаксиса современного удмуртского языка является то, что «в нем в богатом разнообразии сосуществуют параллельно и те, и другие разновидности гипотактических конструкций. С одной стороны, в языке часто используются структуры с инфинитными формами глагола. С другой стороны, в удмуртском языке широкое развитие получили сложноподчиненные предложения русского типа с союзными словами и подчинительными союзами. Однако и среди последних выделяются нехарактерные для русского языка придаточные предложения с постпозитивными союзами» [Шутов 2002: 12].

Продолжая цикл трудов, посвященных изучению языковых контактов на уровне синтаксиса [Перевощиков 1963; Веке 1914–1915: 1–77; Rédei 1969: 154–160], докторская диссертация А. Ф. Шутова содержит целый раздел «Вопрос о синтаксических заимствованиях» [Шутов 2002: 214–224].

Изучению сложноподчиненных предложений удмуртского языка посвящен цикл работ Н. Н. Тимерхановой, которая в 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках» [Тимерханова 1998; 1998a].

Исследуя вопросы развития синтаксиса удмуртского языка, отдельное внимание следует обратить на результаты исследований современных зарубежных ученых.

Так, проблемы смыслового и грамматического согласования субъекта предложения и предиката/предикатива, вопросы словопорядка в пермских языках поднимаются в монографии финского исследователя Р. Бартенс «Permiläisten kielten rakenne ja kehitys» [Bartens 2000]. Опираясь на результаты исследований Марии Вилкуна, Райя Бартенс отмечает, что удмуртский язык относится к SOV-языкам, а коми язык – к SVO-языкам. В качестве доказательства данного утверждения финский исследователь приводит статистические данные: так, в удмуртском языке доля предложений типа SXV (подлежащее – второстепенные члены (кроме объекта) – сказуемое) составляет 53,8%, тогда как доля предложений типа SVX – 9,1%. По утверждению исследователя, данная тенденция характерна для SOV-языков, поскольку в этом случае фокус (или грамматическая категория, которая определяет, какая часть предложения вносит новую, непродуцированную или контрастирующую информацию) располагается перед вербальной единицей: «SOV-kielten ominaisuus sijoittaa uusi informatio tai fokus verbin eteen näkyu udmurtin vahvasta frekvenssiluvusta¹⁰» [Bartens 2000: 343]. В отличие от удмуртского языка, в коми языке доля предложений типа SXV составляет 19,4%, тогда как доля предложений типа SVX – 50%.

Современный взгляд на синтаксис удмуртского языка представлен в монографии немецкого ученого Э. Винклера «Udmurtische Grammatik» [Winkler 2011]. В части, посвященной описанию синтаксических особенностей исследуемого языка, исследователь выделяет следующие разделы: основные типы предложений, типы предложений по цели высказывания, простое предложение, сложное предложения.

Несмотря на традиционный подход в структурировании материала, немецкий ученый предлагает новую классификацию отдельных синтаксических единиц. В частности, при описании типов предложений по цели высказывания Э. Винклер выделяет развернутые вопросительные

¹⁰ Особенность SOV-языков располагать новую информацию, или фокус, перед глагольной единицей ярко прослеживается в удмуртском языке.

(Entscheidungsfragen), замкнутые вопросительные (Ergänzungsfragen), повелительные (Imperativsatz), оптативные (Wunschsatz), экскламативные (Exclamativsatz) предложения [Winkler 2011: 145–149].

Анализируя научные исследования третьего этапа истории изучения синтаксиса удмуртского языка, необходимо уделить отдельное внимание трудам, в которых синтаксические явления пермских языков рассматриваются в диахроническом аспекте. В частности, некоторые основные древние черты синтаксиса коми и удмуртского языков освещены в статьях Б. А. Серебренникова [Серебренников 1967: 101–106; 1986: 116–123]. Академик полагает, что в современном удмуртском языке «происходит борьба двух синтаксических систем разных типов. Преобладающей является старая система тюрко-татарского типа, свойственная финно-угорскому праязыку. Но она постепенно разрушается благодаря влиянию русского языка» [Серебренников 1986: 122]. В работах ученого показываются основные закономерности развития синтаксического строя древнеудмуртского языка как синтаксиса тюрко-татарского типа, которые со временем под влиянием русского языка постепенно приобретают элементы другой синтаксической системы.

Вопросы развития синтаксиса пермских языков в диахроническом аспекте рассматривает также В. В. Понарядов в своей диссертации «Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении: Простое предложение» [Понарядов 2001], позднее изданной в виде монографии. В ней коми исследователь подчеркивает: «удмуртский словопорядок, в общем, и сейчас в основном сохраняет прауральский облик. Причиной этому, очевидно, не только меньшее воздействие на него русского языка, но и «консервирующее» влияние соседних тюркских языков (татарского и чувашского), типологически близких к прауральскому» [Понарядов 2010: 93]. При этом ученый отмечает, что «удмуртский словопорядок вовсе не идентичен прауральскому и, вероятно, больше отличается от него, чем словопорядок почти всех современных алтайских языков, а из уральских –

самодийских и обско-угорских. В частности, очень заметны отличия в построении вопросительных предложений, хотя удмуртский, как и коми, допускает наряду с новыми и древние модели» [Понарядов 2010: 93].

Актуальные проблемы словопорядка в системе современного удмуртского языка отражены в исследованиях Эрики Асталош. Так, венгерский исследователь описывает позиции сфокусированного объекта в удмуртском языке [Асталош 2012]. По мнению ученого, сфокусированный объект в исследуемом языке (элемент предложения, находящийся под логическим ударением и выступающий в роли объекта) не всегда занимает фокус-позиции (непосредственно перед глаголом в стандартной языковой ситуации и в конце предложения – в нестандартных случаях). Для определенной категории носителей удмуртского языка допустимо расположение фокуса и в других позициях [Асталош 2012: 7]. С целью определения места информационного фокуса, а также позиции контрастивного фокуса в удмуртском языке, венгерский ученый провела специальное исследование. Так, респондентам был предложен целый ряд предложений типа: *Мар Тӱ толон нуназе сииды?* ‘Что Вы вчера ели на обед?’ [Асталош 2012: 8]; *Кудзэ Тӱ золгес яратӱськоды: перепечез яке табанез?* ‘Что Вы любите больше: перепечи или табани?’ [Асталош 2012: 8] и т. д.

В результате проведенного исследования Э. Асталош приходит к выводу, что сфокусированный объект в удмуртском языке обычно расположен непосредственно перед глаголом. В то же время некоторые из респондентов посчитали верными и те примеры, где сфокусированный объект расположен перед топиком или между двумя топиками, а также в постпозиции по отношению к глаголу.

Свои научные результаты Эрика Асталош обобщила в докторской диссертации «*Szórendi típusváltás az udmurt nyelvben*» [Asztalos 2018], в которой автор подробно описывает особенности словопорядка в удмуртском предложении, а также уточняет влияние экстра- и интралингвистических факторов на изменение порядка слов в предложении исследуемого языка.

Учитывая вышесказанное, можно подчеркнуть, что, несмотря на относительно долгий путь своего развития, многие вопросы удмуртского синтаксиса остаются еще нерешенными. Генерирование новых знаний, поступательное развитие научно-методологического аппарата мировой лингвистики формируют новые вызовы для осмысления синтаксического строя удмуртского языка. В частности, это могут быть изучение удмуртского синтаксиса в коммуникативном или диахроническом аспекте, использование методов корпусной лингвистики при изучении синтаксических категорий, выявление межкатегориальных связей внутри предложения/предложений и др. Выделенные аспекты не исчерпывают всего многообразия существующих подходов к изучению синтаксических единиц, возможно и появление новых направлений исследования, которые позволят с новых позиций дать анализ каких-либо свойств единиц удмуртского синтаксиса.

Выводы по Главе 1

Сложноподчиненное предложение – грамматически и интонационно целостная единица речи, являющаяся основным средством формирования, выражения и сообщения мысли, чувства и волеизъявления. Это сложная по строению (структуре) и значению единица синтаксиса, которая состоит из двух неравнозначных частей: независимая (или главная) часть и зависимая (подчиненная) часть. Связь частей и выражение отношений между ними осуществляется с помощью союзов и союзных слов.

В мировой лингвистике представлены функциональный (или логико-грамматический), морфологический, формальный (или формально-грамматический) и структурно-семантический способы классификации сложноподчиненных предложений. Каждый из этих подходов ориентируется на свои структурные признаки ранжирования лингвистических единиц.

Удмуртский синтаксис имеет более чем двухвековую историю развития. В процессе его изучения можно выделить три периода,

отличающихся друг от друга по содержанию, методологии и размаху исследовательских устремлений:

а) первый период – со второй половины XVIII века по 1850-й г. – характеризуется отсутствием системного подхода к исследованию синтаксического строя удмуртского языка. На этом этапе развития удмуртского языкознания были заложены основные подходы к изучению синтаксиса как науки, формировались общие подходы к описанию и осмыслению как отдельных синтаксических явлений и категорий, так и теории предложения в целом;

2) второй период – с 1851 г. по 1938 г. – отличается более пристальным вниманием к синтаксической природе языковых явлений, а также к разработке терминологии на удмуртском языке;

3) третий период – с 1939 г. по настоящее время – характеризуется появлением специальных изысканий, посвященных изучению отдельных аспектов синтаксиса. В этот период разрабатываются также научные грамматики по удмуртскому языку.

Несмотря на относительно долгий путь развития удмуртского синтаксиса, многие его аспекты остаются малоизученными, в том числе и вопросы функционирования придаточных предложений, выражающих изъяснительные отношения.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Проблема классификации сложных предложений

Изучение любой лингвистической единицы начинается с вопросов классификации изучаемого явления. Основные принципы классификации синтаксических категорий могут определяться устоявшимися традициями описания языка, интеграцией новых знаний в изучаемую область, использованием новых научных методов и подходов и др.

Как уже было отмечено в предыдущей главе, на основе анализа синтагматических и парадигматических отношений в структуре сложного предложения, а также особенностей взаимодействия главной и придаточной частей, в лингвистике традиционно выделяется четыре подхода к типологии сложноподчиненных предложений [Ильенко 1976; Иванищева 2018]: а) логико-грамматический; б) формальный; в) семантический и г) структурно-семантический. Некоторые ученые предлагают выделять также семантико-функциональный подход [Ломов, Гусман Тирадо 1999].

Традиция описания языковых явлений удмуртского синтаксиса во многом совпадает с развитием национальных лингвистических традиций языков Урало-Поволжья. Так, исследователи татарского языка М. З. Закиев и Л. М. Гиниятуллина отмечают, что вплоть до 1960-х гг. вопросы классификации сложноподчиненных предложений в татарской филологии оставались нерешенными. С развитием же структурно-семантического подхода были названы новые виды придаточных предложений, а также выделены уточнительные предложения как отдельный тип придаточных [Закиев, Гиниятуллина 2020: 153].

Аналогичная тенденция в указанных временных рамках характерна и для удмуртского языкознания. Как отмечает удмуртский лингвист А. Ф. Шутов, по мере того, как развивался структурно-семантический способ классификации придаточных предложений в удмуртском языке, придаточные сказуемые и некоторые придаточные подлежащие, включившись в местоименно-определительные придаточные, перешли в определительные придаточные, а дополнительные стали называться изъяснительными. Таким образом, прежние определительные и дополнительные придаточные увеличились в объеме [Шутов 1999: 36].

Учитывая вышесказанное, а также на основе результатов анализа дескриптивных грамматик удмуртского языка, научных статей сопоставительного характера, А. Ф. Шутов выделяет три подхода к классификации придаточных предложений удмуртского языка: а) традиционный; б) формальный; в) структурно-семантический [Шутов 1999: 35]. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Так, *традиционный* принцип в удмуртской лингвистике использовался вплоть до 1970-х гг. В основе данной классификации лежал механизм взаимодействия главного предложения с придаточным. Иными словами, ставя вопрос от главного к придаточному предложению, определялось, каким членом предложения является придаточное предложение. Поэтому классификация сложноподчиненных предложений была следующей: дополнительные придаточные, придаточное подлежащее и придаточное сказуемое. В частности, исследуя дополнительные придаточные предложения, удмуртский ученый П. Н. Перевощикова подчеркивает: «...они служат развернутым дополнением к сказуемому главного предложения и отвечают на те же вопросы, что и простые дополнения, т. е. на вопросы косвенных падежей» [Перевощикова 1939: 53–54]. Впоследствии данный тип придаточных предложений получил дефиницию изъяснительных придаточных предложений.

При *формальном* подходе к классификации сложноподчиненных предложений в центре внимания находятся средства связи частей сложного предложения. Все сложноподчиненные предложения при таком подходе делятся на предложения с союзами (союзное подчинение) и с союзными словами (относительное подчинение).

В настоящее время при изучении сложноподчиненных предложений используется *структурно-семантическая* классификация. Она «учитывает не только формальное выражение подчинительной связи, но и коммуникативно-семантическое строение, соотношение придаточной части с главной» [Тимерханова 1997: 222]. Появление нового типа классификации обусловлено еще и тем, что «не все придаточные можно сравнить с членами предложений, т. к. в предложении могут встретиться такие моменты, когда сложно сказать, каким членом предложения является тот или иной оборот» [Шутов 1999: 37].

Последний тип классификации является ведущим в отечественной финно-угристике последних десятилетий. В частности, анализируя работу марийского исследователя Л. А. Абукаевой «Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры в марийском языке» [Абукаева 2000], Г. Л. Соколова и А. Л. Коляго подчеркивают, что при рассмотрении сложноподчиненных предложений Л. А. Абукаева «отходит от традиционного определения сложных предложений и предлагает в качестве критерия их определения использовать структурно-семантическую классификацию. Впервые в марийском языкознании ученый рассматривает сложноподчиненные предложения по признаку расчлененности или нерасчлененности структуры» [Соколова, Коляго 2019: 110].

Интересно отметить, что, по мнению марийских исследователей, «сложноподчиненные предложения, ввиду их возможности выражать многообразные отношения между частями – временные, причинно-следственные, условные и др., – в наибольшей степени свойственны научной, а также официально-деловой речи» [Соколова, Коляго 2019: 197].

Что касается коми языков, в первой половине XX века в коми-пермяцком языке синтаксис относился к слабо разработанным областям языкознания. В учебном пособии для школьников «Коми-пермяцкӧй кыв грамматика. Синтаксис» [Караваева, Попов, Спорова 1947] классификация сложноподчиненных предложений строится на основе структурно-семантического способа. Коми лингвисты подразделяют сложноподчиненные предложения на дополнительные (в нашем случае изъяснительные), определительные и обстоятельственные. Однако во второй половине XX века синтаксису коми языков языковеды стали уделять больше внимания. Здесь стоит отметить труды таких исследователей, как Е. А. Игушева [Игушев 1980], Н. Д. Мановой [Манова 1993], В. М. Лудыковой [Лудыкова 1993; 2009; 2010], О. И. Некрасовой [2014; 2015]. В частности, коми ученый В. М. Лудыкова в своей работе выделяет сложноподчиненные предложения с приаъективной придаточной частью, которые еще не встречались в коми грамматиках, например: *Ме рад, мый тэ волт* 'Я рад, что ты приходил'. Она отмечает, что такие придаточные образованы под влиянием русского языка [Лудыкова 2006: 38]. Другой коми исследователь О. И. Некрасова изучает деепричастия и деепричастные конструкции, которые могут выступать в качестве члена предложения и распространяться придаточной частью. Чаще всего придаточным предложением распространяются члены предложения, выраженные деепричастием на *-ӧмӧн*, образованным от глаголов речи, чувства, мысли, просьбы и т. д., придаточными изъяснительными, например: *Збойлуннад мян этша босьтан, – ас кежсьыс думайтӧс Домень, чорыда эскӧмӧн, мый тайӧс нинӧм оз гӧгӧрво Макар* 'Бойким поведением у нас много не достигнешь, – думал про себя Домень, крепко веря, что всего этого Макар совсем не понимает' [Некрасова 2015: 11–12].

Зарубежные финно-угроведы при классификации сложноподчиненных предложений удмуртского языка традиционно выделяют относительные, обстоятельственные и аргументные придаточные предложения. В частности, в работе болгарского исследователя Е. Георгиевой «Non-finite adverbial

clauses in Udmurt» [Georgieva 2018] отмечается, что в системе удмуртского языка можно выделить три основных типа придаточных предложений, а именно – обстоятельственные, аргументные, относительные, которые могут быть определенными или неопределенными. Определенные относительные придаточные предложения, по мнению исследователя, являются постноминальными и содержат относительное местоимение *кудйиз*: «...the three major subordinate clause types, namely, relative, adverbial and argument clauses can be finite or non-finite. Finite relative clauses are postnominal and contain a relative pronoun, *kudiz*¹¹» [Georgieva 2018: 33]. Например, *žěčkila-ško kalik-ez, kudiz ule gurt-in* ‘Я поздравляю (уважаю) людей, которые живут в деревнях’ [Georgieva 2018: 34].

Основные характеристики неопределенных относительных придаточных предложений болгарским исследователем не приводятся, однако выделяются неопределенные обстоятельственные придаточные, которые образуются с помощью двойной номинализации, и определяются семантическими значениями падежных и послеложных форм, а также глагольных форм: «Non-finite adverbial clauses in Udmurt are formed with the two nominalizations when they are selected by semantic cases and postpositions, as well as with converbs¹²» [Georgieva 2018: 75].

Как уже было отмечено, наличие сложноподчиненных предложений в грамматическом строе удмуртского языка долгое время признавалось не всеми учеными-представителями прошлого столетия. В частности, К. М. Баушев в работе «Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка» [Баушев 1929] отрицает наличие сложноподчиненных предложений в грамматическом строе удмуртского языка: «в вотском языке

¹¹ Три типа подчинительных предложений – номинативные, относительные (релятивные) и адвербиальные – могут быть финитными и нефинитными. Финитные относительные предложения являются постноминальными и содержат местоимение *кудйиз*.

¹² Нефинитные адвербиальные предложения в удмуртском языке образуются с помощью явления двойной номинализации и определяются семантическими значениями падежных и послеложных форм, а также вербальных единиц.

почти нет местоимений, наречий и других частиц слова со специальным союзным назначением для составления придаточно-подчиненных предложений. Не имея в своем распоряжении придаточных предложений, вотский язык не имеет и всех тех явлений, которые характерны для придаточного предложения» [Баушев 1929: 21–22].

По мнению С. П. Жуйкова, сложноподчиненные придаточные предложения отсутствуют в художественной литературе, в «оригинальной» и «политической литературе» (за исключением переводной), а также в разговорном языке, поскольку они «находятся в периоде появления» [Жуйков 1937: 29–30].

Однако подобные утверждения в современной лингвистике рассматриваются как суждения, не имеющие под собой реального основания.

Таким образом, следует сделать вывод, что каждый этап развития удмуртского языкознания имеет свои типы классификации сложных предложений. Как и в большинстве других лингвистических традиций, в удмуртской лингвистике выделяется традиционный, формальный и структурно-семантический подходы, каждый из которых имеет свои характерные черты, принципы аргументации. В настоящее время в удмуртской лингвистике ведущим является структурно-семантический подход в виду того, что он учитывает не только формальное выражение подчинительной связи, но и коммуникативно-семантическое строение, соотношение придаточной части с главной.

2.2. Типология придаточных предложений в современном удмуртском языке

Данный раздел посвящен описанию типов придаточных предложений, представленных в современном удмуртском языке. Источниковой базой послужили художественные произведения классиков удмуртской литературы, включенные в состав Национального корпуса удмуртского языка. Использование источникового материала, представляющего разный

временной диапазон, обусловлено стремлением получить объективные и точные результаты, обеспечить достаточно полный охват исследуемого явления с включением всех релевантных для него признаков.

Проанализировав более 1000 коммуникативных единиц, можно сделать вывод, что в грамматическом строе удмуртского литературного языка выделяются следующие типы сложноподчиненных придаточных предложений:

1. Определительные придаточные

К данной группе предложений относятся придаточные предложения, выполняющие функцию квалификатора предмета или явления, названного субстантивом (местоимением) в главной части предложения. Оно предполагает включение дополнительной информации о предмете/явлении посредством указания на характер или особенности его участия в обозначаемой данным придаточным ситуации: *Дунне вылын ой вал ни со дыре кужым, кудйз монэ берен берыктысал* (В. Ар-Серги «Лыдья, лыдья, кикые») ‘На земле не было в это время силы, которая возвратила бы меня обратно’; *Кытчы пыриз соиз Авдеев, кин куке но ас атаезлэсь ваньбурзэ – няньзэ но, пудозэ но, юртъерзэ но – государстволы сётйз?* (Т. Архипов «Лудзи шур дурын») ‘Куда подевался тот Авдеев, который когда-то богатство своего отца – и хлеб, и скот, и постройки – отдал государству’; *Нош кызьы вуоз сыче улон, ку аядми ас шудзэ кияз возёз* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘А как придет такая жизнь, когда человек свое счастье будет держать в своих руках’; *Оске аядмилы, кудйз троссэ адзыны-шомъяны вуиз ни, мон кионъёсын ваче син трос пол пумиськылй* (Е. Вахрушева «Пёечи яратон») ‘Поверьте человеку, который уже многое повидал, я с волками много раз с глазу на глаз встречался’.

Как видно из представленных примеров, в качестве формальных средств связи в данной группе предложений чаще всего выступают союзные слова, которые, будучи анафоричными (отсылочными) по своей природе, предстают в виде вторичных номинаторов квалифицируемого предмета. В их

состав могут быть включены лексемы *кудйиз* ‘который’, *кин* ‘кто’, *кычез* ‘какой’ и др.

2. Изъяснительные придаточные предложения

К этой группе предложений традиционно принято относить придаточные предложения, называющие «опредмеченную ситуацию, которая восполняет семантическую недостаточность опорных слов в главной части сложноподчиненного предложения» [Ломов 2004: 100].

К числу опорных слов относятся глаголы речи, мысли, восприятия, волевого и эмоционального состояния: *Со ноку но уг малпа вал, шунды сокем кема укное пиштэ шуыса* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Он никогда не думал, что солнце так долго светит в окно’; *Фаина сюлмыз куалекъяса возьма вал, мар вералоз со* [Соснов] *Георгий Ильич сярысь* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Фаина с волнением ждала, что же он [Соснов] скажет о Георгие Ильиче’; *Кин тодэ, кыче вал аслаз Машалэн малпанъёсыз* (Т. Архипов «Адямилэн чеберез») ‘Кто знает, какие были мысли у самой Маши’.

Как видно из представленных примеров, основное средство соединения придаточного изъяснительного с главной частью – союзы и союзные слова. Выбор союза, союзных и соотносительных слов определяется в конкретных условиях общения различными взаимосвязанными факторами. Исследованию этого вопроса будет посвящен следующий раздел данной диссертационной работы.

3. Придаточные времени

Основная семантическая характеристика данной группы придаточных предложений – уточнить главную часть сложноподчиненного предложения с точки зрения выражения временных координат: *Войнаын самой умойтэмез луэ соку, куке уд адъиськы тушмонэз* (Г. Красильников «Тёлсяська») ‘Худшее положение на войне бывает тогда, когда не видишь врага’. Данную

группу придаточных предложений следует разграничивать от сложносочиненных предложений, в которых также могут выражаться темпоральные значения: *Öсәтй пыри гинэ но, жёк съорысь пумитам султйз Сергей* (Г. Красильников «Тонэн кылысько») ‘Едва я перешагнул порог, и из-за стола навстречу мне поднялся Сергей’.

Исследуя группу придаточных предложений, выражающих темпоральные значения, важно подчеркнуть, что в последние годы в научной литературе принято разграничивать два вида придаточных предложений времени: собственно-временное и длительно-временное (иначе – количественно-временное) придаточное предложение [Ломов 2004: 245]. Как показывают примеры из удмуртского языка, оба вида придаточных предложений активно используются в художественной прозе.

Так, собственно-временные придаточные предложения актуализируют ситуацию, являющуюся ориентиром, через отношение к которому определяется время реализации ситуации, обозначенной главной частью сложного предложения; чаще всего они выражаются при помощи союзов *куке* (*ку*) ‘когда’, *гинэ, гинэ... но* ‘едва, как только, лишь’, например: *Куке вань солдатъёс ортчизы, соку Чипчирган кызысьтыз кыштыр гинэ васькиз* (М. Коновалов «Гаян») ‘Когда прошли все солдаты, тогда Чипчирган тихонько слез с ели’; *Куке уни ваньмыз ик тодмо луоз, соку тйни Бакин пичи но уз малпа* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Когда уже станет все известно, тогда вот Бакин нисколько не подумает’; *Номыр сыёе-таёе малпатэк, Вася бускельёсыз доры кожиз, ёс куспытй гинэ вамыштйз, сое чыртытйз кырмизы* (Г. Красильников «Тёлсяська») ‘Ни о чем не подозревая, Вася завернул к соседям, и лишь перешагнул через порог, как схватили его за горло’; *Соос Кузьнюк доры васькыса гинэ вуизы но, аязы гордъёс потйзы* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Едва они спустились к Кузьнюку, и навстречу им вышли красноармейцы’.

Длительно-временные придаточные предложения указывают на продолжительность во времени ситуации главной части и включают в себя

союз *дыръя* ‘пока’, например: *Глаша дорын өвөл дыръя, Зоя та чебересь но дуноесь тїрлыкъёсыз кутылыса ик учкылїз* (Г. Красильников «Төлсяська») ‘Пока Глаши не было дома, Зоя рассматривала эти красивые и дорогие вещи, ощупывая руками’; *Куазь югыт дыръя, операцияз кутсконо вылэм ини, нош Соснов маке уг дырты* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Пока светло, надо бы уже операцию начать, а Соснов что-то не торопится’; *Ачим вань дыръя, фактически номыр куалекъянэз* (Л. Нянькина «Ваёбыж кар») ‘Пока есть я, фактически нечего трястись’; *Нош кулон азам, кужсьме вань дыръя, лыктоно ик кариськи* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘А перед смертью, пока у меня есть силы, я все-таки решился прийти’.

Исследуя особенности употребления придаточных предложений времени в современном удмуртском языке, можно выделить следующие их характеристики:

а) придаточное предложение времени в сложноподчиненном предложении может относиться как к главной части в целом, так и к обстоятельству временному элементу в ее составе;

б) для выражения временных отношений чаще всего используются союзы (*куке* (*ку*) ‘когда’, *гинэ*, *гинэ... но* ‘едва, как только, лишь’, *дыръя* ‘пока’);

в) главная часть сложноподчиненных предложений допускает употребление соотносительных слов *соку*, *соку ик* ‘тогда’;

г) в дифференциации таксисных отношений активное участие принимают временные формы глагола;

д) порядок расположения частей сложного предложения, как правило, является свободным.

4. Придаточные места

Рассматриваемая группа придаточных представляют собой придаточные предложения, характеризующие ситуацию главной части предложения с точки зрения выражения ее локальных (пространственных)

координат: *Лагуненко оске вал уката но вылэгес вамыштыны, кытын, шуом, сылэ милиционер, кытын кулэ нимысьтыз пропуск* (Г. Архипов «Адямилэн чеберез») ‘Лагуненко жил надеждой подняться еще выше [по карьерной лестнице], где, к примеру, [работников] охраняет милиционер, где нужны специальные пропуска’; *Кытын ке тынад ас кыныд лэсьтэм ужед вань, отын ик тынад интыед* (Г. Красильников «Тонэн кылысько») ‘Где имеется выполненная твоими руками работа, там и твое место’; *Кытысь шедьтїд, отчы ик мын!* (Г. Красильников «Вуж юрт») ‘Откудашла, туда и иди!’.

Исследуя особенности употребления придаточных предложений места в современном удмуртском языке, можно выделить следующие их характеристики:

а) с точки зрения семантических особенностей, придаточные предложения места могут актуализировать место протекания действия, исходный или конечный пункт перемещения какого-либо предмета или явления;

б) придаточное предложение места в сложноподчиненном предложении может относиться как к главной части сложноподчиненного предложения в целом, так и к обстоятельству пространственному элементу в ее составе;

в) в структуре сложноподчиненных предложений места чаще всего используются союзные слова *кытын* ‘где’, *кытчы* ‘куда’, *кытчыозь* ‘докуда’, *кытысь* ‘откуда’, *кытысен* ‘откуда’, *кытї* ‘где’, *кудлань* ‘в каком направлении’ и др., главная часть сложноподчиненных предложений допускает употребление соотносительных слов;

г) порядок расположения частей сложного предложения, как правило, является свободным.

5. Придаточные причины

Данная группа придаточных предложений может выражать ряд семантически близких значений:

а) причину реализации ситуации главной части сложноподчиненного предложения: *Яратон сярэсь но вераме потэ, малы ке шуоно со котькинлэн улоназ бадӟым инты басьтэ* (Е. Камашева «Улонэтй – паськыт уробоен») ‘Хочу сказать и о любви, потому что она занимает большое место в жизни у каждого’;

б) содержит обоснование заключения говорящего по поводу того или иного развития событий: *Асэныз йырин адымилэн мылкыдыз сӧриськиз шуыса, Бурановен умойтэм луиз, лэся* (Г. Красильников «Тонэн кылисько») ‘Полагая, что из-за него испортилось у человека настроение, Буранову, видимо, стало не по себе’; *Бызьымон нылыд вань дырӟя, тонэ варманай но шуыны возьыт өвӧл ни...* (К. Митрей «Секыт зйбет») ‘Когда имеешь дочь на выданье, не стыдно и тещей тебя называть’.

Иными словами, в зависимости от семантического наполнения данной группы предложений, в современной лингвистике принято разграничивать собственно-причинные и причинно-аргументирующие придаточные предложения [Ломов 2004: 252], которые широко представлены и в удмуртском литературном языке: *Классъёсын кезьыт шуыса, школаын туннэ пинальёсты уг дышето* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Так как в классах холодно, сегодня в школах детей не учат’; *Мон өвӧл шуыса, медпунктэз эн вунэты* (Б. Вахрушев «Шокчиз кысэм кӧрык») ‘Не забудь про медпункт, несмотря на то, что меня нет’; *Мика та зынӟёсты яратэ вал, угось соос кыдӟкысь Питере ветлэмзэ тодаз вайытылӟызы* (С. Васильев «Киултэм трамвай») ‘Мике нравились эти запахи, так как они напоминали ему о поездке в далекий Питер’.

Таким образом, можно выделить следующие особенности придаточных причины в удмуртском языке:

а) придаточное предложение причины в сложноподчиненном предложении чаще всего относится к главной части в целом;

б) для выражения исследуемых значений чаще всего используются союзы *малы ке шуоно* ‘чтобы’, *шуыса* ‘так как, несмотря’, *угось* ‘так как’;

в) порядок расположения частей сложного предложения чаще всего зависит от того, какой союз используется в придаточном предложении.

6. Придаточные цели

Данная группа придаточных, как правило, уточняют основную цель реализации ситуации, выраженной главной частью придаточного предложения: *Вераськыны медам люкеты шуыса, кенер вёзы пукси* (В. Ар-Серги «Лыдья, лыдья, кикые») ‘Чтобы не мешать разговору, я сел возле забора’; *Кёлон сярись но мар вераськыны шуыса, со пожарное караульщик доры пыриз* (П. Блинов «Улэм потэ») ‘Чтобы договориться о ночлеге и тому подобном, он зашел в пожарный сарай к караульщику’; *Эн сюлмаське, мон поездлэсь уг кылыы, ёс ке чогамын, вагон йылэ кечырско, – Лида но мед кылоз шуыса, воргоронлы кеськыса вераз Петя* (С. Самсонов «Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо») ‘Не беспокойтесь, я от поезда не отстану, если дверь закрыта, то я на вагон заберусь, – чтобы Лида услышала, Петя громко сказал мужчине’.

Важно подчеркнуть, что в тех случаях, когда субъект придаточного предложения является тождественным субъекту главной части, личные формы глагола в его составе могут замещаться инфинитивами: *Нош партком, нырысь ик Натаров, таёе югдурез уг кысы, сое пуромытыны вылысь, ачиз бензин кисьта* (Т. Архипов «Адямилэн чеберез») ‘А партком, в первую очередь Натаров, не улаживает созданный конфликт, а чтобы раздуть его сильнее, сам подливает бензину’; *Бригадной корка, сугон басьтыны шуыса, куинь кышномуртьёс вуизы* (У. Бадретдинов «Чушьял вордйське веньёстэк») ‘В бригадный дом пришли три женщины, чтобы купить лук’; *Ву сётыны шуыса, Павол кудо кышнопал эус доры вуэм вал ини* (Ф. Пукроков «Кизи́ли ныл») ‘Чтобы дать воду, сват Павол уже успел дойти до лавки на кухне’; *Вань нюлэсэз арын-арын кораны вылысь, участокен-участокен люкылыны кулэ* (М. Коновалов «Лизй») ‘Чтобы рубить весь лес каждый год, нужно разделить его на участки’.

Проанализировав придаточные цели в удмуртском языке, можно выделить следующие их особенности:

а) придаточное предложение цели в сложноподчиненном предложении чаще всего относится к вербальной единице главного предложения;

б) для выражения указанного значения в качестве основных союзов используются союзы *шуыса* ‘чтобы’, *вылысь* ‘чтобы’.

в) порядок расположения частей сложного предложения, как правило, является свободным.

7. Условные придаточные

Условные придаточные предложения, с точки зрения семантического наполнения, выражают условие, реализация которого позволяет выполнить действие, называемое главной частью сложноподчиненного предложения: *Оло, Рая ачиз ик гожтоз али, монэ тодаз возе ке* (Г. Красильников «Тонэн кылысько») ‘Рая, может быть, сама же и напишет, если помнит меня’; *Соку уни, азылогес тубемед потэ ке, мукетьёслэн йыр вылазы лёгиськоно луэ...* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Тогда уже, если хочешь пораньше подняться, придется наступать на головы других...’; *Укыр жалясь луид ке, вазь вордйськем чипыез сямен кокалозы!..* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Если будешь слишком жалостливым, будут бить как преждевременно родившегося цыпленка!..’.

На основе анализа лингвистического материала, собранного из Национального корпуса удмуртского языка, можно сделать вывод о том, что в придаточном условия чаще всего употребляются личные глаголы изъявительного наклонения. В случае, если условие носит гипотетический характер, позицию глагольного сказуемого или главного члена односоставного предложения замещают вербальные единицы сослагательного наклонения: *Колхозын ке ой луысалмы, тон доры мон оло пыдме но ой лёгысал* (М. Петров «Зардон азын») ‘Если бы мы не были в [одном] колхозе, тогда, скорее всего, нога бы моя не ступала в твой дом

(букв. ноги бы моей у тебя не было)»; *Яратон сыҗе шуыса тодысал ке, мылкыдме ой верасал мон тыныд* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Если бы я знал, что любовь может быть такой, я бы не раскрыл тебе свои чувства’; *Алексей Петрович татын ой луысал ке, Фаина кабинетысь быззыса потысал* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Если бы здесь не было Алексея Петровича, Фаина бы выскочила из кабинета’.

Таким образом, можно выделить следующие особенности функционирования условных придаточных в удмуртском языке:

а) условное придаточное предложение времени в сложноподчиненном предложении как правило относится к сказуемому главного предложения;

б) чаще всего в составе сложноподчиненного предложения с придаточным условия употребляется союз *ке* ‘если’;

в) порядок расположения частей сложного предложения, как правило, является свободным.

8. Уступительные придаточные

Данную группу придаточных предложений чаще всего принято рассматривать как придаточное предложение, «называющее обстоятельство, которое приводит к реализации не ожидаемого в соответствии с логикой событий следствия, а следствия прямо противоположного характера» [Ломов 2004: 257], например: *Турттэ ке но, киосыз уг кылзйсько* (Т. Архипов «Вормы астэ ачид») ‘Хоть и старается, а руки не слушаются’; *Гужем пöсен коть быдэс нунал мед зороз, [сюрес] час куспын төлзэ, утыр тузон пурзэны кутске...* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘В летний зной пусть хоть целый день идет дождь, дорога за час просыхает, начинает пылиться...’; *Нылмурт ошмес дуре мыкырскемын ке но, Герей сое соку ик тодмаз* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Хотя девушка и нагнулась над ключом, Герей тотчас же узнал ее’.

На основе анализа лингвистического материала, собранного из Национального корпуса удмуртского языка, можно выделить следующие подтипы уступительных придаточных в удмуртском литературном языке:

1) собственно-уступительные (присоединяются к главному предложению при помощи союзов *ке но* ‘хотя’, *коть* ‘хотя’, *вылысь* ‘хоть, хотя, несмотря на то, что’): *Солэн бамыз восьтэт но кӧсыт ке но, синъёсыз шумпотонэн зоро* (Т. Архипов «Лудӟи шур дурын») ‘Хотя ее лицо худое и бледное, глаза светятся радостью’; *Нунал секыт ке но кутскиз, табере ваньмыз умой луоно кадь* (С. Самсонов «Тугаськем бугор») ‘Хотя день начался трудно, теперь все вроде бы должно устроиться как нельзя лучше’; *А сое оген гинэ уд лэсьты, коть тон дас пол майор яке генерал лу!* (Г. Красильников «Тӧлсяська») ‘А это одному так просто не сделать, будь ты даже десятикратным майором или генералом!’; *Коть уг кельшо ке но мыным асьсэос Волковъёс, нош сапег бордын сослэн нимзы гожтэмын ӧвӧл ук!* (Г. Красильников «Тонэн кылисько») ‘Хоть и не нравятся мне сами Волковы, но ведь на сапогах не написаны их имена!’; *Бускель коркан со быдӟа шумпотонзы вань вылысь, Зоя отчы ӧз мыны* (Г. Красильников «Тӧлсяська») ‘Несмотря на то, что в соседнем доме такая радость, Зоя не пошла туда’; *Куинь пиос вань вылысь, колхозлэсь юрттэт курыны капчи ӧвӧл* (Т. Архипов «Вормы астэ ачид») ‘Несмотря на то, что есть трое сыновей, нелегко просить у колхоза помощи’;

2) обобщенно-уступительные (присоединяются к главному посредством союзных слов *кин гинэ* ‘кто (бы) ни’, *кызьы гинэ* ‘как (бы) ни’, *кӧня гинэ* ‘сколько (бы) ни’, *кытын гинэ* ‘где (бы) ни’ и др., представляющими собой сочетание частицы *гинэ* ‘только, лишь, лишь только’ с относительными местоимениями и наречиями): *Кызьы гинэ ӧз тыршы Сергей, дышетскисъёслэн сюлэмазы пырыны ӧз быгаты* (И. Гаврилов «Вордӱськем пальёсын») ‘Как ни старался Сергей, не смог достучаться до сердец учеников’; *Кӧня гинэ «шудо солдатлы» гожтэтъёс часте ӧз вуэ, ваньмызлы гожъяй* (В. Ар-Серги «Лыдья, лыдья, кикые»)

‘Сколько ни приходило «счастливому солдату» писем в часть, всем писал’;
Кытын гинэ, мар гинэ өз ужса со, гидаз пудо уг йылы, юртъерез уг выльдйськы (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Где бы и что бы он ни делал, в хлеву скот не прибавляется, усадьба не обновляется’;

3) уступительно-противительные (союзы или союзные слова придаточных сочетаются с противительными союзами или наречными словами, употребляющимися в составе главного: *озыы но* ‘тем не менее, и то’, *нош* ‘но, а’ (при союзе *ке но* ‘хоть’ в придаточном), *нош, а* ‘а, но, однако’ (при союзе *коть* ‘хоть’), *нош* ‘а, но’, *всё равно* (при союзном слове с *коть*):
Садэз сад шуымон ке но өвёл, озыы но Зоялы со туж мусо потэ (Г. Красильников «Вуж юрт») ‘Хотя сад не назовешь и садом, и то он Зое кажется дорогим’;
Секыт ке но, нош ужъёс мыноно кадь, председательлэн мылкыд умой (С. Самсонов «Яратйсько тонэ»); ‘Хотя и трудно, а дела как будто пойдут, у председателя на душе хорошо’;
Коть ваньмы мед быромы, нош пычалмес ум куштэлэ! (М. Коновалов «Гаян») ‘Пусть хоть все погибнем, но ружья не бросим!’;
Сюрес – со сыче маке, котькөня тупатъя, всё равно сёриське (Г. Красильников «Веросьёс») ‘Дорога – это такая вещь, сколько ни исправляй, все равно портится’;

4) обобщенно-уступительные (присоединяются к главной части при помощи союзных слов, восходящих к обобщенно-определятельным местоимениям и наречиям на *коть-*: *котькөня* ‘сколько угодно, сколько ни’, *котькуд* ‘каждый, всякий, какой ни’, *котькыче* ‘любой, всякий’, *котьма(р)* ‘все, все, что угодно, что ни’, *котькызыы* ‘как угодно, как ни’, *котькытын* ‘везде, всюду’ и др.):
Кионэз котькөня сюд, со ялан тэле учкоз, шуо вашкалаос (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Как говорят предки, сколько волка ни корми, он всегда смотрит в лес’;
Котькыче секыт мед луоз но, кидыстэк кылёно өвёл, шуылиэз Авдеев (Г. Архипов «Лудзи шур дурын») ‘Как бы ни было трудно, но нельзя оставаться без семян, говорил Авдеев’;
Котьмар мед луоз но, врачлэн висись шоры кесяськыны правоез өвёл

(Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Пусть будет все, что угодно, у врача нет права кричать на больного’.

Таким образом, уступительные придаточные предложения в современном удмуртском языке:

а) обладают большим спектром семантических нюансов;

б) исследуемые придаточные предложения могут относиться как к главной части сложноподчиненного предложения в целом, так и к отдельной вербальной единице в ее составе;

в) в составе придаточного предложения уступки чаще всего используются союзы *ке но* ‘хотя’, *коть* ‘хотя’, однако имеются и другие конструкции, выражающие уступительное значение (они описаны выше);

г) порядок расположения частей сложного предложения, как правило, является свободным, однако, можно заметить, что придаточные предложения с союзом *ке но* ‘хотя’ стремятся к препозиции к главному члену.

9. Придаточные образа действия

Основным семантическим значением данной группы предложений является пояснение ситуации главной части сложноподчиненного предложения или какого-то элемента этой ситуации на основе всякого рода ассоциаций, констатирующих сходство, подобие: *Сэдыклэн аиз ваменэс вал, кызьы ке чоғиз, озьы ик луоз* (Т. Архипов «Лудзи шур дурын») ‘Отец Сэдык был упрямым, как отрубит, так и будет’; *Юнме тыршиськод, кызьы малнай, озьы ик луоз* (Е. Панфилова «Мумы») ‘Зря стараешься, как задумала, так и будет’; *Казна нюлэскысь тылпуослэн югытсы пеймыт инме шимес бадзым нап-горд инльоль вёлмытъя, быдэс индур жэуа кадь* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Отблески пожаров в казенном лесу отражаются в темном небе большим багровым заревом, как будто горит весь горизонт’.

Исследуя особенности употребления придаточных образа действия в современном удмуртском языке, можно выделить следующие их характеристики:

а) придаточное предложение образа действия в сложноподчиненном предложении чаще всего относится к вербальной единице главной части сложноподчиненного предложения;

б) в структуре сложноподчиненных предложений образа действия чаще всего используется союзное слово *кызьы* 'как', в главной части употребляется соотносительное слово *озьы* 'так';

в) порядок расположения частей сложного предложения, как правило, является свободным.

10. Придаточные меры и количества

Данная группа придаточных предложений, как правило, указывает на количественные отношения: *Котельнойын пöсь, кöня ву юиськод, со мында ик пöсяса потэ* (Г. Красильников «Кошкисез мед кошкоз») 'В котельной жарко, сколько воды пьешь, столько же выходит с потом'; *Кöня гожтэмын квитанцыын, со мында ик вес но возьматэ* (Т. Архипов «Вормы астэ ачид») 'Сколько написано в квитанции, столько же показывают весы'; *Кин ке верамъя, адями, пе, сомында улэ, ма мында сое жечен тодазы возё* (В. Ар-Серги «Пичи пи но Полкан») 'Кто-то сказал, человек столько живет, сколько его вспоминают по хорошей памяти'.

Как видно из представленных примеров, в придаточных предложениях меры и количества используются как союзные слова, так и соотносительные слова. Как правило, порядок расположения частей сложного предложения является свободным, однако на основе анализа источникового материала можно заметить, что придаточные предложения стремятся к препозиции по отношению к главному предложению.

11. Придаточные степени

Данная группа придаточных предложений, в отличие от придаточных меры и количества, выражает качественные характеристики действия: *Яратысал меда Лёва аслэсьтыз анайзэ сокем юн, макем со яратэ кыкетй*

анайзэ? (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Полюбил бы Лёва свою мать настолько, насколько сильно он любит свою вторую мать?’; *Задача макем секыт, сокем мылысь-кыдысь басьтйськыліі сое сэрттыны-пертчыны!..* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Чем сложнее задача, тем охотнее я брался за ее решение!..’; *Макем, пие, тросгес калыклы жеч лэсьтыны быгатод, сокем шудо луод тон ачид но* (С. Самсонов «Яратйсько тонэ») ‘Насколько, сынок, много сделаешь хорошего для народа, настолько счастливым будешь и ты сам’.

Как видно из представленных примеров, в придаточных предложениях степени используются как союзные слова, так и соотносительные слова (*сокем* ‘насколько’, *макем* ‘насколько’). Как правило, порядок расположения частей сложного предложения является свободным, однако, как и в предыдущем случае, можно заметить, что придаточные предложения стремятся к препозиции по отношению к главному предложению.

Таким образом, опираясь на структурно-семантический подход классификации сложноподчиненных предложений, для грамматического строя удмуртского языка можно выделить 11 типов придаточных предложений: определительные, изъяснительные, условные, уступительные, придаточные времени, места, причины, цели, меры и количества, образа действия и степени. Важно подчеркнуть, что частотность употребления каждого из видов сложноподчиненных предложений в устной и письменной речи неравномерна. Она зависит от коммуникативного намерения говорящего, рода и жанра художественного произведения, авторского стиля писателя и др. Учитывая, что в рамках данного диссертационного исследования основное внимание уделяется изучению дистрибуции сложноподчиненных предложений в современном удмуртском языке, в следующем разделе рассмотрим соотношение использования разных типов сложноподчиненных предложений в произведениях удмуртских авторов.

2.3. Квантитативные характеристики типов сложноподчиненных предложений в удмуртском языке

Как уже отмечалось выше, многие вопросы удмуртского синтаксиса до сих пор остаются нерешенными. В частности, научный интерес может представлять выявление соотношения использования различных видов придаточных предложений в письменной и устной речи. Принято считать, что устная речь обычно не требует сложных синтаксических конструкций, которые отражали бы логико-грамматические связи между предикативными единицами. Здесь отсутствие союзов компенсируется интонацией, которая позволяет выражать различные оттенки смысловых и синтаксических отношений. Отдельные наработки в области изучения синтаксиса разговорной речи удмуртского языка уже имеются. В частности, венгерский ученый А. Клемм, изучавший синтаксис удмуртского языка в сопоставлении с венгерским и другими финно-угорскими языками, еще в начале прошлого столетия рассматривал сложноподчиненные предложения на основе фольклорно-диалектологических текстов Б. Мункачи и Ю. Й. Вихманна [Klemm 1912]. В дальнейшей перспективе указанная работа стала первоначальной базой для создания трехтомного труда «Magyar történeti mondattan» [Klemm 1928; 1940; 1942], в котором на большом фактическом материале выявлены древние синтаксические конструкции не только в венгерском, но и в других родственных языках. Эту работу вполне можно считать одной из лучших попыток сравнительно-исторического изучения синтаксиса финно-угорских языков.

В данном разделе мы обратились к выявлению общих тенденций функционирования различных типов сложноподчиненных предложений в художественном тексте. Для этого методом сплошной выборки проанализировали отрывки из романов Г. Медведева «Лёзя бесмен» [Медведев 1984], Г. Красильникова «Арлэн кутсконэз» [Красильников 1965], Г. Перевощикова «Йёвалег» [Перевощиков 1988] и С. Матвеева «Эмезь

гурезь» [Матвеев 2015]. Выбор авторов продиктован тем, что они писали в разные исторические периоды развития удмуртской литературы, более того, являются представителями разных диалектных ареалов. На основе собранных лингвистических материалов мы проанализировали частоту употребления разных типов сложноподчиненных предложений в художественных произведениях указанных авторов. Его результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Употребление типов сложноподчиненных предложений в удмуртских художественных текстах

<i>Произведение</i> <i>Тип</i> <i>придаточного</i> <i>предложения</i>	Г. Медведев «Лёзя бесмен»	Г. Красильников «Арлэн кутсконэз»	Г. Перевощиков «Йовалег»	С. Матвеев «Эмезь гурезь»
Придаточное определяющее	10,5%	5,7%	4,5%	3,6%
Придаточное изъяснительное	10,5%	14,5%	19%	62%
Придаточное времени	10,5%	5,7%	9,3%	—
Придаточное места	—	2,8%	—	—
Придаточное причины	—	—	0,2%	6,9%
Придаточное цели	5,2%	—	—	6,9%
Придаточное условное	47,3%	65,7%	52,3%	13,7%
Придаточное уступительное	15,5%	2,8%	14,2%	6,9%
Придаточное образа действия	0,5%	—	—	—
Придаточное меры и количества	—	2,8%	—	—
Придаточное степени	—	—	0,5%	—

Результаты проведенного исследования наглядно демонстрируют, что в художественных произведениях, написанных на удмуртском языке, явно доминируют условные придаточные предложения (44,7%), а также изъяснительные придаточные предложения (26,5%).

Низкой частотностью употребления обладают придаточные места (2,8%), меры и количества (2,8%), образа действия (0,5%) и степени (0,5%). Можно предположить, что при исследовании устной речи соотношение типов предложения оказалось бы иным.

Важно также подчеркнуть, что на соотношение частотности употребления разных типов сложноподчиненных предложений значительное влияние оказывает и жанр произведений. В частности, проанализировав структурные типы сложноподчиненных предложений в русской поэзии XIX – XX вв., Н. Л. Ермакова приходит к выводу о том, что самой многочисленной является группа собственно-сравнительных придаточных предложений [Ермакова 2013]. Можно также предположить, что поэтические тексты удмуртского языка будут представлены совершенно иным соотношением типов придаточных предложений. Но это может стать предметом отдельных научных изысканий.

Естественно, что на дистрибутивную нагрузку придаточных предложений в художественном тексте оказывает влияние и авторский стиль писателя. В частности, в романе «Лёзя бесмен» Г. Медведева преобладают простые и бессоюзные сложные предложения. Что касается сложноподчиненных предложений, здесь больше всего предложений с условными придаточными, например: *Ӧм ке ёрмысалмы, нокытчы но оймынысалыд...* [Медведев 1984: 5] ‘Если бы мы не бедствовали, никуда бы не пошел...’.

Для романа Г. Красильникова «Арлэн кутсконэз» характерно использование сложных синтаксических конструкций, в которых присутствует и сочинительная, и подчинительная, и бессоюзная связь между составными частями, например: *Кӧня пол сое Фаина тышкаськыз, валесын*

лыдзыны уг яра, озьы син быре шуыса, нош Томка серекъя гинэ: табере, пе, мон всё равно очки нуллйсько, талэсь урод уз луы ни [Красильников 1965: 4] ‘Сколько раз ругала ее Фаина, что нельзя читать на кровати, так зрение портится, а Томка только смеется: теперь, говорит, я все равно очки ношу, от такого чтения вреда не будет уже’.

Если обратиться к сложноподчиненным предложениям, здесь доминирует использование условных придаточных предложений, например: *Синэз кыниськод ке, адями пыд куара кыдёкысь гудыри кадь кылйське...* [Красильников 1965: 4] ‘Если закрываешь глаза, топот ног слышится как отдаленный гром...’; *Татын кема улй ке, анай мөзмоз ук...* [Красильников 1965: 11] ‘Если тут дольше побуду, мама же соскучится...’; *Риммочка, тон та эмьюмез юид ке, уд ни висьы* [Красильников 1965: 12] ‘Риммочка, если ты выпьешь это лекарство, ты уже не будешь болеть’.

В романе Г. Перевощикова «Йёвалег» доминируют простые предложения, осложненные однородными членами и деепричастными оборотами, например: *Шырκοшкись дьльдызэ ньылыса, уралскем Роман Петрович, чидатэкгес ини, табазэ жёк вылэ жсутйз, портфельсыстыз нялтас бастыса ваем чорыг консервазэ, йёл пакетсэ, быг-быг небыт жсыны сукыри няньзэ поттйз* [Перевощикова 1988: 5] ‘Проглотив текущие слюнки, проголодавшийся Роман Петрович, уже не стерпев, положил сковороду на стол, из своего портфеля вытащил попутно купленные консервы, пакет молока, пышную и мягкую половинку каравая хлеба’. Как и в первых двух произведениях, в данном романе в наибольшем количестве представлены сложноподчиненные предложения с условными придаточными, например: *Ну, озьы ке, шудтэме шедем адямиез жаляны ке валаськод, соиз ини кулэмезлэсь ортчит, улэпезлэсь сюлэмзэ усътэ* [Перевощикова 1988: 15] ‘Ну, если так, если жалеешь попавшего в беду человека и не хочешь его смерти, это уже раскрывает сердце живого человека’; *Со ке өз сйя, улон но уз кыс* [Перевощикова 1988: 15] ‘Если оно [сердце] не остынет, и жизнь не угаснет’.

Что касается романа С. Матвеева «Эмезь гурезь», то здесь преобладают простые предложения, осложненные деепричастными оборотами, а также бессоюзные сложные предложения, например: *Тыбырме кенер борды лякыса, ымнырыным пуны пала берытски* [Матвеев 2015: 9] ‘Оперевшись спиной об забор, я повернулся лицом к собаке’. Среди сложноподчиненных предложений в абсолютном большинстве находятся предложения с изъяснительными придаточными, например: *Мон валай, кыче секытэн сётйське солы куаразэ салкыматыны турттонэз* [Матвеев 2015: 15] ‘Я понял, с каким трудом ей дается попытка сделать свой голос хладнокровным’; *Эн малпа, пуны, мон тынэсьтыд кышкасько шуыса!* [Матвеев 2015: 9] ‘Не думай, пес, что я тебя боюсь!’.

В данном разделе мы выявили лишь общие тенденции представленности разных видов придаточных предложений. Несомненно, исследования в данной области должны быть продолжены.

Выводы по Главе 2

В истории развития удмуртского языкознания было представлено три подхода к классификации придаточных предложений: традиционный, формальный и структурно-семантический. Последний из них является ведущим на современном этапе развития удмуртской филологии. Структурно-семантический подход учитывает не только формальное выражение подчинительной связи, но и коммуникативно-семантическую структуру предложения, а также соотношение придаточной части с главной.

На основе анализа лингвистических данных Национального корпуса удмуртского языка мы выделили 11 основных типов придаточных предложений, характерных для современного удмуртского языка: определительные, изъяснительные, условные, уступительные, придаточные времени, места, причины, цели, меры и количества, образа действия и степени. В рамках проведенного исследования нами уточнены семантические возможности отдельных типов придаточных предложений.

В разделе 2.3. нами выявлена частотность употребления типов придаточных предложений в грамматическом строе удмуртского литературного языка. За основу были взяты тексты художественных произведений трех удмуртских авторов: Г. Красильникова «Арлэн кутсконэз», Г. Медведева «Лӧзя бесмен», Г. Перовощикова «Йӧвалег» и С. Матвеева «Эмезь гурезь». Анализ сложноподчиненных предложений художественных произведений этих авторов показал, что в текстах доминируют условные (44,7%) и изъяснительные (26,5%) придаточные предложения. Низкой частотностью употребления обладают придаточные места (2,8%), меры и количества (2,8%), образа действия (0,5%) и степени (0,5%).

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Семантические характеристики изъяснительных предложений

В предыдущей главе нашего диссертационного исследования мы доказали, что сложноподчиненные предложения с изъяснительным значением (26,5%) занимают одно из лидирующих позиций по частотности употребления в грамматическом строе удмуртского литературного языка.

Изъяснительные сложноподчиненные предложения в семантическом плане отличаются от других придаточных тем, что они «чаще всего передают содержание речи, мысли, восприятия, или обозначают ситуацию, являющуюся объектом эмоциональной реакции или оценки» [Литвинова 2014: 23].

Как правило, для главной части изъяснительного предложения характерна неполнота, относительная незаконченность высказывания в плане сообщения объекта высказывания, а придаточная часть дополняет, восполняет отсутствующую информативную нагрузку или раскрывает содержание указательного слова главного предложения: *Кин тодэ, кӧня кылиз на пазьгиськытозямы* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») 'Кто знает, сколько еще осталось до того, как мы разобьемся'.

На основе анализа лингвистических данных из Национального корпуса удмуртского языка можно сделать вывод, что в семантическом отношении могут быть выделены следующие группы изъяснительных придаточных предложений:

а) сообщающие о факте (с союзами *шуыса* ‘что’, *будто* ‘будто, как будто’, *что* и союзным словом *кызыы* ‘как, каким образом’);

б) выражающие волеизъявление (с союзом *шуыса* ‘что’ и союзными словами *кыче* ‘какой’, *кызыы* ‘как, каким образом’, *малы* ‘почему, с какой целью’, *мар* ‘что’ и др.);

в) содержащие вопрос, поиск информации (частицы с союзным значением *-а, меда, -а меда* ‘ли’);

г) сообщающие о частном аспекте факта (с союзными словами и местоименными наречиями *кин* ‘кто’, *ма (мар)* ‘что’, *малы (марлы)* ‘почему, с какой целью’, *кызыы* ‘как, каким образом’, *кытын* ‘где’, *кытчы* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *ку* ‘когда’, *кудйиз* ‘который’, *кыче* ‘какой’, *көня* ‘сколько’).

Рассмотрим каждый из указанных групп предложений подробнее.

3.1.1. Изъяснительные предложения, сообщающие о факте.

Основной целью предложений этой группы является сообщение о факте, событии, заключенном в придаточной части. С точки зрения структурных особенностей данной группы предложений, можно заметить, что в главном предложении чаще всего употребляется глагол речи, передачи информации, мыслительной деятельности или глагол получения информации. Кроме указанного общего значения каждое предложение может содержать более детальную и конкретную характеристику сообщения с точки зрения коммуникативных намерений говорящего, его речевого поведения, эмоционального состояния, отношения к сообщаемому и т. д. [Фоминых 2012: 109].

Если сообщение, передаваемое в придаточной части, лишь констатируется, т. е. называется как реальное и не оценивается с точки зрения его достоверности, то используется союз *шуыса*.

В структуре сложноподчиненных предложений изъясняемыми словами могут стать следующие группы глаголов:

1. Глаголы речи, передачи информации: *валэктыны* ‘объяснить’; *вераны* ‘сказать, говорить’; *вераськыны* ‘разговаривать, беседовать’;

гожстыны ‘писать’; *ивортыны* ‘оповестить, известить, сообщить’; *мадьыны* ‘рассказывать’; *пуйыны* ‘отметить’; *супылытыны* ‘болтать’; *ушьяськыны* ‘хвастаться’; *шуыны* ‘сказать’ и т. д., например: *Ыбылйськыны умой быгатйсько ини шуыса, шумпотыса гожтэ* (Т. Архипов «Лудзи шур дурын») ‘Пишет, радуясь, что уже хорошо умеет стрелять’; *Кыкетй гожтэаз верам, коркаез но вань юрт котырез вузаса, городэ улыны кошкисько шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Во втором письме сказал, что, продав дом и хозяйство, уезжает жить в город’; *Со кусын старшой сестра Глаша ивортйз, операцилы ваньмыз дасямын шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘В это время старшая сестра Глаша сообщила, что к операции все готово’; *Ушьяськызы, жоген Москваын пумиськом шуыса* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Хвастались, что скоро встретимся в Москве’; *Юнме супылыто, почтальонлэн ужез капчи шуыса* (К. Ломагин «Вождэ эн вай, Окыль...») ‘Зря болтают, что работа почтальона легкая’.

В научной литературе к глаголам речи (или глаголам говорения) принято относить группы глаголов, называющие процессы речевой деятельности. Каждый глагол речи должен иметь смысловой признак «владеть, пользоваться устной речью». В этом контексте можно выделять различные семантические оттенки: владение речью, факт произношения, процесс выражения мысли, речевой контакт между адресантом и адресатом с целью обмена информацией; использование речи как средства устного воздействия на одушевленный субъект, раскрытие содержания высказывания, характеристика акта говорения или объекта речи, раскрытие действия (поведения) человека, и т. д. [Шейхи 2015: 3]

Исследователь Л. М. Васильев в своей работе дал глубокое, многоаспектное и богатое по материалу описание лексического значения глаголов данной группы. Его работа стала основой для многих последующих исследований глаголов говорения. Его классификация, включающая около

1300 глаголов и 90 фразем, опирается на характеристику денотата процесса речи и учитывает синтагматические свойства лексем [Васильев 1971: 240].

Рассматривая группу изъяснительных придаточных предложений, для нас особенно актуальными становятся следующие группы глагольных форм (см. об этом также: [Васильев 1971: 240]):

а) глаголы произнесения (*серекъяны* ‘смеяться’, *черекъяны* ‘вскрикивать’);

б) глаголы, выражающие содержание мысли посредством устной речи (*вераны* ‘договорить’, *вераськыны кутскыны* ‘заговорить’, *мадьыны* ‘проговорить’);

в) глаголы, характеризующие коммуникативную сторону устной и письменной речи, или глаголы речевого общения (*вераны* ‘передавать’, *вераськыны* ‘говорить’, *ивортыны* ‘сообщать’);

г) глаголы речевого контакта (*валэктыны* ‘отвечать’, *мытыны* ‘возражать’, *юаны* ‘спрашивать’);

д) глаголы побуждения (*алыны* ‘запрещать’, *косыны* ‘приказывать’, *курыны* ‘просить’);

е) глаголы эмоционального отношения и оценки (*обидьыны* ‘обижать’, *ушьясъкыны* ‘хвастаться’, *чагиськыны* ‘клеветать’).

Проанализировав примеры из Национального корпуса удмуртского языка, можно заметить, что данная группа глаголов является наиболее употребительной в структуре изъяснительных сложноподчиненных предложений: *Нош кин шуиз, мыным урод улыны шуыса?* (В. Ар-Серги «Лыдъя, лыдъя, кикые») ‘А кто сказал, что мне плохо живется?’; *Котькытын но верало, гожъяло, врачлэн ужез самой дано шуыса...* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Везде говорят, пишут, что работа врача самая почетная...’; *Кысэм чильымзэ чакма шуккыса [Акмар] кенжытйз но мадьыны кутскиз, кызьы вал ужпум* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘[Акмар] зажег потухшую трубку и начал рассказывать, как было дело’.

2. Широкое распространение в структуре изъяснительных предложений имеют также глаголы восприятия, получения информации: *адзэыны* ‘видеть, увидеть’; *валаны* ‘понять’; *кылыны* ‘слышать, услышать’; *синийылтыны* ‘заметить, приметить’; *тодманы* ‘узнавать’; *тодыны* ‘знать’; *тодэ вайыны* ‘вспоминать’; *чакланы* ‘соблюдать’; *шөдйськыны* ‘догадаться’; *шөдыны* ‘чувствовать, почувствовать’ и т. д., например: *Мон уг тодйськы вал, тон Шакиров Семонлэн пиез шуыса* (Г. Красильников «Веросьёс») ‘Я не знал, что ты сын Шакирова Семена’; *Восьтэт ымныро солдат шоры учкыса, али нокин но уг тодма, со Алексей Петровичлэн егит дырыз шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Смотря на солдата с исхудавшим лицом, сейчас уже никто не узнает, что это молодой Алексей Петрович’; *Председатель кылэм, механизаторъёс бусыын удыс дуразы юо шуыса* (С. Самсонов «Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромом») ‘Председатель услышал, что механизаторы пьют в поле в рабочее время’; *Фаиналы аслыз ик шөдйськыны кулэ вылэм ини, яратонзылы пум поныны дыр вуэмын шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Фаине надо было уже самой догадаться, что на их любви настало время поставить точку’; *Кунян дыръяз ик Кими шөдйз, талэсь туж жеч выжсы пöрмоз шуыса* (Б. Вахрушев «Шокчиз кысэм көрык») ‘Когда он был еще теленком, Кими почувствовал, что от него [от теленка] получится очень хорошее потомство’; *Воргорон нырысь чик уг вераськы вал, собере валаз, лэся, эшез но ачиз выллем ик «шудпуйы» шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Мужчина сначала совсем не разговаривал, потом понял, видимо, что его друг, как и он сам – везунчик’.

В научной литературе глаголы восприятия и получения информации подразделяются на следующие лексико-семантические подгруппы [Васильев 1981: 52–68]:

а) глаголы с общим значением восприятия (*валаны* ‘воспринимать’, *шөдыны* ‘чувствовать’);

б) глаголы зрительного восприятия (*адзэыны* ‘видеть’, *синмаськыса учкыны* ‘любоваться’, *учкыны* ‘смотреть’);

в) глаголы слухового восприятия (*вазыны* ‘звучать’, *кылыны* ‘слышать’);

г) глаголы обоняния (*зынъяны* ‘обонять, нюхать’, *зын потыны* ‘пахнуть’);

д) глаголы осязания (*шодыны* ‘осязать’).

Вышеуказанные группы вербальных единиц представлены и в структуре изъяснительных сложноподчиненных предложений удмуртского языка: *Табере мон валай, малы ныллэн куараез пичи муртлэн кадь на* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Теперь я понял, почему голос девушки все еще детский’; *Учком, учком, кыче-сыче йонтэм адямиез ваиллям тон доры* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Посмотрим, посмотрим, какого-такого бесшабашного человека к тебе привели’; *Нокин өз кылы, мар сярись вераськизы со уе Максимен Аркаш* (Г. Красильников «Веросьёс») ‘Никто не слышал, о чем говорили в ту ночь Максим с Аркашей’. Следует подчеркнуть, что в рамках проведенного нами исследования мы не нашли примеров изъяснительных сложноподчиненных предложений с глаголами обоняния и осязания.

3. Еще одна группа глаголов, которая может формировать группу изъясняемых слов в структуре изъяснительных сложноподчиненных предложений – это глаголы мыслительной деятельности, внутреннего состояния: *валатскыны* ‘опомниться, догадаться’; *вунэтыны* ‘забыть’; *кышканы* ‘бояться’; *лыдъяны* ‘считать, полагать’; *малпаны* ‘думать, подумать’; *малпаськыны* ‘размышлять, задуматься’; *оскыны* ‘верить, поверить’; *паймыны* ‘удивиться’; *ятвылтыны* ‘сообразить’ и т. д., например: *Тодйсьтэм мурт учкоз но ас понназ малпалоз, Атабайын но калык со выллем шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Незнающий человек посмотрит и про себя подумает, что и в Атабаево народ такой же’; *Мон кышкасько, перитонит луэмын шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Я боюсь, что это перитонит’; *Вара табере умой оскиз, та Сергейёслэн корказы шуыса*

(И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын) ‘Вара теперь уверилась, что это дом семьи Сергея’.

Иногда сообщение об определенном действии, событии может сопровождаться уточнением характера его протекания, уточнением процесса. Чаще всего, если действие рассматривается в развитии, то для этого используется союзное слово *кызьы* ‘как, каким образом’. Как показывает материал исследования, указанное союзное слово присоединяет придаточную часть, если опорное слово имеет значение восприятия, ощущения: *адзъыны* ‘видеть, увидеть’; *валаны* ‘понять’; *кылыны* ‘слышать, услышать’; *синйылтыны* ‘заметить, приметить’; *тодманы* ‘узнавать’; *тодыны* ‘знать’; *тодэ вайыны* ‘вспоминать’; *чакланы* ‘соблюдать’; *шодйськыны* ‘догадаться’; *шодыны* ‘чувствовать, почувствовать’ и т. д., например: *Натй адзиз, кызьы солэн чиньюсыз йырбераз вуизы* (М. Петров «Зардон азын») ‘Наташа увидела, как его пальцы коснулись затылка’; *Укноысь синзэ вошьятэк сямен пуконъяз, пияш амалтэк синйылтйз, кызьы пурьяло зор улын вольюс* (П. Чернов «Казак воргорон») ‘Сидя и не открывая взгляд от окна, мальчик невольно заметил, как под дождем валки становятся серыми’; *Олексан тодаз ваиз, кызьы пумитазы сое, разведкаысь берытскыкуз, полклэн штабаз* (В. Голубев «Солдат иськемъёс») ‘Александр вспомнил, как встретили его в штабе полка, когда он вернулся с разведки’.

По смыслу союзное слово *кызьы* близко к союзу *шуыса* ‘что’, но является более экспрессивным, указывает на динамический характер объекта, содержит оттенок качественно-обстоятельственного значения и уточняет сказуемое придаточной части: *Со шодйз, кызьы сое трактористэз сереме уськытэ* (Т. Архипов «Лудзи шур дурын») ‘Он почувствовал, как его осмеивает тракторист’. Однако, если *кызьы* стоит перед глаголом в значении речи, передачи информации (*валэктыны* ‘объяснить’; *вераны* ‘сказать, говорить’; *вераськыны* ‘разговаривать, беседовать’; *гожтыны* ‘писать’; *ивортыны* ‘оповестить, известить, сообщить’; *шуыны* ‘сказать’), то в таких случаях он ближе к союзному слову и замена его союзом *шуыса* невозможна:

Валэктійз, кызыбы но мар сярысь вераськоно калыкен (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Он объяснил, как и о чем говорить с народом’; *Вераськыны черод вуэм бере, Олексан конференцилы тупен-тупен вераз, кызыбы со артельной хозяйствоез ёсутон борды кутскиз* (Т. Архипов «Лудзи шур дурын») ‘После того, как пришла очередь говорить, Александр основательно рассказал конференции, как он взялся за поднятие артельного хозяйства’; *Василий Дмитриевич мыным Москвае ыстэм гожтэтаз рос-прос валэктэм, кызыбы Пудемысь солэсь корказэ шедьтоно* (В. Голубев «Солдат иськемёс») ‘Василий Дмитриевич в отправленном мне письме в Москву подробно объяснил, как найти его дом в Пудеме’.

Сообщение о факте действительности может сочетаться с выражением отношения говорящего к достоверности факта. В таких случаях используется заимствованный из русского языка союз *будто* ‘будто, как будто’, который указывает, что сообщение в придаточной части представляется субъекту главной части или говорящему недостоверным, сомнительным, неопределенным. Указанный союз тяготеет к опорным словам, имеющим в своем значении элементы необъективности, неуверенности, сомнения, неодобрения, осуждения (*вётаны* ‘сниться, видеть сон’; *малпаны* ‘думать’; *оскытыны* ‘уверить’): *Гришиналэн та кыльёсыз борды кырмиськыса, обвинительёс оскытыны тыршо, будто Матюнинлэн шёез Мултанысь ваемын* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Прицепившись к словам Гришиной, обвинители стараются уверить, будто тело Матюнина принесли из Мултана’; *Со вёта, будто дораз кулон лыктэм но ньылыны сое медэ* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Ему снится, будто к нему пришла смерть и хочет его проглотить’; *Асьмелэн тани тросэз малпало, будто эксэй, калыкез жаляса, сыёе манифест поттійз* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘У нас вот многие думают, будто царь, пожалев народ, выпустил такой манифест’. В данных примерах союз *будто* оказывается заместителем союза *шуыса*, но имеет дополнительный оттенок: выражает неполную достоверность содержания

придаточной части, субъективное представление о соответствующей ситуации.

Необходимо отметить, что отмеченный нами союз *что* в примерах художественной литературы не представлен, т. к. является заимствованием из русского языка (ср. рус. *что*). Указанный союз широко используется в разговорной речи. Но это должно стать предметом отдельных научных исследований.

3.1.2. Для передачи значения сферы волеизъявления в удмуртском литературном языке чаще всего используются союзы *шуыса* и союзные слова *кыче* ‘какой’, *кызьы* ‘как, каким образом’, *малы* ‘почему, с какой целью’, *мар* ‘что’ и др. На основе анализа лингвистических данных из Национального корпуса удмуртского языка можно сделать вывод, что конкретный характер волеизъявления констатируется в лексико-семантических свойствах опорного слова. Указанные союз и союзные слова присоединяют придаточную часть, если в главной изъяняемыми являются лексемы, имеющие значение желания, намерения, стремления, цели – *тодэмез потэ / тодэммы потэ* ‘хочет знать / хотим знать’ и др. Они используются в изъянительных предложениях, где объектные отношения осложнены значением побуждения, возможности, желательности, предположения. Событие, заключенное в придаточной части, рассматривается в этом случае не как реальный факт, и поэтому главная часть характеризует этот ирреальный факт как объект волеизъявления со стороны субъекта, то есть в таких предложениях присутствует ирреальная модальность: *Солэн туж тодэмез потэ, кин со доры ветлэ* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Он очень хочет узнать, кто к нему ходит’; *Генераллэн тодэмез потэ, оже потон азын кыче мылкыдзы солдатъёслэн, өвёл-а куронъёссы, ёжоштійськонъёссы* (В. Голубев «Солдат иськемъёс») ‘Генералу хочется знать, какое настроение у солдат перед выходом на поле боя, нет ли у них пожеланий, жалоб’; *Туж тодэммы потэ, кызьы улэ ини та вакытэ асьме*

шаерамы калык (В. Голубев «Солдат иськемъёс») ‘Нам очень хочется знать, как народ живет в это время в нашей стране’; *Ильялэн тодэмез потэ, ма, пе, со егит ныл бригадирез утчаса ветлэ* (Т. Архипов «Лудži шур дурын») ‘Илья хочет знать, с какой целью эта молодая девушка ищет бригадира’; *Ваньзылэн тодэмзы потэ, мар вералоз уни со* [Сергей] (И. Гаврилов «Вордїськем пальёсын») ‘Все хотят знать, что он [Сергей] скажет уже’; *Тынад, конешно, тодэмед потэ, малы мон, егит адями, бызьыны дьртїсько* (Л. Нянькина «Ваёбыж кар») ‘Тебе, конечно, хочется знать, почему я, молодая девушка, спешу выйти замуж’; *Катялы со али номыр кадь ой вал, тодэмез но өз пот, малы чабо* (И. Гаврилов «Вордїськем пальёсын») ‘Кате вроде было все равно, и узнавать не хотела, почему аплодируют’.

3.1.3. Союзы, принадлежащие сфере вопросительной речи, связывают с главной такую придаточную изъяснительную часть, которая содержит вопрос о том, соответствует ли данное событие действительности. Это частицы *-а, меда, -а меда* ‘ли’, которые в этом случае приобретают союзное значение. Опорные элементы в главной части таких сложноподчиненных предложений обозначают незнание, узнавание, непонимание, размышление, познавательную деятельность, передачу знания: *адзїны* ‘видеть, увидеть’; *валэктыны* ‘объяснить’; *вераны* ‘сказать, говорить’; *вераськыны* ‘разговаривать, беседовать’; *ивортыны* ‘оповестить, известить, сообщить’; *кылыны* ‘слышать, услышать’; *малпаськыны* ‘думать’; *паймыны* ‘удивляться’; *сюлэмшугьяськыны* ‘беспокоиться’; *тодыны* ‘знать’; *юаны* ‘спросить’ и др.: *Люкаськемъёс сюлэмшугьяськыны өдъязы, пересьлы нош ик урод өз луы меда* (У. Бадретдинов «Чушъял вордїське веньестэк») ‘Собравшиеся начали беспокоиться, снова не стало ли плохо старику’; *Бызьымтэ маке на меда, өд кылы-а* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Незамужняя ли еще, не слышал?’; *Авдеев малпа, солэн та кладовицикез Иванэн герзаськемын өвёл меда?* (Т. Архипов «Лудži шур дурын») ‘Авдеев думает, этот его кладовщик не связан ли с Иваном’; *Собере мон соослэсь*

юай, уз луы-а меда кызьы ке армие мынэме шуыса (П. Блинов «Улэм потэ») 'Потом я у них спросил, не смогу ли я как-нибудь в армию пойти'.

Как видно из примеров, придаточная часть изъяснительного предложения со значением вопроса, поиска информации называет ситуацию, разрешение которой неизвестно, предполагает альтернативность и является разновидностью косвенной речи.

3.1.4. Изъяснительные предложения, сообщающие о частном факте. Целью этих предложений является сообщение не о факте (как предложения с союзом *шуыса*), а о частном его аспекте: о времени, месте, цели его совершения и т. д. Придаточная часть присоединяется к главной при помощи союзных слов, роль которых выполняют вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия (*кин* 'кто', *ма (мар)* 'что', *малы (марлы)* 'почему, с какой целью', *кызьы* 'как, каким образом', *кытын* 'где', *кытчы* 'куда', *кытысь* 'откуда', *ку* 'когда', *кудйиз* 'который', *кыче* 'какой', *кӧня* 'сколько').

Союзное слово, являясь в придаточной части членом предложения, имеет не только грамматическое, но и определенное лексическое значение, поэтому несет дополнительную смысловую нагрузку, указывает на какой-либо частный аспект действия (время, причину, цель действия, его субъект, объект и т. д.). В данном случае опорными словами в главной части являются и глаголы речи, и глаголы восприятия. Примеры сложноподчиненных изъяснительных предложений, сообщающих о частном аспекте факта, представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Сложноподчиненные изъяснительные предложения,
сообщающие о частном аспекте факта

Значение изъяснения, выраженное союзным словом	Союзное слово	Предложение
Объект	<i>ма</i> (<i>мар</i>) 'что' <i>кин</i> 'кто' (во всех падежах)	<p><i>Будйид ке, тодод, ма со Балатон...</i> (Г. Красильников «Огшоры нунал») 'Вырастешь, узнаешь, что такое Балатон...'; <i>Шуг вераны, марлы оскиз Гондыргурт ни – Олексан – та уе</i> (В. Голубев «Солдат иськемъёс») 'Сложно сказать, чему поверил юноша – Олексан – из Медведево в эту ночь'; <i>Табере ачиз но валаз, мар луэ соин...</i> (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») 'Теперь и сам понял, что с ним происходит...'; <i>Вадик валаз, кин сярысь озьы вераз анаез</i> (Н. Белоногов «Пус») 'Вадик понял, о ком так сказала его мама'; <i>Табере шуг ини тодыны, кин нырысьсэ озьы нимаз</i> (В. Голубев «Солдат иськемъёс») 'Теперь уже сложно узнать, кто первым так назвал'; <i>Тйни табере малпа, кинлэн кисыяз учкиськод</i> (Т. Архипов «Лудзи шур дурын») 'Вот теперь подумай, в чей карман смотришь'</p>
Образ действия	<i>кызьы</i> 'как, каким образом'	<p><i>Мон уг тодйськы, кызьы солы юрттыны</i> (В. Ар-Серги «Лыдья, лыдья, кикые») 'Я не знаю, как ему помочь'; <i>Валэктйсько, кызьы висёнъёслэсь утялтйськоно</i> (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») 'Объясняю, как убережусь от болезней'; <i>Аджом али, кызьы колхоз юрттоз</i></p>

		<i>тыныд</i> (М. Петров «Зардон азын») 'Посмотрим еще, как тебе колхоз поможет'
Признак предмета, качество	<i>кыџе</i> 'какой' <i>кудйз</i> 'который'	<i>Тодоно, кыџе</i> оборудование вань отын (М. Петров «Зардон азын») 'Надо узнать, какое там есть оборудование'; <i>Фаина нырысьсэ адџиз, кыџе</i> лек луыны быгатэ вылэм со (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») 'Фаина впервые увидела, каким злым он может быть'; <i>Валаськод-а, Таня, кыџе</i> кужым со (Т. Архипов «Лудџи шур дурын») 'Понимаешь ли, Таня, какая это сила'; <i>Шуг табере вераны, кудйз</i> та кык профессииос пöлысь солы сюлэмъяз луысал – оло геолог, оло агроном (Т. Архипов «Вормы астэ ачид») 'Теперь сложно сказать, которая из этих двух профессий была бы ей по душе – или геолог, или агроном'; <i>Ѓуказез Таня шöдйз сое, кудйз</i> сярись уйвöтаз но öз малпалля (Т. Архипов «Вормы астэ ачид») 'На завтрашний день Таня почувствовала его, о котором даже во сне не думала'; <i>Ву берганэ сюрем кык адямиос даллашо ке, шуг вераны, кудйз</i> отысь быгылес йырын потоз на (Г. Грязев «Кирень куректон») 'Если попавшие в водоворот люди спорят, сложно сказать, который из них выйдет оттуда живым'
Время действия	ку 'когда'	<i>Öй но шöды, ку-о</i> вуиды тй (С. Самсонов «Дыдыкџёс бус пöлы уг йыромом») 'Даже не почувствовал, когда вы пришли'; <i>Озбы</i> ик

		<p><i>витиз, ку со бордаз басьтоз</i> (Т. Архипов «Адямилэн чеберез») ‘Так и ждал, когда он к себе возьмет’; <i>Пумен отын ик лыдья, чакла, ку вузалоз созэ яке тазэ пудозэ, ма быдзаесь будозы соос, кӧня уксь поттоз соослэсь</i> (К. Емельянов «Пилиськем горшок») ‘Постепенно там же считает, намечает, когда продаст ту или другую животину, какими большими они вырастут, сколько денег с них получит’</p>
Место действия	<i>кытын</i> ‘где’	<p><i>Автобуслэн укноетӱз учкыса уг луы на валаны, кытын</i> <i>основноез, кытын</i> <i>основнойтэмез</i> (Т. Архипов «Адямилэн чеберез») ‘Смотря в окно автобуса, невозможно понять, где основное [сооружение], где не основное’; <i>Нош малпады-а, кытын со нарушениослэн мугзы?</i> (М. Петров «Вуж Мултан») ‘А вы подумали, где причина этих нарушений’; <i>Вералэ, кытын тӱляд самой бадӱмез начальникты?</i> (С. Самсонов «Кам вадьсын гудырья») ‘Скажите, где у вас самый большой начальник?’</p>
Причина действия	<i>малы</i> (марлы) ‘почему’	<p><i>Вакчияк, могоса но кызьы со мадиз, малы соослэн атайзы ас корказы мурт луиз</i> (Т. Архипов «Вормы астэ ачид») ‘Кратко, запинаясь она рассказала, почему их отец в родном доме стал чужим’; <i>Тӱ тодӱськоды-а, марлы пегӱиз Иванкина?</i> (Г. Данилов «Улмопу сяськаян вакытэ») ‘Знаете ли вы, почему</p>

		сбежала Иванкина?»; <i>Со жеч тодэ, малы сюлмыз интыяз өвөл</i> (П. Чернов «Мөзмон») ‘Он хорошо знает, почему сердце не на месте’
Цель действия	<i>малы (марлы)</i> ‘с какой целью’	<i>Кин тодэ, малы со нюрысь куштійськем сюрес вылэ пырем на Юля...</i> (С. Самсонов «Яратійсько тонэ») ‘Кто знает, с какой целью еще Юля дошла до заброшенной дороги на болоте...’; <i>Шаповалов малпаз, дыр, марлы изменниклэн пиезлы гожтэт гожъялод, марлы ортчемзэ бугыръялод на...</i> (Н. Васильев «Кин тон, атай?») ‘Шаповалов подумал, наверное, с какой целью будешь писать сыну изменника и ворошить прошлое...’; <i>Тодійськод-а, малы шорад пырсйылыса учкылім?</i> (Г. Перевощиков «Гужем лымы») ‘Знаешь ли, с какой целью на тебя хихикая посматривали?’
Направление движения	<i>кытысь</i> ‘откуда’ <i>кытчы</i> ‘куда’	<i>Нырысь валано, кытысь потііз татчы ошмес, собере уни тодыны луоз, кытчы со пыриз</i> (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Сначала нужно понять, откуда появился здесь родник, потом только можно будет узнать, куда он делся’; <i>Паймисько, кытысь пеймыт гуртын будэм ныллэн сыңе малпанэз?</i> (Л. Нянькина «Ваёбыж кар») ‘Удивляюсь, откуда у выросшей в глухой деревне такая мечта?’; <i>Тушмон танкистъёс валазы, лэся, кытысь ыбылэ орудие</i> (В. Голубев «Солдат иськемъёс») ‘Вражеские танки поняли, видимо, откуда стреляет орудие’; <i>Тыныд тодыны кулэ, кытчы умойгес луоз</i>

		<p><i>пушка яке пулемёт пуктыны, окопъёс гудыны</i> (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Тебе нужно узнать, куда лучше будет поставить пушку или пулемет, выкопать окопы’; <i>Кин тодэ, кытчы вуттоз со вераськон</i> (П. Чернов «Тулысысен сйзылыозь») ‘Кто знает, до куда доведет этот разговор’; <i>Шодйськод-а, Макар Петрович, кытчы вуттэ со?</i> (Г. Красильников «Вуж юрт») ‘Догадываешься ли, Макар Петрович, куда это приводит?’</p>
Количественная характеристика объекта	<i>көня</i> ‘сколько’	<p><i>Лыдъя вал, көня километрез ортчиз озьы!</i> (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Посчитать бы, сколько километров он так прошел!’; <i>Тон ваньзэ уд тодйськы, нылы, көня чидай мон, көня йыбыртъяй узыръёслы ас улонам...</i> (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Ты все не знаешь, дочка, сколько я перетерпел, сколько преклонял колени перед богачами в своей жизни...’; <i>Учконо луоз, көнязэ утыны быгатй...</i> (Е. Загребин «Тулыс зор») ‘Посмотреть надо будет, скольких я сберечь смог...’</p>

Таким образом, на основе исследования семантических признаков изъяснительных сложноподчиненных предложений мы приходим к выводу, что в удмуртском языке существуют четыре типа изъяснительных предложений: сообщающих об определенном факте (с союзами *шуыса* ‘что’, *будто* ‘будто, как будто’, *что* и союзным словом *кызыы* ‘как, каким образом’); выражающих волеизъявление (с союзом *шуыса* ‘что’ и союзными словами *кыче* ‘какой’, *кызыы* ‘как, каким образом’, *малы* ‘почему, с какой

целью’, *мар* ‘что’ и др.); содержащих вопрос или поиск информации (частицы *-а, меда, -а меда* ‘ли’ в роли союза) и сообщающих о частном аспекте факта (с союзными словами и местоименными наречиями *кин* ‘кто’, *ма (мар)* ‘что’, *малы (марлы)* ‘почему, с какой целью’, *кызьы* ‘как, каким образом’, *кытын* ‘где’, *кытчы* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *ку* ‘когда’, *кудйз* ‘который’, *кыче* ‘какой’, *көня* ‘сколько’).

Помимо финитных глагольных форм, в главной части сложноподчиненного предложения также могут употребляться причастия, отглагольные имена существительные, например: *Отын верамын, Павел Иванович Калинов Вормон фондэ сю витьтон сюрс манет коньдон сётйз шуыса* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Там сказано, что Павел Иванович Калинов отдал сто пятьдесят тысяч рублей в Фонд Победы’; *Вал-а, ой вал-а умойтэмеэ, сое аджись ой вал, Антон Иваныч* (М. Петров «Улон понна») ‘Было или не было плохого, этого никто не видел, Антон Иваныч’.

Так же, как и в русском языке, изъяснительные придаточные предложения в удмуртском языке могут употребляться при оценочных именах существительных (см.: [Ван, Воейкова 2020: 231]): рус. *Молодец, что проявил характер и вытащил пятый раунд* [Ван, Воейкова 2020: 231] ~ удм. ‘*Жечок, (что) аслэсьтыз сямзэ аджытйз но витетй раундэз поттйз (шуыса)*’; рус. *Туська, – позвал папа. – Вот умница, что встала с постельки* [Ван, Воейкова 2020: 235] ~ удм. ‘*Туська, – отиз атаез. – Вот жечок, (что) иземысь султйд (шуыса)*’.

Отдельно следует подчеркнуть, что в структуре главного предложения также могут употребляться различные устойчивые сочетания и фразеологические обороты: *возьмаса улыны* ‘ждать, ожидать’; *кыл сётыны* ‘дать слово’; *оскем потэ* ‘хочется верить’; *тодмо уни* ‘уже известно’; *тодэ вайыны (лыктыны)* ‘вспомнить’; *тодэм потэ* ‘хочется знать’; *юам потэ* ‘хочется спросить’ и др., например: *Мон ялан оскыса, возьмаса улй, тон ачид та вераськон борды кутскод шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Я всегда жила надеждой и ожиданием, что к такому разговору ты приступишь

сам'; *Мон котьку ас поннам малпаса улй, Тй, Световидов, кышкась адями шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») 'Про себя я всегда думал, что Вы, Световидов, трусливый человек'; *Но туж оскем потэ вылэм, адямилэн улонэныз нокин но ноку но уз кивалты ни шуыса* (Г. Грязев «Кирень куректон») 'Но очень хочется верить, что жизнью человека никто и никогда не будет управлять'.

3.2. Структурные типы изъяснительных предложений

В предыдущих разделах диссертационного сочинения было доказано, что изъяснительное предложение представляет собой определенную форму высказывания: оно содержит в придаточной части сообщение, которое сопровождается заключенной в главной части характеристикой. В выражении этой смысловой связи между главной и придаточной частями основная роль принадлежит союзным средствам и связанным с ними изъясняемым словам [ССРЯ 2015: 46].

С точки зрения структурных характеристик изъяснительных сложноподчиненных предложений в грамматике современного удмуртского языка можно выделить следующие их типы:

1. Придаточные изъяснительные с союзами *шуыса* 'что, чтобы', *будто* (*будто ке*) 'будто, как будто', с частицами *-а, меда, -а меда* 'ли': *Липетмы вия шуыса, мон бригадирлы Миколлы верай* (Л. Ганькова «Вераськод ке, вера...») 'Я сказал бригадиру Миколле, что у нас крыша течет'; *Шонерак озьы вера, будто удмурт адями ик өвёл* (М. Петров «Вуж Мултан») 'Прямо так и говорит, как будто удмурт вовсе не человек'; *Берло ни Соснов валаз, врач котьмае быгатйсь өвёл шуыса* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») 'Уже потом Соснов понял, что врач не все может сделать'; *Бöрысь нош тодйз, Тоня солы бызем, сюан но ортчйтйллям ини шуыса* (С. Самсонов «Яратйсько тонэ») 'А потом узнал, что Тоня вышла за него замуж, что они уже и свадьбу сыграли'; *Э, малпасько, быро-а меда ни та мучйёс но сырьясь*

дэри пöлы (В. Ширококов «Мемилэн куараез») ‘Э, думаю, погибну ли я среди этих кочек и зыбкой грязи’.

2. Придаточные изъяснительные с союзными словами, в роли которых употребляются вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия: *кин* ‘кто’, *ма* (*мар*) ‘что’, *малы* (*марлы*) ‘почему, с какой целью’, *кызьы* ‘как, каким образом’, *кытын* ‘где’, *кытчы* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *ку* ‘когда’, *кудйиз* ‘который’, *кыче* ‘какой’, *кöня* ‘сколько’: *Нырысь тон чаклалод, кинэн бертоз* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Сначала ты понаблюдаешь, с кем он придет домой’; *Мон тонэ юнме уг кутйськы, тон кылзы, мар мон верало* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Я тебя зря не держу, ты слушай, что я скажу’; *Табере мон валаны кутскисько кадь, малы тон кутсаськонэз жегатйськод* (М. Петров «Зардон азын») ‘Теперь я вроде бы начинаю понимать, почему ты задерживаешь молотьбу’; *Солэн али ик тодэмез потйиз, кызьы жучьёс ротаысьтыз ефрейторез нуизы* (В. Голубев «Солдат иськемьёс») ‘Он сейчас же захотел узнать, как русские унесли ефрейтора из его роты’; *Мыном, возьмато, кытын улэ* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Пошли, покажу, где он живет’; *Онись, тон уд вера-а, кытчы ышиз мынам Маринае?* (М. Петров «Зардон азын») ‘Онись, не скажешь ли ты мне, куда пропала моя Марина?’; *Мон, вань даурам крестьян ужез ужам адыми, жечгес тодйсько, кытысь кöня нянь усе* (Т. Архипов «Луджи шур дурын») ‘Я, весь свой век выполнявший работу крестьянина человек, лучше знаю, откуда и сколько выпадает хлеба’; *Мон чидатэк возьмасько, ку вуоз Васса* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Я с нетерпением жду, когда придет Васса’; *Тон, Иван, тйни Вара борды йотскыса утча, аджод, кыче неж со* (М. Петров «Зардон азын») ‘Ты, Иван, попробуй вот до Вары дотронуться, увидишь, какая она нежная’; *Пересь таچه ик шöдэ, кызьы солэн шер йырсиосыз жутско* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Старик так и чувствует, как его редкие волосы поднимаются дыбом’ и др.

3. Придаточные изъяснительные с союзными словами, которым соответствуют указательные местоименно-соотносительные слова (*сое... мае* 'то... что'; *сое... мар* 'то... что'; *сычезэ... кудзэ* 'такое... что' и т. п.): *Со мед быгатоз адзыны сое, кудзэ уг адзы тросэз мукетыз огшоры адями* (Т. Архипов «Вормы астэ ачид») 'Он пусть сможет видеть то, что не видят многие другие обычные люди'; *Мон уго сычезэ тодйсько, кудзэ тросэз ёзъёсы уг шодо* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») 'Я ведь знаю такое, чего многие мои ровесники не чувствуют'.

Рассматривая особенности структуры изъяснительных предложений в удмуртском языке, можно заметить отсутствие *коррелятов*, т. е. лексико-грамматических средств подчинения придаточной части главной, своеобразных посредников между частями сложноподчиненного предложения, употребляющихся соотносительно с союзом и союзным словом в главной части сложноподчиненного изъяснительного предложения. Также существует такое явление, как опущение союза в придаточной части, в частности, союза *шуыса*, о котором пойдет речь далее.

С целью уточнения функциональной нагрузки каждого из указанных выше групп изъяснительных предложений методом сплошной выборки мы проанализировали произведения Г. Медведева, Г. Красильникова, Г. Перевощикова и С. Матвеева. В результате проведенного исследования было выявлено, что во всех произведениях доминируют изъяснительные придаточные с союзными словами. Результаты исследования приводятся в Таблице 3.

Таблица 3. Употребление изъяснительных сложноподчиненных предложений в текстах удмуртской художественной прозы

<i>Произведение</i> <i>Тип</i> <i>придаточного</i> <i>предложения</i>	Г. Медведев «Лёзя бесмен»	Г. Красильников «Арлэн кутсконэз»	Г. Перовщиков «Йовалег»	С. Матвеев «Эмезь гурезь»
Изъяснительные придаточные с союзным подчинением	25%	20%	40%	66,6%
Изъяснительные придаточные с союзами словами	73%	80%	60%	33,4%
Изъяснительные придаточные с союзами и соотносительными словами	2%	-	-	-

Рассмотрим каждую группу изъяснительных придаточных предложений подробнее.

3.2.1. Изъяснительные придаточные с союзным подчинением

Изъяснительные придаточные предложения присоединяются к главному при помощи союзов *шуыса*, *будто*, *будто ке*, *что*. В системе современного удмуртского языка союз *шуыса* ‘что, чтобы’ относится к постпозитивным союзам, обладающим рядом семантических значений.

В работе А. Ф. Шутова «Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях» [Шутов 1992] к указанным единицам отнесены такие союзы, «которые употребляются не в начале придаточной части сложноподчиненного предложения, а в конце или (реже) середине ее» [Шутов 1992: 169]. Помимо союза *шуыса*, к постпозитивным союзам удмуртский исследователь относит также такие союзы, как *бере*, *дырья*, *кадь*, *вылысь* и т. д.

Впервые постпозитивные союзы были рассмотрены эстонским исследователем Ф. И. Видеманном в грамматике удмуртского языка [Wiedemann 1851]. По мнению эстонского ученого, союз *шуыса* функционально соответствует немецким *da, damit* [Wiedemann 1851].

Другой зарубежный исследователь Х. Винклер в работе «Der uralaltaische Sprachstamm» [Winkler 1909] рассматривает союзы *ке, ке но, шуыса, гинэ*, которые имеют параллели с союзами монгольского языка.

Постпозитивные союзы также исследованы в работе К. М. Баушева [Баушев 1929], где ученый отмечает, что «вносные предложения с союзом *шуыса* ‘сказав’ как придаточные начинают оформляться на базе прямой речи» [Баушев 1929: 45]. Продолжая гипотезу К. М. Баушева, А. Ф. Шутов подчеркивает, что «в современном удмуртском языке встречаются реликтовые явления, отражающие случаи перехода предложений с прямой речью в сложноподчиненные предложения» [Шутов 1992: 170].

Относительно этимологии данного союза, ученые единогласно подчеркивают постпозитивное происхождение *шуыса*. В частности, П. Н. Перевощиков [Перевощиков 1938; 1939; 1946] подробно рассматривает функции и происхождение союзов *шуыса, бере, дырья*. Удмуртский ученый подчеркивает, что союз *шуыса* образован от глагола *шуыны* ‘говорить, сказать’. П. Н. Перевощиков утверждает, что у этого союза имеется несколько функций. Чаще всего он подчиняет придаточное дополнительное (изъяснительное) главному предложению, например, *Гурезь йылэ туристъёс жьытазе гинэ вуизы шуыса, милем ивортйзы* ‘Нам сообщили, что туристы дошли до вершины горы только вечером’ [Перевощиков 1938: 41]. Однако следует отметить, что данный союз, прежде всего, происходит от деепричастия *шуыса* ‘говоря’.

Кроме того, *шуыса* может употребляться в придаточном причины, в этом случае слова *мед, медаз* подчиняют придаточную часть: *Пинальёс гурезь йылэ ик тубизы, отысен куасэн нискылскыны умой шуыса* ‘Дети

взобрались прямо на вершину горы, объяснив это тем, что оттуда хорошо спуститься на лыжах' [Первошиков 1938: 41].

В своих трудах П. Н. Первошиков также предложил принципы разграничения деепричастных оборотов с *шуыса* от сложноподчиненных предложений с союзом *шуыса*, которые в некоторых грамматиках удмуртского языка ошибочно были введены в раздел предложений с деепричастными оборотами [Первошиков 1939: 41].

В работе В. К. Кельмакова «Об отглагольных послелогох *шуыса* и *луыса* в удмуртском языке» [Кельмаков 1973] также подробно исследованы особенности употребления исследуемых лексем в системе современного удмуртского языка. Ученый подчеркивает, что основная служебная функция деепричастия *шуыса* 'говоря' – союзная, послеложные же функции оно выполняет в двух случаях:

во-первых, в глагольных словосочетаниях имени с ограниченным количеством глаголов в качестве стержневого слова: *ниманы* 'назвать', *нимаськыны* 'называться', *лыдъяны* 'считать, принимать за...' и т. д., например, в таких предложениях как: *Но сыче сюрес вылтй ке мынысалмы, асьмеос большевикъёс шуыса нимаськыны ой быгатысалмы* 'Но если бы мы пошли по такому пути, не имели бы права называться большевиками' [Кельмаков 1973: 127]; *Вашкала дыръя жегез юг палан жаг-турын шуыса лыдъяло вылэм...* 'В древности рожь на юге считали сорняком' [Кельмаков 1973: 129]. В данных предложениях *шуыса* не выступает в качестве самостоятельного члена предложения, а выполняет совместно с именами существительными роль обстоятельства образа действия, подобно послелогу [Кельмаков 1973: 128];

во-вторых, сочетание *шуыса* с формой дательного падежа имени существительного служит для выражения объектно-целевого отношения, например: *Губилы шуыса потэм вал но, пужмер улэ сюрем, лэся, ини, буш кудыен бертйсько* 'Отправилась было за грибами, да их, видимо, прихватило уже заморозками, вот и возвращаюсь с пустой корзиной' [Кельмаков 1973:

129]; *Водопровод кинлы шуыса лэсьтэмын?* ‘Для кого сделан водопровод?’ [Кельмаков 1973: 130]. В приведенных предложениях глаголы *потэм вал, лэсьтэмын* присоединяют существительные в дательном падеже с отглагольным образованием *шуыса*, в данном случае утратившим употребления статуса знаменательного слова и выполняющим функцию послелого [Кельмаков 1973: 130].

Важно подчеркнуть, что подобное происхождение некоторых союзов от знаменательных частей речи характерно и для других языков (см. в частности: [Гусев 2020]).

Типологические особенности употребления союза *шуыса* рассмотрены также в трудах финского ученого Р. Бартенс и болгарского исследователя Е. Георгиевой. Как подчеркивает Р. Бартенс, придаточные с конечным аргументом содержат дополняющий элемент *šuiša*, который образован от формы глагола *šui-* ‘сказать’. Аналогичные дополнительные элементы встречаются в марийском, татарском, чувашском и монгольском языках; ранее утверждалось, что развитие этого элемента в удмуртском языке происходит под татарским влиянием [Bartens 2000: 311]. Указанная мысль находит выражение и в работе Е. Георгиевой «Non-finite adverbial clauses in Udmurt», в которой рассматриваются синтаксические конструкции удмуртского языка, и, в частности, неопределенные обстоятельственные придаточные предложения [Georgieva 2018: 34].

Исследуя типологические особенности удмуртского и английского синтаксических структур, молодой исследователь А. А. Тимбекова отмечает, что английским грамматическим структурам «сложное дополнение» в удмуртском языке соответствует придаточным изъяснительным предложениям, например: *I never saw a man laugh so much* ‘Вань улытозям ой адзылы, адями сомында мед серекъялоз шуыса’ [Тимбекова 2017: 164]; *James had said he would be lonely* ‘Джеймс вераз, солы огназ мӧзмыт луоз шуыса’ [Тимбекова 2017: 164]. Это объясняется тем, что изъяснительные придаточные предложения являются развернутыми дополнениями

сказуемого главного предложения и отвечают на те же вопросы, что и простые дополнения, а также с использованием отглагольных оборотов [Тимбекова 2017: 164].

Интересно отметить, что удмуртский исследователь Р. И. Яшина отмечает, что «придаточные с союзом *шуыса* придают всему сложному предложению оттенок разговорности, просторечия, поэтому их чаще можно встретить в произведениях фольклора и в устной разговорной речи» [Яшина 1981: 90]. В своей статье ученый также упоминает о том, что союз *шуыса* встречается и в уступительном придаточном предложении: *Ойдо, Матронлэсь трос ик уд тоды, контораын ужа шуыса, чужсонзэ но гур эстонзэ сяна уг вала* ‘Ну да, от Матрены много не узнаешь, несмотря на то, что работает в конторе, – кроме метлы и топки печи ничего не понимает’ (Г. Красильников «Кошкисез мед кошкоз»). В данном случае такие сложноподчиненные предложения поясняют предложения с отрицательной модальностью и переводятся на русский язык конструкцией с *несмотря на* [Яшина 1981: 93].

Полифункциональный характер союза *шуыса* подчеркивает и удмуртский лингвист А. А. Шибанов, который отмечает функционирование союза *шуыса* в придаточном цели и изъяснительных придаточных предложениях. Например, в предложении: *Пиналъёс ваньзы умой мед валалозы шуыса, дышетісь верослэсь кыкеті люкетсэ эшио лыдзиз на* ‘Чтобы все ребята хорошо поняли, учитель еще снова прочитал вторую часть рассказа’ [Шибанов 2015: 97] – *шуыса* выступает в роли союза цели. В другом предложении – *Огпол ми Нина сузэреным тодйім, атаймы кык нуналлы дорысь кошке шуыса* ‘Однажды мы с сестрой Ниной узнали, что наш отец отлучается из дому на два дня’ [Шибанов 2015: 98] – данный союз выступает в роли изъяснительного союза.

Учитывая вышесказанное, можно заметить, что в трудах исследователей удмуртского языка отмечается полифункциональность союза *шуыса*. Однако, в связи с динамическими процессами в развитии

удмуртского языка, а также в связи с появлением Национального корпуса удмуртского языка, многие лингвистические явления требуют конкретизации и корректировки. Необходимо отметить, что на сегодняшний день в корпусе встречается 6213 словоупотреблений со словом *шуыса*, однако не все примеры включают в себя данный союз. На основе анализа художественных текстов, входящих в базу Национального корпуса удмуртского языка, были выявлены следующие синтаксические функции союза *шуыса*:

1. Придаточные изъяснительные: *Валя вöзын сьлйёсез валатскиз, лэся, эшезлы юрттыны кулэ шуыса* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Стоящий рядом с Валею, видимо, догадался, что надо помочь своему другу’; *Асьмеос ог-огмылы кыл сётйим вал, ноку но ум люкиське шуыса* (В. Ар-Серги «Лыдья, лыдья, кикые») ‘Мы друг другу слово давали, что никогда не расстанемся’; *Мон, пе, уг малпаськы вал, сыче уродэн монэ кожаськод шуыса* (В. Ар-Серги «Лыдья, лыдья, кикые») ‘Я, говорит, не думал, что ты меня таким плохим считаешь’.

2. Придаточные причины: *Эмез уз луы шуыса, лэся, Олёна кенак аракызэ пелляса удоно кариз* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Полагая, что иначе не будет пользы, Олёна кенак решила угостить самогонкой с соответствующим наговором’; *Нокинэз өвёл шуыса, Вася кошкыны турттэ ни вал* (Г. Красильников «Вордйськем пальёсын») ‘Полагая, что никого нет, Вася хотел уже уйти’; *Атай кулэмен, семьядэ сюдйсь кулэ шуыса, кельтйзы* (Г. Красильников «Төлсяська») ‘Из-за смерти отца, полагая, что нужен кормилец в семье, оставили’.

3. Придаточные цели: *Солдатъёс мултэс медаз юалляське шуыса, Шамиль ачиз вераськон мытыны дыртйз* (С. Самсонов «Кам вадьсын гудырья») ‘Чтобы солдаты излишне не допрашивали, Шамиль поспешил сам завести разговор’; *Корказь өвёл на, со интые кык выж пул понэмын, пыдъёс медаз вольтче шуыса, дранчаос жугемын* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Крыльца еще нет, вместо него на полу две доски, чтобы ноги не соскользнули, прибиты доски’; *Чөжи сиён йылол сыче: эмез мед луоз,*

вордскем ошак яке месак чырткем но таза мед будоз **шуыса**, жёжк съёрын ог-огзэс кымысазы пуньыен кокало (С. Самсонов «Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо») ‘Традиция поедания молозива такова: чтобы была польза, чтобы родившийся бычок или телка вырос здоровым и крепким, за столом друг другу ложками по лбу стучат’.

В «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1974: 43] в отдельную группу выделяются также придаточные определительные, где используется союз *шуыса*, например: *Тйляд нылды, пе, тйледлы гожъяз, жюген съöd тилем жсутскоз шуыса* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») ‘Ваша дочь, говорят, писала вам о том, что вскоре поднимется черное облако’; *Фаина, кöлыны выдыкуды тодады коть ваелэ, кытын ке но тйледыз малпась адями вань шуыса...* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Фаина, ложась спать хоть вспоминайте о том, что где-то есть человек, думающий о вас...’; *Быдэс гурт тодэ, пычалэныд ыбыны но уг луы шуыса* (В. Ар-Серги «Лыдъя, лыдъя, кикые») ‘Вся деревня знает о том, что твоим ружьем даже стрелнуть не получается’. Как отмечают авторы грамматики удмуртского языка, данные предложения с союзом *шуыса* входят в группу определительных придаточных в виду того, что придаточная часть имеет указательное значение, она называет признак, выделяющий предмет из числа подобных ему [ГСУЯ 1974: 43]. Однако с нашей точки зрения они являются придаточными изъяснительными, поскольку данные виды придаточных предложений присоединяются к глаголу, обозначающему речь, чувства, мысли.

Из вышесказанного следует, что союз *шуыса* является полифункциональным, т. е. может использоваться в придаточных изъяснительных, цели и причины. Аналогичная тенденция – поифункциональность изъяснительных союзов – характерна и для некоторых других языков, в частности, для русского и итальянского [Аверьянова 2018; Жолудева 2018].

Важно подчеркнуть, что в удмуртском литературном языке встречаются примеры, когда предложения, соответствующие по своему семантическому значению изъяснительным придаточным предложениям, переходят в разряд бессоюзных предложений. Это характерно в случае опущения союза *шуыса*, например: *Шӧдӱсько, аслаз пиез сярысь верамез потэ...* (И. Гаврилов «Вордӱськем пальёсын») ‘Чувствую, (что) хочет рассказать о своем сыне’; *Кин меда озыы шуиз: яратон тулыс гинэ лыктэ?* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Кто так сказал: (что) любовь приходит только весной’; *Кивалтӱсезлы верай, кулэ ке луиз, концерт дыръязы аслэсьтым кылбуръёсме лыдӱыло* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Руководителю сказал, (что) если надо будет, во время концерта прочитаю свои стихи’; *Матазы вуэмез бере ик, Кедров адӱиз, пулемётчикъёс окопсэс азьлолэсь жикытгес утялтӱллям* (В. Голубев «Солдат иськемъёс») ‘После того, как он подошел ближе к ним, Кедров увидел, (что) пулеметчики убрали свои окопы аккуратнее, чем раньше’.

Как мы уже отмечали в предыдущем разделе, круг опорных слов в сложноподчиненных предложениях с союзом *шуыса* весьма широк, и частота употребления в речи таких предложений с реальной модальностью объекта наибольшая. Почти все союзы, употребляющиеся в изъяснительных придаточных предложениях, являются своеобразными заместителями доминирующего союза *шуыса* и используются не только реже его, но и в более ограниченных условиях. Так, в Национальном корпусе удмуртского языка представлено всего 28 словоупотреблений союза *будто* и 9 словоупотреблений союза *будто ке* ‘будто, как будто, будто бы’, которые являются заимствованиями из русского языка и присоединяют такие «придаточные предложения, в которых говорится не о реально происходящем, а о предполагаемом, возможном или сомнительном (ирреальном) действии. Авторы грамматики удмуртского языка отмечают, что указанные союзы непродуктивны и обычно употребляются в устной речи, а в художественной литературе – в речи действующих лиц» [ГСУЯ

1974: 51], например: *Асьмелэн тани тросэз малпало, **будто** эксэй, калыкез жаляса, сы́че манифест поттй́з* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘У нас вот многие думают, будто царь, пожалев народ, выпустил такой манифест’; *Нош соослэн тодазы но о́з лыкты, **будто** татын адямиос ик уг уло* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘А им даже в голову не пришло, как будто здесь люди не живут’; *Мынам тодам лыктй́з пересьёслэн ведйньёс сярысь мадемъёссы, **будто** ке куд-ог адямиос ко́чышлы берытскыны быгато* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Мне в голову пришли рассказы стариков о ведьмах, будто бы некоторые люди могут обратиться в кошек’.

Еще один заимствованный из русского языка союз *что* (75 словоупотреблений) можно обнаружить в текстах художественной литературы 40–50-х гг. XX века, но в настоящее время в литературном языке используется только для репрезентации особенностей речи отдельных персонажей: *Он хойчэт говорит, **што** он есть врач* (Г. Данилов «Гурт пумын») ‘Он хочет сказать, что он врач’. Однако в устной речи широко используются конструкции с данным союзом.

Удмуртский лингвист П. Н. Перевощиков в своей работе отмечает, что союз *что* среди других русских союзов чаще всего используется в образовании сложноподчиненных предложений [Перевощиков 1938: 43]. В 30-е гг. XX века многие издатели при переводе русских произведений на удмуртский язык использовали этот союз стихийно, механически. Союз *что* в переводах вносили даже тогда, когда он был эквивалентен союзу *шуыса* [Перевощиков 1938: 44]. Внесение русскоязычного союза вместо *шуыса* ученый считает лишней тенденциозностью. Использовать русский союз *что*, по мнению ученого, при переводе сложных предложений с русского на удмуртский язык лучше всего тогда, когда содержание переводимого сложноподчиненного предложения не меняется и его нельзя передать удмуртскими союзными средствами [Перевощиков 1938: 44].

Союз *что*, как отмечает Е. А. Цыпанов, исследовавший коми, а также другие финно-угорские языки (в том числе удмуртский), встречается в коми-

пермяцких диалектах наряду с исконным *кӧда* ‘что’, например, *Сія эз тӧд, что ме локті* ‘Он не знал, что я пришел’ [Цыпанов 2008: 85].

Что касается марийского языка, подобный удмуртскому союзу изъяснительный союз *манын* ‘что’ (в горном и луговом говорах), как отмечает исследователь Г. А. Эрцикова, «выражает отношение между способом оперирования информацией (изъясняемым) и самой информацией (изъяснением). Вводит сообщение о событии, желаемом, возможном, необходимом, но пока еще не имеющем места в действительности», например: *Бӱшкежӱ (Савик) сӱнзӱжӱм седок бӱштӱл-бӱштӱл колта, лачокшымок мӱгӱрӱ, машанет, каметьлӱнӱ манын, нима статян ат ман* ‘Сам (Савик) все глаза вытирает, будто на самом деле плачет, ни за что не скажешь, что шутит’ [Эрцикова 2019: 761].

Возникновение в удмуртской письменности сложных предложений с указанными союзами говорит о том, что сложные и различные связи явлений и отношения отвлеченных понятий постепенно находят в языковых средствах точное и отдифференцированное сообщение. Количество союзов увеличивается, тем самым функции каждого союза сужаются, становятся точнее [Перевощиков 1938: 43]. Естественному распространению союзов *что, будто* в удмуртском языке помогают не только письменность и переводческая работа, но и то обстоятельство, что эти слова уже давно вошли в речь удмуртов в виде *што* (65 словоупотреблений), например: *Шуисько ук, што куазез, што адямиез...* (Г. Перевощиков «Гужем лымы») ‘Говорю же, что погода, что человек...’.

Следует отметить, что союзы *будто, будто ке, что* употребляются в сложноподчиненном предложении после главной части. По подобию придаточных с союзом *что*, переводчики зачастую оттягивали на последнее место и придаточные, присоединяемые союзом *шуйса*, хотя они в удмуртском языке не имеют относительно твердого позиционного положения, как в русском языке [ГСУЯ 1974: 53].

В современном удмуртском языке изъяснительные отношения могут выражаться и при помощи частиц с союзным значением – *-а, меда* (2197 словоупотреблений), *-а меда* (155 предложений) ‘ли’, например: *Галяен куспазы маке вань-а, Петя Макаров созэ уг тоды* (С. Самсонов «Яратйсько тонэ») ‘Есть ли у них что-нибудь между собой с Галей, об этом Митя Макаров не знает’; *Георгий Ильич нырысьсэ пальышак потйз но эшьёсыз шоры сак учкиз, валазы-а меда солэсь верамзэ* (Г. Красильников «Арлэн кутсконзэ») ‘Георгий Ильич сначала улыбнулся и внимательно посмотрел на своих друзей, поняли ли они то, что он сказал’; *Уг тодйськы, шонер-а мон лэсьтй Палялы кылэме-адъеме сярысь ивортытэк но* (П. Чернов «Казак воргорон») ‘Не знаю, правильно ли я поступил, не сообщив Пале об увиденном и услышанном’. В подобных примерах придаточные предложения уточняют информацию, сообщаемую в главном предложении. Указанные частицы были включены в данную группу, поскольку они рассматриваются наряду с союзами *шуыса, будто, что*, а также могут использоваться в одном предложении: *Уз тодэ-а меда, мон [гожьёсты] пуктй шуыса?* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Не узнают ли, что это я [линии] поставил?’. Соотношение дистрибутивной нагрузки рассмотренных выше союзов и частиц с союзным значением представлено в Таблице 4.

Таблица 4. Употребление союзов и частиц с союзным значением
в текстах удмуртской художественной прозы

союз / частица с союзным значением	количество словоупотреблений	%
шуыса	6213	71,6
-а / меда	2197	25,34
-а меда	155	1,78
что	75	0,86
будто	28	0,32
будто ке	9	0,1
	8677	100

Таким образом, в современном удмуртском языке основными средствами соединения придаточной части с главной являются союзы *шуыса*, *будто*, *будто ке*, *что* (*што*). Союз *шуыса* является постпозитивным и полифункциональным союзом, поскольку он может использоваться не только в изъяснительных сложноподчиненных предложениях, но и причинно-следственных, целевых и условных. Заимствованные из русского языка союзы *будто*, *будто ке*, *что* размещаются в начале придаточного предложения. Также изъяснительные отношения могут выражаться частицами *-а*, *меда*, *-а меда*, приобретающими в данном случае союзное значение.

3.2.2. Изъяснительные придаточные предложения с союзными словами

В изъяснительных придаточных предложениях для связи слов главного предложения с придаточным широко используются союзные слова. С точки зрения современной лингвистики, можно выделить следующие особенности союзных слов [Ломов 2004: 354]:

а) союзные слова принадлежат не к служебным, а к знаменательным частям речи – местоимениям, местоименным наречиям и числительным;

б) используются исключительно в сфере сложноподчиненного предложения;

в) являются функциональными членами придаточного предложения;

г) носят анафорический характер;

д) устанавливают связь придаточного с главным посредством указания на то, какую функцию выполняет «положение дел», называемое последним, в составе придаточного;

е) предполагают включение информации главной части (полностью или частично) в состав придаточного, без чего придаточное остается содержательно недостаточным, синсемантическим;

ж) допускают употребление придаточного преимущественно в постпозиции.

В удмуртском языке в качестве союзных слов, присоединяющих изъяснительные придаточные, чаще всего употребляются вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия. На основе анализа лингвистических данных Национального корпуса удмуртского языка можно выявить употребление следующих союзных слов в структуре изъяснительных придаточных предложений: *кин* (3249 словоупотреблений) 'кто'; *ма (мар)* (3384 словоупотребления) 'что'; *малы (марлы)* (3483 словоупотребления) 'почему, с какой целью'; *кызыы* (5245 словоупотреблений) 'как'; *кытын* (1381 словоупотребление) 'где'; *кытчы* (1967 словоупотреблений) 'куда'; *кытысь* (825 словоупотреблений) 'откуда'; *ку* (662 словоупотребления) 'когда'; *кудйз* (542 словоупотребления) 'который'; *кыче* (5192 словоупотребления) 'какой'; *кӧня* (3185 словоупотреблений) 'сколько'. Процентное соотношение дистрибутивной нагрузки союзных слов в структуре изъяснительных придаточных предложений приведено в Таблице 5.

Таблица 5. Употребление союзных слов в структуре изъяснительных придаточных предложений в текстах удмуртской художественной прозы

союз / частица с союзным значением	количество словоупотреблений	%
кызьы	5245	18,02
кыچه	5192	17,83
малы (марлы)	3483	11,96
ма (мар)	3384	11,62
кин	3249	11,16
кӧня	3185	10,94
кытчы	1967	6,76
кытын	1381	4,74
кытысь	825	2,83
ку	662	2,28
кудйз	542	1,86
	29115	100

Анализ лингвистического материала позволяет утверждать, что союзные слова, как правило, размещаются в начале придаточного предложения, например: *Илья Фомич тупен-тупен вераз, кызьы нюлэсьёсты казнае басьтылізы, зеч музьемъёсты узыръёслы вандылізы* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Илья Фомич подробно рассказал, как отбирали леса в казну, как отрезали хорошие земли богачам’; *Берло гинэ Олексан умой-умой валаз, марлы адямиос соос шоры сокем кӧтсы веськатэк учко вылэм* (Г. Красильников «Вуж юрт») ‘И только потом Александр по-настоящему понял, почему люди на них смотрели с таким презрением’; *Отйяз со валэктйз, кытчы та юр пужымез кутылізы* (Т. Архипов «Вормы астэ ачид») ‘Потом он объяснил, где эту смолистую сосну использовали’; *Собере уни со валэктйз, кыче луыны кулэ гравийной завод...* (Т. Архипов «Адямилэн

чеберез») ‘Потом уже он объяснил, каким должен быть гравийный завод...’; *Катя уг вала, ма сярись кырзало, нош туж шулдыр потэ* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Катя не понимает, о чем они поют, но ей нравится’; *Мар бордысен кутскыны ик уг тодйськы, уг валаськы, кудйз солы тунсыкогес потоз, кудйз сокем ик уз* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Не знаю даже с чего начать, не понимаю, которое ему покажется интереснее, которое не совсем’; *Корка пушкы пырыса, Геля нырысь-валысь өз вала, кёня аядми вал отын* (Е. Вахрушева «Пёечи яратон») ‘Войдя внутрь дома, Геля сначала не поняла, сколько людей там было’; *Табере гожьяськом, эшьёс, Варвара Андреевна асьмелы мадёз, кытысь но кызыы татчы вуэм кышет со...* (С. Самсонов «Вужер») ‘Теперь записываем, друзья, Варвара Андреевна нам расскажет, откуда и как здесь появился этот платок...’.

Придаточные изъяснительные с союзными словами могут осложняться добавочными оттенками значений, вносимыми лексическими значениями этих слов. Например, союзные слова *кин, ма (мар)* сосредоточивают внимание на субъекте или объекте действия: *Котькудйз ик пыр-поч вераз, кин кёня кужым сётыны быгатоз электростанция лэсьтонэ* (М. Петров «Зардон азын») ‘Каждый подробно рассказал, кто сколько силы сможет отдать на строительство электростанции’; *Ачим но уг тодйськы на, мар луоз отийаз* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Еще и сам не знаю, что там дальше будет’.

Придаточные с союзными словами *кыче, кудйз* содержат указание на качество, разновидность предметов, а также порядок их выбора: *Нош Герей тодэ ини, кыче салам вите сое* (М. Петров «Вуж Мултан») ‘А Герей уже знает, какой подарок его ждет’; *Бумажкаосы мынам вань, трос соос, только мон уггес валаськы, кудйз кытчы* (Г. Красильников «Төлсяська») ‘Бумажки у меня есть, их много, только я не очень понимаю, которое куда’.

Союзное слово *ку* вносит в сложноподчиненное предложение оттенок временного значения: *Татысен кыдёкын но өвёл, собере, кин тодэ, ку*

бертаны кылдоз на (П. Чернов «Тулысысен сйзылыозь») ‘Отсюда недалеко, потом кто знает, когда еще представится вернуться’.

Союзные слова *кытын, кытчы, кытысь* вносят в придаточную часть оттенок пространственного значения: *Кытчы вуттоз монэ улон сюрес, уг тодйськы* (М. Петров «Зардон азын») ‘Куда приведет меня дорога жизни, не знаю’; *Тон нырысь вера, кытын ортчыйд толло нуналдэ но туннэ уйдэ?* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Ты сначала расскажи, где провел вчерашний день и сегодняшнюю ночь’; *Ватыса уг возы, пырак верало, кытысь со потэм* (Ф. Пукроков «Кизили ныл») ‘Не буду скрывать, прямо скажу, откуда это появилось’.

Необходимо отметить примеры сложноподчиненных предложений, в придаточной части которых встречаются союзные слова с вопросительной частицей *-о*, перевод которой в русском языке может опускаться, например: *Вералэ вал, кытын-о колхоздылэн правлениез* (Е. Загребин «Тулыс зор») ‘Скажите, где правление вашего колхоза’; *Юа, кин-о мон сярись урод вералоз али* (Е. Загребин «Тулыс зор») ‘Спроси, кто же про меня сейчас скажет плохое’; *Толон калык азын ой юа ни, Яша, малы-о тонэ райкоме отчазы* (С. Самсонов «Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромом») ‘Вчера перед народом не спросила уже, Яша, с какой целью тебя в райком приглашали’; *Мон маке клуб сярись ой вала, ку-о вуттыны чакласькоды* (С. Самсонов «Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромом») ‘Я что-то про клуб не понял, когда же вы его собираетесь доделать’.

Как показывает материал исследования, иногда в придаточной изъяснительной части может быть два и более разных или однородных союзных слов: *Сиён-юон дыръя но Макарьёс лыдъяса уло, кытчы кöня ваньбур быре* (Г. Красильников «Вуж юрт») ‘И во время праздников семья Макара подсчитывает, куда сколько добра тратится’; *Солы нош одйг мурт но öз вера, кытын, кызьы но ку лэсьтоно сыче ужез* (Г. Красильников «Вуж юрт») ‘Ему никто не сказал, где, как и когда надо сделать такую работу’; *Дышетйсь ачиз тодэ, ку кыче отметка пуктоно яке пуктытэк кельтоно*

(П. Чернов «Кион кар») ‘Учитель сам знает, когда какую оценку поставить или не поставить’.

Также встречаются примеры изъяснительных предложений, в придаточной части которых могут быть сложные вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия (в частности, вторым компонентом является местоимение *мар*), например, такие как: *кытысь-мар* ‘откуда и что’, *кызы-мар* ‘как и что’, *кин-мар* ‘кто и что’, *кыче-мар* ‘каково’: *Озыен, со тодэ, кытысь-мар шуба та* (Л. Нянькина «Ваёбыж кар») ‘Значит, она знает, откуда и что это за шуба’; *Кин тодэ, кызы-мар луысал уни отйяз – стипендия басьтытозям ик, мыным одйг нуналэ анайлэсь гожтэт но, коньдон но вуиз* (П. Чернов «Пилемо даурьёс») ‘Кто знает, как и что было бы потом – до того, как я получил стипендию, мне в один день пришли и письмо от мамы, и деньги’; *Вдруг инопланетяньёслэн тодэмзы потоз – кин-мар пййшур со – удмурт воргорон?* (В. Ар-Серги «Ноктюрн») ‘Вдруг инопланетяне захотят узнать – кто и что это за зверь – удмуртский мужчина?’; *Нош тон учкы татй, кыче-мар улйськом* (М. Петров «Зардон азын») ‘А ты посмотри здесь, как мы живем’.

Нами были также найдены примеры изъяснительных предложений с относительным местоимением *кытысь-марысь* ‘откуда’: *Али тани малпасько но паймисько, кытысь-марысь со пинал нылмуртлэн (дышетйсьмы педучилище бере нырысетй арзэ дышетйз ай) со быдэа осконэз вал* (Е. Загребин «Тулыс зор») ‘Сейчас вот думаю и удивляюсь, откуда у этой молодой девушки (наш учитель после педучилища проработала один год) такая большая вера была’; *Ма, осто, паймод-бырод ук, кытысь-марысь тодыса лэзиллям тае* (Н. Васильев «Сурсвуэн фляжка») ‘Ой, боже, удивишься же, как же его отпустили (букв. откуда узнав)’.

На основе анализа лингвистических данных из Национального корпуса удмуртского языка было выявлено, что местоположение придаточных частей с союзными словами может быть различным.

Чаще всего встречается препозитивное (или положение придаточного впереди главного) расположение придаточного предложения. В этом случае основной акцент предложения смещается на союзное слово, например: *Мар сярись кырзало, валаны уг луы, «мамо, мамо» шуэмзэс гинэ валано* (Г. Красильников «Оксана») ‘букв. О чем они поют, невозможно понять, только понятно, как говорят «мамо, мамо»’; *Көня пол вылаз колодчאיםь чаж кезьыт ву киськазы, уг тоды ни* (А. Гильмаев «Кыдёкысь куно») ‘Сколько раз лили на него из колодца очень холодную воду, не знает уже’; *Кыче пиосмурт бен солэн сюлэмяз, со сярись нокин но вераны уз быгаты...* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Какой мужчина ей по сердцу, об этом никто не сможет рассказать...’.

Положение придаточных в интерпозиции – это довольно редкое явление, но оно так же встречается в текстах художественной прозы: *Собере, кызьы лушкаськыны пыраз, кызьы сое Вася кутйз но мар вераз солы, Федор ваньзэ ик вераз* (М. Коновалов «Чильдэт») ‘А потом Федор рассказал все: как заходил воровать, как его поймал Вася, и что он ему сказал’.

Для большинства случаев характерно постпозитивное расположение придаточного предложения: *Пересьлэн верамысьтыз Женя валаз, кин вал солэн несятаез* (Г. Красильников «Веросьёс») ‘Из рассказа старика Женя понял, кто был его дедушкой’; *Öйтөд, пие... мон уг тодйськы, кытын карез солэн* (У. Бадретдинов «Чушъял вордйське веньёстэк») ‘Не знаю, сынок... я не знаю, где его гнездо’; *Ачим но уг тодйськы, ку кутскоз* (Г. Красильников «Төлсяська») ‘И сам не знаю, когда начнется’. Данная тенденция является облигаторной, когда главное предложение начинается с лексемы *нош* ‘а’: *Нош Георгий Ильич ас понназ туж чаляк валаз, кыче адями та Матвеев* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘А Георгий Ильич про себя очень быстро понял, какой человек этот Матвеев’; *Нош малпады-а ни тй, мар луысал асьмемын нимама-нимама ке улысалмы?* (М. Петров «Улон понна») ‘А вы подумали уже, что бы случилось с нами, если бы мы жили по отдельности’; *Нош вера али тон мыным, кызьы жсутысалмы та войнаез,*

колхоз ке ой луысал? (М. Петров «Зардон азын») ‘А скажи-ка ты мне, как бы подняли эту войну, если бы не было колхоза?’.

Проанализировав особенности употребления изъяснительных предложений с союзными словами, важно подчеркнуть, что они могут вступать в синонимичные отношения с другими синтаксическими конструкциями. Учитывая, что в качестве союзных слов здесь употребляются вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия, то придаточные изъяснительные с этими словами могут иметь и форму косвенного вопроса. Одно и то же содержание можно передать двумя формами: предложением с прямой речью и сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным [ГСУЯ 1974: 56], например: *Мон паймисько: «Ку меда изе со?»* (Г. Красильников «Тонэн кылысько») ‘Я удивляюсь: «Когда же он спит?»’ (прямая речь) и *Мон паймисько, ку меда изе со* ‘Я удивляюсь, когда же он спит’ (сложноподчиненное предложение); *Пичи дыръяз Федя анаезлэсь чемысь юалляз: «Малы кулэ со мень?»* (Н. Белоногов «Пус») ‘В детстве Федя часто спрашивал маму: «Для чего нужна эта родинка?»’ (прямая речь) и *Пичи дыръяз Федя анаезлэсь чемысь юалляз, малы кулэ со мень* ‘В детстве Федя часто спрашивал маму, для чего нужна эта родинка’ (сложноподчиненное предложение).

Встречаются также такие примеры, когда главное предложение содержит вопрос и вопросительную интонацию, в этом случае постановка вопросительного знака в конце сложного предложения обязательна. В подобных примерах прямая речь представляет собой сложноподчиненное предложение с вопросительной частицей *-а*, благодаря которой сложное предложение в целом носит вопросительный характер, приобретает вопросительную интонацию. Стоит только отбросить эту частицу, как интонация и смысловой оттенок предложения меняются, предложение получает интонацию утверждения [ГСУЯ 1974: 56]: *Кима агай, тодйськод-а, мар сярэсь курыны турттйсько мон тонэ?* (М. Петров «Зардон азын») ‘Дядя Тима, знаешь ли (ты), о чем я хочу попросить тебя?’; *Митрей... тон уд*

тодйськы-а, ма шуэм со – «зан-зан»? (П. Поздеев «Утьыны сйзем кырзан») ‘Митрей... ты не знаешь (ли), что такое «зан-зан»?’. Однако постановка вопросительного знака необязательна, когда в главной части сложноподчиненного предложения нет вопроса или вопросительной интонации, например: *Тйи ведь егит на, соин чылкак паймисько, малы тйи улон шоры али ик сокем урод синмын учкиськоды* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Вы ведь еще молоды, поэтому я абсолютно удивлена, почему вы уже сейчас настолько плохо смотрите на жизнь’; *Вера, мар кылйид толон* (У. Бадретдинов. Їушъял вордйське веньестэк) ‘Скажи, что ты слышал’.

Таким образом, в системе современного удмуртского языка в качестве союзных скреп, присоединяющих изъяснительные придаточные, могут употребляться вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия: *кин* ‘кто’; *ма (мар)* ‘что’; *малы (марлы)* ‘почему, с какой целью’ и т. д. Они активно участвуют для выражения изъяснительных отношений. Расположение придаточных частей с указанными скрепами может быть различным: препозитивным (начальным), постпозитивным (конечным) или интерпозитивным.

3.2.3. Изъяснительные предложения

с союзными и соотносительными словами

Сложноподчиненные предложения с изъяснительной придаточной частью могут иметь в главной части соотносительные слова. Функция этих слов неодинакова. Они могут использоваться в целях усиления, выделения, подчеркивания объекта речи, мысли, чувства и т. д. [Валгина 2003: 311].

В современной лингвистике под соотносительными (указательными) словами принято рассматривать «местоименные слова в главной части предложения, к которым относится придаточное предложение и которые уточняют синтаксическую функцию подчинительных союзов [Ломов 2004 343]. В одних случаях соотносительные слова являются факультативными, в

других, наоборот, обязательными (например, при наличии уточняющих частиц, при перечислении или противопоставлении придаточных).

В грамматике удмуртского языка представлены следующие пары указательных местоименно-соотносительных слов: *кин... со* 'кто... тот (он)'; *кинэ... сое* 'кого... того'; *кинэн... соин* 'с кем... с тем'; *кинлэн... сыёеос* 'у кого... те'; *кудйз... созэ* 'который... тот' и т. п. Такие слова участвуют в формировании структуры предложения, тем самым сложноподчиненное предложение относится к местоименно-соотносительному или местоименно-союзному соотносительному типу [ГСУЯ 1974: 46], например: *Кин кырзанэн ёош вамышъя, со ноку нокутчы уз быры шуэмын огаз кырзанын* (Т. Архипов «Лудзи шур дурын») 'Кто вместе с песней идет, тот никогда и никуда не исчезнет – сказано в одной песне'; *Кин визьмо, тодмоосыз тросгес, со ик майбыр но улэ* (В. Ар-Серги «Лыдья, лыдья, кикые») 'Кто умный, у кого знакомых больше, тот и живет привольно'; *Кинлэн уз пörмы, сыёеос ик ыргето* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») 'У кого не получается, те и скалятся'; *Кудйз кельшиз, созэ кыткы* (Г. Красильников «Веросьёс») 'Которая понравилась, ту и запрягай' и т. д. Однако с нашей точки зрения данные предложения не являются изъяснительными (см. далее).

Опираясь на традиции русской грамматики, в удмуртском языкознании также принято выделять изъяснительные сложноподчиненные предложения, образованные при помощи союзных и соотносительных слов. Однако, с нашей точки зрения, не все пары союзных и соотносительных слов можно отнести к изъяснительным предложениям. Как уже было отмечено в предыдущих разделах, доля таких изъяснительных сложноподчиненных предложений крайне мала. На наш взгляд для того, чтобы отнести исследуемую группу предложений к изъяснительным предложениям, важно учитывать лексическую валентность опорного слова, а именно – наличие вербальных единиц со значением речи или восприятия. *Кöня котыръяськызы соос Улынгуртын, кыёе магазинёсы пыразы, мар басътйз Володя дорысьёссылы саламлы, сое Пукрок умой-умой öз ятвылды...* (А. Гильмаев

«Кыдѣкысь куно») ‘Сколько они гуляли в Улынгурте, в какие магазины заходили, что купил Володя своим родным в качестве подарка, об этом Пукрок до конца не догадался...’.

Как было отмечено в разделе 3.1. «Семантические характеристики изъяснительных предложений», в качестве опорных слов в исследуемой группе предложений чаще всего выступают глаголы речи, высказывания, сообщения (*вазьыны* ‘обратиться, откликнуться, промолвить’; *валэктыны* ‘объяснить’; *вераны* ‘сказать, говорить’; *ивортыны* ‘оповестить, известить’; *мадьыны* ‘рассказать, рассказывать’; *шуыны* ‘сказать’; *юаны* ‘спросить’; *ялыны* ‘объявить’ и др.) и глаголы со значением восприятия и мысли, ощущения, чувства и внутреннего состояния (*адžыны* ‘увидеть, видеть’; *валаны* ‘понять, усвоить’; *возьманы* и *вितыны* ‘ждать, ожидать’; *кылзыны* ‘слушать’; *кылыны* ‘слышать, услышать’; *тодманы* ‘узнать’; *тодыны* ‘узнать’; *чакланы* ‘соблюдать, наблюдать’ и др.).

Кроме глаголов, в качестве опорных слов могут выступать отглагольные имена существительные, причастные формы, устойчивые сочетания и фразеологические обороты.

Как показывают примеры, в изъяснительных предложениях с союзными и соотносительными словами придаточная часть чаще всего предшествует главной части предложения. Придаточная часть в таких предложениях относится не к глаголу-сказуемому главного предложения, а к указательному слову, конкретизируя и раскрывая его содержание. Эти местоименно-соотносительные слова могут выступать в роли дополнения и подлежащего и соответственно этому употребляться в разных формах, например: *Музьем вылын мар лэсьтыса вуттымтэ, сое тынды лэсьтоно* (С. Самсонов «Яратісько тонэ») ‘Что еще не успели сделать на земле, то нужно доделать тебе’ [ГСУЯ 1974: 55].

Таким образом, в сложноподчиненных предложениях, репрезентирующих изъяснительные отношения, могут присутствовать союзные скрепы, которые выражаются указательными местоименно-

соотносительными словами *сое... мае* 'то... что'; *сое... мар* 'то... что'; *сыӇезэ... кудзэ* 'такое... что' и т. п.

Важно подчеркнуть, что в структуре изъяснительного сложноподчиненного предложения «виды подчинительной синтаксической связи получают не только чисто формальную характеристику, но и системно-функциональную, которую можно осуществить только с учетом назначения каждого компонента сочетания и лексико-грамматической связи между компонентами. Выбор союзной связи в составе сложноподчиненного предложения с изъяснительной придаточной частью определен внутренним признаком опорного слова, а именно, способом репрезентации информации и ее способностью выражать изъяснительные отношения» [Литвинова 2014: 24]. Так, глаголы *адӇыны* 'увидеть, видеть', *кылыны* 'слышать, услышать', *тодыны* 'узнать' и т. п. сами по себе не могут выражать изъяснительные отношения. Они приобретают способность выражать эти отношения при поддержке союзов *шуыса, будто, что* и др. Только совокупность системно-функциональных признаков даст возможность установить, что в предложении придаточная часть дополняет изъясняемое слово главной части предложения, отвечает на вопрос косвенного падежа, присоединяется союзом или союзным словом к главной части предложения и является придаточным изъяснительным, функциональная значимость которого служит для выражения сообщения, волеизъявления, вопроса (см. подробнее: [Литвинова 2014: 24]). Все это позволяет утверждать, что только системный подход к анализу сложноподчиненного предложения позволяет выявить его семантические и функциональные характеристики.

3.3. Особенности употребления изъяснительных придаточных предложений в переводных текстах

В предыдущих разделах данной главы мы подробно рассмотрели соотношение различных типов изъяснительных предложений в художественных произведениях удмуртских авторов. С целью системного

подхода к анализу особенностей функционирования изъяснительных предложений в удмуртском литературном языке представим также небольшой экскурс употребления исследуемых синтаксических единиц в переводных текстах. Данный подход, с нашей точки зрения, позволит выявить некоторые типологические черты, характерные для удмуртского и русского языков, в рамках исследуемого вопроса.

Для проведения исследования методом сплошной выборки мы проанализировали повесть А. Гайдара «Тимур и его команда» [Гайдар 2021], а также его перевод на удмуртский язык «Тимур но солэн командаез» [Гайдар 1946], и повесть И. Тургенева «Ася» [Тургенев 2014] с его одноименным переводом на удмуртский язык [Тургенев 1954].

На основе сопоставления и анализа лингвистических данных были получены следующие результаты:

1. В абсолютном большинстве случаев русским союзам *что* и *чтобы* соответствуют удмуртский союз *шуыса*: рус. *Он же сказал ей, что его зовут Георгий, фамилия его Гараев...* [Гайдар 2021: 6] – удм. *‘Нош со Ольгалы ивортійз, солэн нимыз Георгий, фамилиез Гараев шуыса’* [Гайдар 1946: 7]; рус. *Можно было бы соврать, что когда-то отец брал ее с собой на фронт* [Гайдар 2021: 8] – удм. *‘Алданы но луысал, бубиз сое куке но фронтэ басьтылііз шуыса’* [Гайдар 1946: 10]; рус. *Она думала, что этот телефон просто игрушка* [Гайдар 2021: 13] – удм. *‘Со малпа вал, та телефон шудыны понна гинэ лэсьтэм маке шуыса’* [Гайдар 1946: 20]; рус. *А теперь запомни сам и передай всей шайке, что этот разговор у нас с вами последний* [Гайдар 2021: 16] – удм. *‘Нош табере ачид но эн вунэты, вера быдэс шайкаедлы но, та вераськонмы асьмелэн берпумыз луэ шуыса’* [Гайдар 1946: 26]; рус. *Никто со стороны и не подумал бы, что это разговаривают враги, а не два теплых друга* [Гайдар 2021: 16] – удм. *‘Палэнысен нокин но ой малпасал, кык тушимонъёс верасько шуыса, ваньзы малпасалзы, ог-огзэс юн гажась эшъёс верасько шуыса’* [Гайдар 1946: 26]; рус. *...все же подбадривает и подсказывает ему, что люди близко и в*

темном лесу он не одинок [Гайдар 2021: 20] – удм. ‘...солэсь мылкыдзэ капчиятэ но солы вера, адямиос матын **шуыса**, пеймыт нюлэсын но со огназ өвёл **шуыса**’ [Гайдар 1946: 36]; рус. *Я не знаю, я не верю, чтобы Женька могла попасть в плохую компанию, чтобы ее испортили, чтобы ею командовали* [Гайдар 2021: 38] – удм. ‘Мон уг тодйськы, уг но оскиськы, Женя урод компание шедемын **шуыса**, сое уродлы дышетйзы **шуыса**, соин командовать каро **шуыса**’ [Гайдар 1946: 69].

В тексте повести И. Тургенева наблюдается аналогичная тенденция: рус. *Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя* [Тургенев 2014: 3] – удм. ‘Соку мынам тодам ик өз лыктылы, адями со – будос өвёл, солы сяськаяны кема уг кылды **шуыса**’ [Тургенев 1954: 3]; рус. *...а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом* [Тургенев 2014: 7] – удм. ‘...собере, иземе потэ **шуыса**, корка пыриз’ [Тургенев 1954: 10]; рус. *Я уверял себя, что единственной причиной моего внезапного нерасположения к ним была досада на их лукавство* [Тургенев 2014: 15] – удм. ‘Соослы йыркуре монэ пöямзы бордын **шуыса**, асме оскытыны тырши’ [Тургенев 1954: 22]; рус. *Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры* [Тургенев 2014: 36] – удм. ‘Мон соку ик вераны медйсько вал Гагинлы, сузэрэзлэсь кизэ курисько **шуыса**’ [Тургенев 1954: 51].

2. Как в русском, так и в удмуртском языке придаточное предложение, маркированное союзами, занимает постпозицию по отношению к главному предложению: рус. *По встревоженному лицу Жени женищина угадала, что вошедшая в сад Ольга недовольна* [Гайдар 2021: 21] – удм. ‘Женялэн куалектэм ымнырызъя, со нылкышно шöдскиз, садэ пырем Ольгалы та уг яра **шуыса**’ [Гайдар 1946: 37]; рус. *А она и не знает, что ее отца недавно убили на границе* [Гайдар 2021: 21] – удм. ‘Нош со уг тоды ук, солэсь бубызэ алигес граница дурын быдтйзы **шуыса**’ [Гайдар 1946: 37]; рус. *А то я не посмотрю, что ты за меня заступался* [Гайдар 2021: 29] – удм. ‘А то мон уг учкы, тон мон пала дур басьтылйд **шуыса**’ [Гайдар 1946: 54]; рус.

Я не знала, что нет сестры... [Гайдар 2021: 35] – удм. ‘Мон ой тодылы, сузэред дораз өвёл **шуыса**...’ [Гайдар 1946: 64]; рус. *Она и так заладила, что характер у нее такой же, как у тебя* [Гайдар 2021: 38] – удм. ‘Со сотэк но ладъяськиз ини, солэн сямыз тынад кадь **шуыса**’ [Гайдар 1946: 69]; рус. *Папа, ты не выдумывай, что у нее такой же, как у тебя, характер* [Гайдар 2021: 38] – удм. ‘Атай, тон эн малпа юнме, солэн сямыз тынад кадь **шуыса**’ [Гайдар 1946: 70].

Доминирование постпозиции придаточных предложений характерно и для текста И. Тургенева «Ася»: рус. *Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным* [Тургенев 2014: 11] – удм. ‘Мон асме оскытй, Гагинэн пумиськеме потэ **шуыса**’ [Тургенев 1954: 18]; рус. *Я не ожидал, что он заговорит о ней* [Тургенев 2014: 16] – удм. ‘Уг малпаськы вал, со Ася сярись вераськон поттоз **шуыса**’ [Тургенев 1954: 24]; рус. *Она знала, что барин ее отец* [Тургенев 2014: 17] – удм. ‘Со тодэ вал, барин солэн атаез луэ **шуыса**’ [Тургенев 1954: 27]; рус. *Она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет* [Тургенев 2014: 28] – удм. ‘Монэ со кыл сётыйтйз, чюказе ик татын ум луэ ни **шуыса**’ [Тургенев 1954: 41]; рус. *Гагин обязался сидеть дома и не подать вида, что ему известна ее записка* [Тургенев 2014: 29] – удм. ‘Гагин кыл сётйз, Асялэн гожтэтэз сярись уг поттылы **шуыса**’ [Тургенев 1954: 42]; рус. *Я повторял сто раз, что я ее люблю* [Тургенев 2014: 35] – удм. ‘Сю пол верай, сое яратйсько **шуыса**’ [Тургенев 1954: 50].

3. На основе анализа текста перевода А. Гайдара было выявлено, что опущение союза *шуыса* в удмуртском языке представляет собой распространенное явление: рус. *А ночью просыпаюсь и чудится мне, что по двору шныряет кто-то, шмыгает* [Гайдар 2021: 4] – удм. ‘Нош уин сайкасько но кылйсько, азбартй кин ке но ветлэ’ [Гайдар 1946: 5]; рус. *А сегодня, люди говорят, что чуть свет у меня на крыше двух человек видели...* [Гайдар 2021: 10] – удм. ‘Нош туннэ адямиос верало, жэр потыку ик, пе, мынам липет вылысьтым кык муртэ аджймы...’ [Гайдар 1946: 15]; рус. *А ты знаешь, что у меня слово бывает твердое?* [Гайдар 2021: 18] – удм. ‘Нош

тон тодйськод-а, мынам верам кылы туж чурит луэ...’ [Гайдар 1946: 31]; рус. *Чую я, что будет сегодня у нас позывной сигнал по форме номер один общий* [Гайдар 2021: 25] – удм. *‘Шӧдйсько мон: туннэ асьмелэн одйгетй номеро формая огъя сигнал луоз’* [Гайдар 1946: 45].

Опущение союза *шуыса* выявлено и в тексте И. Тургенева: рус. *Я почувствовал, что все струны моего сердца задрожали в ответ на те заискивающие напевы* [Тургенев 2014: 7] – удм. *‘Шӧдйсько, отысь со крезез кылыса, сюлэмылэн вань сиосыз дырекъяны кутскизы’* [Тургенев 1954: 11]; рус. *Но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и получила воспитание странное, необычное...* [Тургенев 2014: 13] – удм. *‘Нош котьма ласянь валамон, пичи дырысен со будэмын кышномурт кие шедьбылытэк но воспитание басьтэм валантэм но йӧспӧртэм...’* [Тургенев 1954: 20]; рус. *А я думала, что вам скучно будет* [Тургенев 2014: 25] – удм. *‘Нош мон малпасько вал, тйлед мӧзмыт луоз’* [Тургенев 1954: 37]; рус. *Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней* [Тургенев 2014: 39] – удм. *‘Нош шонерзэ верано луйсько, кема ой мӧзмы мон солэсь’* [Тургенев 1954: 54].

4. Интересно отметить, что в оригинале текста И. Тургенева «Ася» имеются примеры опущения союза *шуыса*, которые в удмуртскоязычной версии представлены союзом *будто*: рус. *Молодость ест пряники золоченые, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный* [Тургенев 2014: 3] – удм. *‘Егит дыр зарниен чеберьям пряникъёсты сие но малпа, **будто** со ик вань нуналмысь сионо нянь’* [Тургенев 1954: 3]; рус. *Начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить...* [Тургенев 2014: 18] – удм. *‘Кутскиз монэ оскытыны, **будто** мон сое азьвыл кадъ уг яратйськы ни, мон, пе, тонэ гинэ яратйсько, кулытозям, пе, тонэ гинэ ярато...’* [Тургенев 1954: 29]. Подобных случаев в тексте произведения А. Гайдара не обнаружено. Хотя имеются примеры, когда бессоюзное предложение русского языка в удмуртском варианте представлено изъяснительным сложноподчиненным

предложением с союзом *шуыса*: рус. *Ну конечно, все думают – цветок, а не девочка* [Гайдар 2021: 38] – удм. *‘Ну, конечно, ваньмыз малпало, со пичи ныл өвёл, со сяська шуыса’* [Гайдар 1946: 70].

5. Проанализировав тексты переводов И. Тургенева, можно выявить следующую интересную тенденцию: имеются примеры, когда изъяснительные придаточные предложения русского языка на удмуртский язык переводятся коммуникативными единицами, которые содержат две предикативные единицы, но не выделяются запятыми: рус. *Вообрази, что я дама твоего сердца* [Тургенев 2014: 11] – удм. *‘Мон тынад яратонед шуыса малпа’* [Тургенев 1954: 17]; рус. *Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?..* [Тургенев 2014: 16] – удм. *‘Оло тii Ася мынам сузэре өвёл шуыса малпаськоды-а?’* [Тургенев 1954: 25]; рус. *Меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной...* [Тургенев 2014: 26] – удм. *‘Тii монэ капчи визьем шуыса малпаськоды, вылды, тiiни со монэ курадзйтэ...’* [Тургенев 1954: 38]; рус. *Притом же я думала, что вам будет лучше вдвоем* [Тургенев 2014: 10] – удм. *‘Собере тiiледлы чошен умойгес луоз шуыса малпай’* [Тургенев 1954: 16]; рус. *Взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю* [Тургенев 2014: 17] – удм. *‘Собере берпум куремзэ быдэсто-а шуыса юаз но пересь камердинерзэ Асяез вайны косiз’* [Тургенев 1954: 26]; рус. *Я воображаю, что я скоро умру* [Тургенев 2014: 26] – удм. *‘Мон эжоген куло шуыса малпасько’* [Тургенев 1954: 37]; рус. *Я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...* [Тургенев 2014: 32] – удм. *‘Нош хозяйкалэн но усътонэз вань шуыса мон ой тодылы...’* [Тургенев 1954: 47]; рус. *Я был уверен, что она домой вернулась* [Тургенев 2014: 34] – удм. *‘Со гуртэ бертоз шуыса малпай мон’* [Тургенев 1954: 49].

6. Также представлены случаи, когда в языке оригинала употребляются изъяснительные придаточные предложения, а в удмуртском варианте используются бессоюзные сложные предложения, или наоборот: рус. *Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как и я, для своего*

удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нем [Тургенев 2014: 5] – удм. *‘Мон тодй: Гагин, мон сямен ик, аслыз шулдыр улон утчан понна путешествовать карыса, Л. городэ вуэм но отчы ик кугзэм’* [Тургенев 1954: 7]; рус. *Как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице...* [Тургенев 2014: 7] – удм. *‘Соку тйни шуак тодам лыктйз: быдэс жьыт чожже мон огпол но тодам ой вайылы лек чебер палкышномуртэ сярись...’* [Тургенев 1954: 11]; рус. *Я заметил: причиною этому всегда бывает гордость* [Тургенев 2014: 10] – удм. *‘Мон шодй, озьы выро вылтйяськись адямиос’* [Тургенев 1954: 19]; рус. *Гагин объявил нам, что пойдет сегодня рисовать этюд с натуры* [Тургенев 2014: 12] – удм. *‘Гагин вераз милем – этюд суреданы, пе, мыно’* [Тургенев 1954: 19]; рус. *Я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне* [Тургенев 2014: 13] – удм. *‘Кызыы но озьы мон тодй ик: граница сьёры лыктэмезлэсь азьвыл со кема чожже гуртын улэм’* [Тургенев 1954: 20]; рус. *Вы думаете, что я только смеяться умею* [Тургенев 2014: 13] – удм. *‘Тй малпаськоды – мон серекъяны гинэ быгатйсько’* [Тургенев 1954: 21]; рус. *Я забыл сказать, что с досады на Гагиных я попытался воскресить образ жестокосердной вдовы* [Тургенев 2014: 15] – удм. *‘Мон вунэтий вераны: Гагинъёслы йыры кур луэмен мон малпасько вал тодам вайыны лек палкышноез’* [Тургенев 1954: 23]; рус. *Я объявил наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой* [Тургенев 2014: 16] – удм. *‘Берло ини мон верай: жсог быдэстоно уже вань, бертоно шуи’* [Тургенев 1954: 24]; рус. *Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении* [Тургенев 2014: 16] – удм. *‘Дядяе вераз солы: мон кадь пичи пилы, пе, чылкак огназ улыны умой өвёл’* [Тургенев 1954: 25]; рус. *Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить ее слишком строго* [Тургенев 2014: 18] – удм. *‘Табере мон оскисько: Ася сярись урод уд малпалэ’* [Тургенев 1954: 29]; рус. *Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться* [Тургенев 2014: 24] – удм. *‘Собере мон малпай: тодонлыке чик өвёл, дышетскыны кулэ мыным’* [Тургенев 1954: 36]; рус. *Я*

чувствовал, что ее образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснился мне в душу и что мне от него не скоро отделаться [Тургенев 2014: 27] – удм. *‘Мон шӧдй: солэн тусыз, «валантэм серекъясь нълмуртлэн» тусыз, сюлмам каръяськыз но сое мон эжоген пылэнтыны уг быгаты’* [Тургенев 1954: 38]; рус. *Ну, словом, я слышал, что она вас любит* [Тургенев 2014: 28] – удм. *‘Огкылын вераса, мон кылй: тйледыз, пе, яратйсько’* [Тургенев 1954: 40]; рус. *Она воображает, что вы ее презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она* [Тургенев 2014: 28] – удм. *‘Со малпа: тй сое синазыкль кариськоды, кинзэ-созэ тодйськоды’* [Тургенев 1954: 41].

7. Необходимо также уделить отдельное внимание случаям, когда в обоих языках могут употребляться предложения, в которых встречаются примеры опущения союзов *что, чтобы* в русском языке и соответствующего им союза *шуыса*: рус. *Ты думаешь, я хочу пить* [Тургенев 2014: 9] – удм. *‘Тон малпаськод, мынам юэме потэ’* [Тургенев 1954: 14]; рус. *Все равно: я знаю, вы мной любуетесь* [Тургенев 2014: 9] – удм. *‘Котьма ке но, мон тодйсько, мон шоры тй синмаськыса учкиськоды’* [Тургенев 1954: 14]; рус. *Ты знаешь, я тебе верю* [Тургенев 2014: 13] – удм. *‘Тон тодйськод, мон тыныд оскисько’* [Тургенев 1954: 22].

8. Имеется также ряд примеров, когда изъяснительные придаточные предложения русского языка были заменены отглагольными беспослеложными и послеложными оборотами: рус. *Тут Тимур увидел, что старуха молочница с коромыслом и ведрами выходит из калитки за водой* [Гайдар 2021: 17] – удм. *‘Соку Тимур адйиз пересь молочницалэсь, ведра карнанэн жезьыетй потыса, вулы мынэмзэ’* [Гайдар 1946: 30]; рус. *И тут все увидели, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат...* [Гайдар 2021: 19] – удм. *‘Соку ваньзы адйизы кеч сюръёс борды туж юн думем фанерной плакатэз’* [Гайдар 1946: 35]; рус. *Ольга видела с крыльца террасы, как Женя вертелась около чужого забора...* [Гайдар 2021: 20] – удм. *‘Ольга терраса азьысен Женялэсь мурт забор котырын бергамзэ адйиз...’* [Гайдар 1946: 37]; рус. *...та улыбалась, когда дочка показывала ей, как грустный*

смешной заяц играет на балалайке [Гайдар 2021: 21] – удм. ‘...пичи нылыз мӧзмыт тусъем но тумошо кечлэсь балалайкаен шудэмзэ возьматыку кышномурт пальпотылӱз’ [Гайдар 1946: 37]; рус. Женя, которой мальчишки сказали, что Ольга с аккордеоном прошла на сцену, нетерпеливо ерзала на скамье [Гайдар 2021: 32] – удм. ‘Ольгалэн аккордеонэн сцена вылэ тубемез сярысь Женялы пичи пиос верам бере, со чидамтэеныз скамья вылын позыръяськыса пукыны кутскиз’ [Гайдар 1946: 59]; рус. Узнав, что Ольги нет дома, женщина опечалилась [Гайдар 2021: 35] – удм. ‘Ольгалэсь дораз вылымтэзэ тодыса, со нылкышно жӧжже усиз’ [Гайдар 1946: 64]; рус. ...условившись после каждой игры прибежать по очереди и смотреть, как спит девочка [Гайдар 2021: 35] – удм. ‘...котькуд шудон куспытӱ, вожмин бертылыса, пичи ныллэсь иземзэ эскерыны вераськызы’ [Гайдар 1946: 64].

Замена изъяснительных придаточных предложений русского языка отглагольными беспослеложными и послеложными оборотами широко представлена также в повести И. Тургенева: рус. *Говорил он так, что даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается [Тургенев 2014: 5] – удм. ‘Ымнырзэ адӱытэк но, куараезъя гинэ, тӱ шӧдысалды солэсь пальпотыса вераськемзэ’ [Тургенев 1954: 8]; рус. ...заметно было, что он привык потакать ей во всем [Тургенев 2014: 10] – удм. ‘...адске вал солэн Асялы котьма ласянь эрик сӕтыны дышемез’ [Тургенев 1954: 15]; рус. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... [Тургенев 2014: 11] – удм. ‘Тодам лыктӱз Гагинлэн верамез: Россие берытскыны солы маке люкетэм сярысь кыл поттылӱз вал со...’ [Тургенев 1954: 18]; рус. ...втайне я хотел посмотреть, что станет делать Ася [Тургенев 2014: 11] – удм. ‘...лушкемен малпай Асялэсь мар каремзэ учкыны’ [Тургенев 1954: 18]; рус. На следующий день я опять не узнал ее, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея [Тургенев 2014: 13] – удм. ‘Ўказез мон сое нош ик ӧй тодма, Доротея выллем йӧн-йӧн хозяйка луыны малпамзэ валатозям’*

[Тургенев 1954: 21]; рус. *Я не отдавал себе отчета в том, что во мне происходило* [Тургенев 2014: 15] – удм. *‘Мыным мар луэмзэ мон соку ой вала’* [Тургенев 1954: 22]; рус. *Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия* [Тургенев 2014: 16] – удм. *‘Нош мон адзымтэ улэ кариськи но Гагинлы тупен-тупен мади пичи путешествие сярысь’* [Тургенев 1954: 24]; рус. *Он рассказал мне, что делал, когда я отсутствовал* [Тургенев 2014: 16] – удм. *‘Гагин мадиз монтэк мар лэсьтэмзэ’* [Тургенев 1954: 24]; рус. *Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме* [Тургенев 2014: 17] – удм. *‘Ася жсог валаз баринлэн корказ йыр луэмзэ’* [Тургенев 1954: 27]; рус. *Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю ее за сестру и полюбил ее, как сестру, она страстно ко мне привязалась* [Тургенев 2014: 18] – удм. *‘Зэм, сузэр каремме но сузэрез кадъ яратэмме валам бераз со юн герзаськиз мон борды’* [Тургенев 1954: 28]; рус. *Расскажите мне, что вы видели* [Тургенев 2014: 20] – удм. *‘Вералэ мыным вань адземдэс’* [Тургенев 1954: 31]; рус. *И я рад, что вернулся* [Тургенев 2014: 20] – удм. *‘Ачим но шумпотійсько берытскемелы’* [Тургенев 1954: 31]; рус. *Я так рад, что вы, наконец, перестаете дичиться* [Тургенев 2014: 21] – удм. *‘Мон туж шумпотійсько кышкамысь дугдэмдылы’* [Тургенев 1954: 33]; рус. *Вы вперед всегда верьте тому, что я вам говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны* [Тургенев 2014: 26] – удм. *‘Азыланьын тій котьку ик оскелэ мынам верамелы, только тій шонерзэ гинэ вералэ’* [Тургенев 1954: 38]; рус. *Помните, вы вчера говорили о крыльях?..* [Тургенев 2014: 26] – удм. *‘Тодійськоды на-а толон тій бурдъёс сярысь вераськиды’* [Тургенев 1954: 38]; рус. *Она не узнает, что и я полюбил ее* [Тургенев 2014: 30] – удм. *‘Мынэсьтым яратэмме со уз но тодылы’* [Тургенев 1954: 44]; рус. *Он знает, что я вижусь с вами* [Тургенев 2014: 31] – удм. *‘Со тодэ асьмелэн али пумиськеммы сярысь’* [Тургенев 1954: 46]; рус. *Я должен был сознаться, что я ее видел* [Тургенев 2014: 34] – удм. *‘Мон верано луи Асяез адэме сярысь’* [Тургенев 1954: 49].

Приведенные здесь и выше примеры позволяют говорить о наличии в структуре современного удмуртского языка синтаксической синонимии, о которой более подробно речь пойдет в следующем разделе.

9. Как и в случае с художественными произведениями удмуртских авторов, в текстах перевода повести А. Гайдара «Тимур но солэн командаез» широко представлены изъяснительные предложения с союзными словами: рус. *Знаешь, как я тебя люблю!* [Гайдар 2021: 9] – удм. ‘Тодйськод-а, **кыӵе** мон тонэ яратйсько’ [Гайдар 1946: 13]; рус. *Ох, Женька, не знаю я, что ты за человек и в кого только ты уродилась!* [Гайдар 2021: 9] – удм. ‘Женька, мон уг валаськы, **кыӵе** тон сыӵе адями но кин выжые мынид!’ [Гайдар 1946: 14]; рус. *Итак, может быть, ты мне все-таки скажешь, кто ночевал у нас сегодня на диване?* [Гайдар 2021: 11] – удм. ‘Озьиен, оло, тон мыным всё-таки вералод, **кин** кӧлйз туннэ асьмелэн диван выламы’ [Гайдар 1946: 16]; рус. *Я ему расскажу, как ты меня по сто раз в день то за керосином, то за мылом, то за водой гоняешь!* [Гайдар 2021: 12] – удм. ‘Мон солы верало, **кызьы** тон монэ нуналаз сю пол ысьяськод яке керосин дуре, яке майтал дуре, яке ву дуре!’ [Гайдар 1946: 19]; рус. *Неподалеку от Тимура сидела Женя и настороженно прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходит на совещании этого – никому не известного штаба* [Гайдар 2021: 13] – удм. ‘Тимур дорын ик пуке Женя но сак кылзэ но учке ваньзэ, **ма** ортче та нокинлы но тодмотэм штаблэн совещанияз’ [Гайдар 1946: 21]; рус. *Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй...* [Гайдар 2021: 13] – удм. ‘Мон уг тодйськы, шундылэн **кудйз** нырысез, **кудйз** кыктэтйез сиез...’ [Гайдар 1946: 23]; рус. *А когда уснула, то так и не слышала, как ночью постучали в окно и подали от отца телеграмму* [Гайдар 2021: 17] – удм. ‘Нош умме усем бераз, оз кылы ни, **кызьы** уин укноетй йыгаськызы но бубизлэсь телеграмма сётйзы’ [Гайдар 1946: 29]; рус. *Вы бы лучше послушали, как она прекрасно ругается* [Гайдар 2021: 18] – удм. ‘Тй эсьмаса кылзэ вал, **кыӵе** со умой даллаше’ [Гайдар 1946: 31]; рус. *Ты не видала, кто к нам сейчас во двор заскакивал* [Гайдар 2021: 19] – удм. ‘Тон од адзы-а,

кинъёс асьмелэн азбарамы али ветлізы’ [Гайдар 1946: 34]; рус. *Как* составляются ультиматумы, этого еще никто не знал... [Гайдар 2021: 20] – удм. *‘Кызьы ультиматумъёс гожтійсько, сое нокин уг тоды на вал’* [Гайдар 1946: 35]; рус. *Это что* такое, я не знаю... [Гайдар 2021: 22] – удм. *‘Ма та таё, мон уг тодійськы...’* [Гайдар 1946: 39]; рус. *Не скажешь ли ты, любезный, где мне найти владельца этой дачи?* [Гайдар 2021: 23] – удм. *‘Уд вера-а тон, пересь, кытысь шедьтоно та дачалэсь кузёзэ?’* [Гайдар 1946: 42]; рус. *Я, конечно, не знаю, чему* приписать... [Гайдар 2021: 24] – удм. *‘Мон конечно, уг тодійськы, мар шуыны...’* [Гайдар 1946: 43]; рус. *Я знаю, кто* мне поймал козу, *кто* нам уложил дрова и *кто* дал моему братишке землянику [Гайдар 2021: 26] – удм. *‘Мон тодійсько, кин мыным кечме кутійз, кин милемлы пу люказ но кин мынам пичи вынылы узы сётійз’* [Гайдар 1946: 48]; рус. *Я не знаю, какой* вы инженер... [Гайдар 2021: 28] – удм. *‘Мон уг тодійськы, кыё инженер тій...’* [Гайдар 1946: 51]; рус. *И в следующее мгновение часовой почувствовал, как* крепкая сила рванула его за ноги, за руки [Гайдар 2021: 29] – удм. *‘Собере син кынён куспытій часовой шөдйз, кызьы кин ке но сое туж кужмо кыскиз пыдтійз но китійз’* [Гайдар 1946: 54]; рус. *Но я не знаю, куда* пропала Женя [Гайдар 2021: 32] – удм. *‘Нош мон уг тодійськы, кытчы ышиз Женямы’* [Гайдар 1946: 59]; рус. *Она разыскала Гейку, Симакова и спросила, где* Тимур [Гайдар 2021: 34] – удм. *‘Со Гейкаез, Симаковез шедьтійз но юаз, кытын Тимур’* [Гайдар 1946: 62]; рус. *Вы не знаете, какой* это гудит поезд? [Гайдар 2021: 36] – удм. *‘Тій уд тодійське-а, кыё поезд со кеськиз?’* [Гайдар 1946: 66]; рус. *Я не знаю, почему* она не приехала [Гайдар 2021: 38] – удм. *‘Мон уг тодійськы, малы со өз лыкты’* [Гайдар 1946: 69].

Аналогичные случаи представлены и в тексте И. Тургенева: рус. *Может быть, не всякий знает, что* такое коммерш [Тургенев 2014: 5] – удм. *‘Оло ваньмыз ик уг тоды на, мар со коммерш’* [Тургенев 1954: 6]; рус. *Однако я видел, как* она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном [Тургенев 2014: 7] – удм. *‘Нош мон адзи, кызьы со, сюсьтыл*

жсуатытэк, кема сьлііз усьтымтэ укно съёрын’ [Тургенев 1954: 10]; рус. *Но я не мог себе представить, **что** с ним станется, как только он возмужает* [Тургенев 2014: 10] – удм. *‘Нош **мар** соин луоз арлыдо луэм бераз, ноказыбы син азым пуктыны ой быгаты*’ [Тургенев 1954: 16]; рус. *...мирно беседуя с хозяевами и гостями, или ложился на плоский согретый камень и смотрел, **как** плыли облака...* [Тургенев 2014: 15] – удм. *‘...отысь кузёосын но куноосын зйб-зйб вераськылй яке шундыен шунтэм чошкыт из вылэ выдылй но учкылй, **кызы** пилемъёс уяса ортчыло...’* [Тургенев 1954: 23]; рус. *Представьте же себе, **что** должно было произойти в Асе, когда ее взяли к барину* [Тургенев 2014: 17] – удм. *‘Малпалэ-ай, **мар** луыны кулэ вал Асяен, сое барин ас дораз басьтэм бере*’ [Тургенев 1954: 27]; рус. *Она до сих пор не может забыть ту минуту, **когда** ей в первый раз надели шелковое платье и поцеловали у ней ручку* [Тургенев 2014: 17] – удм. *‘Али но со уг вунэты на, **ку** солы нырысьсэ буртчин платья дйсьзы но солэсь кизэ чупазы*’ [Тургенев 1954: 27]; рус. *Вы видите, что она многое знала и знает, **чего** не должно бы знать в ее годы...* [Тургенев 2014: 18] – удм. *‘Табере тй валаськоды: со трос сычеосты тодылйз но тодэ, **мае** уг яра тодыны солэн арлыдаз...’* [Тургенев 1954: 28]; рус. *Я иногда не знаю, **как** с ней быть* [Тургенев 2014: 18] – удм. *‘Куддыръя мон чик уг тодйськы, **ма** карыны соин*’ [Тургенев 1954: 29]; рус. *Теперь я многое понимал в ней, **что** прежде сбивало меня с толку* [Тургенев 2014: 20] – удм. *‘Табере мон троссэ валай, **мае** ой валалля азьвыл*’ [Тургенев 1954: 30]; рус. *Я понял, **почему** эта странная девочка меня привлекала* [Тургенев 2014: 20] – удм. *‘Мон валай, **малы** та паймоно ныл монэ ас бордаз кыске*’ [Тургенев 1954: 30]; рус. *Посмотрите, **как** хорошо!* [Тургенев 2014: 21] – удм. *‘Учке, **кыче** умой!’* [Тургенев 1954: 33]; рус. *Когда я жила с матушкой... я думала, **отчего** это никто не может знать, **что** с ним будет* [Тургенев 2014: 24] – удм. *‘Анаеным улыкум мон... малпалляй, **малы** нокин уг тоды, **ма** луоз соин азьпалан*’ [Тургенев 1954: 36]; рус. *Я сама не знаю иногда, **что** у меня в голове* [Тургенев 2014: 24] – удм. *‘Куддыръя мон ачим но уг тодйськы, **мар** мынам йырам*’ [Тургенев 1954: 36]; рус. *Скажите мне,*

что я должна читать? Скажите, что я должна делать? [Тургенев 2014: 24] – удм. *‘Вералэ, мае лыдӓоно мыным? Вералэ, мар лэсьтоно мыным?’* [Тургенев 1954: 36]; рус. *Я не мог понять, что заставило ее все высказать брату* [Тургенев 2014: 29] – удм. *‘Мон ой вала, малы Ася ваньзэ братэзлы верам’* [Тургенев 1954: 42]; рус. *Посмотрите же, что вы наделали* [Тургенев 2014: 32] – удм. *‘Я учке-ай, мар лэсьтӓды тӓй’* [Тургенев 1954: 47]; рус. *Я не помню, как я дошел до З.* [Тургенев 2014: 36] – удм. *‘Мон уг тодӓськы ни, кызьы вуи З. городэ’* [Тургенев 1954: 51].

10. Стоит отдельно отметить случаи употребления в оригинале текста простых предложений, тогда как в переводе на удмуртский язык используются изъяснительные придаточные: рус. *А вот вы лучше подивитесь смышленности местных жителей* [Тургенев 2014: 9] – удм. *‘Тӓй лучше эскере-ай, кыӓе визьнодоесь татын улӓсьӓс’* [Тургенев 1954: 13]; рус. *Я ни на одно мгновение не усомнился в их справедливости* [Тургенев 2014: 14] – удм. *‘Малпаме шонер шуыса, мон юн оски’* [Тургенев 1954: 22]; рус. *Она слыла девушкой гордой и неприступной* [Тургенев 2014: 17] – удм. *‘Со сярись кыл нулӓзы, вылтӓясъкись но йӓтскыны луонтэм ныл шуыса’* [Тургенев 1954: 26]; рус. *Я снова ожидал смеха* [Тургенев 2014: 20] – удм. *‘Мон малпасько вал, со нош ик серекъялоз шуыса’* [Тургенев 1954: 30].

11. В тексте оригинала А. Гайдара изъяснительных предложений с союзными и соотносительными словами практически не представлено. В русскоязычном источнике был найден пример изъяснительного сложноподчиненного предложения с соотносительным словом *то*, который в удмуртском языке заменен на отглагольный оборот с послелогом: рус. *Я должен перед вами извиниться за то, что напугал вас утром* [Гайдар 2021: 26] – удм. *‘Мыным тӓй азьын извиниться кариськоно луоз тӓйледды ӓукна кышкатэме понна’* [Гайдар 1946: 49].

12. В отличие от повести А. Гайдара в произведении И. Тургенева «Ася» встречаются примеры изъяснительных предложений с союзными и соотносительными словами, которые в удмуртском переводе заменены

модальным словом *не*, послеложным отглагольным оборотом или бессоюзными предложениями: рус. *Владея порядочным состоянием и ни от кого не завися, он хотел посвятить себя живописи и только сожалел о том, что поздно хватился за ум и много времени потратил по-пустому* [Тургенев 2014: 8] – удм. *‘Узыр но ачиз кузё кылем адями, со медэ суредась луыны, жаль, не, только сыче визь укыр бер тодам лыктйз, трос дырме, не, юнме быдтй’* [Тургенев 1954: 12]; рус. *В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина* [Тургенев 2014: 13] – удм. *‘Одйгзэ гинэ мон умой-умой валаны кутски: со Гагинлэн сузэрез ой вал’* [Тургенев 1954: 21]; рус. *Я успокоил его, и мы принялись толковать хладнокровно по мере возможности о том, что нам следовало предпринять* [Тургенев 2014: 29] – удм. *‘Мон сое буйгатй но, ми огшоры но чалмыт вераськыны кутским кыче ужпум кутон сярись’* [Тургенев 1954: 42]; рус. *В конце письма он изъяснял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось* [Тургенев 2014: 37] – удм. *‘Гожтэт пумаз со жаляса вера эшъяськонмы туж ёсог куспетй луэм сярись’* [Тургенев 1954: 52].

13. Также в тексте И. Тургенева нами были найдены примеры употребления соотносительных слов как в русском языке, так и в удмуртском: рус. *А то я вам скажу сегодня **то**, что вы мне сказали вчера* [Тургенев 2014: 26] – удм. *‘А то мон но тйледлы **озьы** ик верало, кызьы тй толон мыным верады’* [Тургенев 1954: 38]; рус. *Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы* [Тургенев 2014: 38] – удм. *‘Со ёз чида **сое**, мае мукетыз чидасал’* [Тургенев 1954: 53].

14. Отдельное внимание следует обратить на изъяснительные предложения русского языка, в которых присутствует модальная семантика предположения, недостаточного основания, неопределенности, приблизительности. В этом случае в удмуртском языке, как правило, сложноподчиненные предложения замещаются простыми предложениями, в структуре которых присутствует частица *кадь*: рус. *А на то, что, мне кажется, я очень люблю этого человека* [Гайдар 2021: 9] – удм. *‘Мон со*

адямиез туж яратісько кадь’ [Гайдар 1946: 14]; рус. *И казалось, что конца-края этому ожиданию не будет* [Гайдар 2021: 9] – удм. *‘Та витьыса улонлы ноку пумыз уз вуы ни кадь*’ [Гайдар 1946: 14]; рус. *Похоже было на то, что старик улыбнулся* [Гайдар 2021: 11] – удм. *‘Пересь пиосмурт пальпотііз кадь*’ [Гайдар 1946: 17]; рус. *А ей показалось, что это ее корабль-сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается* [Гайдар 2021: 12] – удм. *‘Соку Женялэн та кораблез-сараез каллен но дыртытэк, тулкымъёс вылтій мынэ кадь потііз*’ [Гайдар 1946: 20]; рус. *Но Женя поняла, что это неприятельские суда нащупывают ее своими прожекторами...* [Гайдар 2021: 13] – удм. *‘Женялы со потііз тушмонлэн судноосыз прожекторъёсынызы эскерем кадь*’ [Гайдар 1946: 20]; рус. *Бабке тотчас же показалось, что кто-то тихонько лезет через забор за яблоками* [Гайдар 2021: 19] – удм. *‘Улмо дуре кин ке но забор вамен каллен гинэ пыре кадь потііз песянайлы*’ [Гайдар 1946: 33]; рус. *Тот объяснил ему, что каждая страна пишет ультиматум на свой манер...* [Гайдар 2021: 20] – удм. *‘Дядязлэн Тимурлы валэктэмезья, котькудйіз страна ультиматум гожтэ ас сяменыз...*’ [Гайдар 1946: 35]; рус. *Он живет близ границы, и ему все кажется, что враги нас перехитрят и обманут* [Гайдар 2021: 27] – удм. *‘Со границалы матын улэ но, солы ялан асьмеды тушмонъёс пöялозы кадь потэ*’ [Гайдар 1946: 50]; рус. *Теперь ему показалось, что кусты в углу сада шевельнулись* [Гайдар 2021: 29] – удм. *‘Табере солы садлэн сэрегаз писпуос вырыны кутскизы кадь потііз*’ [Гайдар 1946: 54]; рус. *Ей показалось, что над Ольгой сейчас начнут смеяться* [Гайдар 2021: 32] – удм. *‘Ольгаез табере серекъяны кутскозы кадь потэ вал солы*’ [Гайдар 1946: 59].

Подобный случай нами был зафиксирован и в повести И. Тургенева «Ася»: рус. *Мне иногда кажется, что все вокруг меня со мной прощается* [Тургенев 2014: 26] – удм. *‘Куддыръя котырысьтым ваньмыз монэн люкиське кадь потэ*’ [Тургенев 1954: 37].

Таким образом, проанализировав переводы произведений И. Тургенева и А. Гайдара, можно выявить, что сложноподчиненные предложения с

изъяснительными придаточными в удмуртском и русском языках имеют в большинстве случаев прямые соответствия. Имеющиеся отклонения носят интралингвистический характер и определяются дополнительными оттенками значений.

3.4. Синтаксическая синонимия конструкций, выражающих изъяснительные отношения

Исследуя особенности функционирования синтаксических конструкций в том или ином языке, невозможно обойти вопросы, связанные с наличием синтаксической синонимии. Важно подчеркнуть, что в современной лингвистике по отношению к данному явлению имеются различные подходы, поскольку разные исследователи руководствуются различными критериями при выделении синтаксических синонимов.

Принято считать, что синтаксическая синонимия впервые была подробно рассмотрена и описана А. М. Пешковским в работе «Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы» [Пешковский 1927]. Ученый определяет грамматические синонимы, которые делит на морфологические и синтаксические, как «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» и приводит перечень важнейших разрядов синтаксических синонимов: различные предлоги, союзы, предложные и беспредложные конструкции, союзные и бессоюзные сочетания, глагол и причастие, глагол и деепричастие, глагол и инфинитив, обособленные и необособленные группы, обособленные группы и отдельные придаточные, необособленные члены и отдельные придаточные, сочинение и подчинение, личные и безличные типы предложений, повелительное наклонение, личная форма глагола в 1-м и 2-м лице в единственном и множественном числах, полные и неполные предложения, порядок слов, который А. М. Пешковский считает «главной сокровищницей синонимии русского языка», и др., – выделяя всего 32 конструкции [Пешковский 1927: 57–62].

Вопросы синтаксической синонимии поднимаются и в трудах Г. А. Золотовой, которая обращается к данному аспекту в связи с вопросами культуры речи. По мнению исследователя, всякая синтаксическая конструкция в системе языка существует в ряду других конструкций, более или менее близких по смыслу и по стилевой окраске. Г. А. Золотова полагает, что синтаксическими синонимами можно назвать те конструкции, которые однородны с точки зрения структурно-смысловой и функциональной, но различаются семантическими оттенками (в пределах общего их значения) и стилистической окраской. Критерием для выделения синонимов необходимо считать их смысловую и конструктивную общность [Золотова 1970: 179].

Рассматривая вопросы синтаксической синонимии, исследователи выделяют следующие формальные признаки [Копров 2010: 57]:

- 1) тождественность лексического состава;
- 2) общность грамматического значения;
- 3) разноструктурность.

Отдельные ученые к данным признакам включают также взаимозаменяемость конструкций, под которой понимается предопределенная общностью их грамматической семантики способность быть употребленными в идентичных функциях [Шведова 1967: 209–210].

В данной главе мы основываемся на концепции Л. Ю. Максимова, который рассматривает синтаксические синонимы на разных уровнях и выделяет синонимические конструкции одного уровня: это синонимы на морфологическом уровне, на уровне словосочетаний, на уровне простого предложения, на уровне сложного предложения, синонимы на уровне синтагматического членения; и синонимы разного уровня, к которым относит синонимию обособленных оборотов и придаточных предложений, предложно-падежных конструкций и придаточных предложений [Максимов 1966: 8–9].

Иными словами, мы исходим из того, что синтаксическая синонимия – это лингвистическое явление, которое характеризуется возможностью

возникновения в языке предикативных единиц, близких по семантике и способных заменять друг друга в условиях контекста.

С целью выявления синтаксической синонимии нами было проведено специальное анкетирование среди 12 носителей удмуртского языка, которые относятся к различным возрастным группам от 18 до 74 лет. Анкета представляла собой перечень вопросов на выявление тождественности / нетождественности представленных высказываний. В качестве источников для составления анкеты были использованы предложения из художественных произведений XX – начала XXI века. Они зафиксированы в анализе результатов анкетирования.

На основе результатов проведенного анкетирования мы можем сделать следующие выводы относительно наличия синтаксической синонимии в рамках функционирования изъяснительных придаточных предложений в удмуртском языке.

1. Изъяснительные сложноподчиненные предложения с союзом *шуыса* чаще всего могут трансформироваться в бессоюзные сложные предложения. В этом случае семантическое наполнение предложения не меняется, изменяется лишь его пунктуационное наполнение: *Нош ачиз малпа, али солы нокыче турын-куар но, эмъюм но уз юртты шуыса* (Б. Вахрушев «Шокчиз кысэм кӧрык») ‘А сам думает, что ему сейчас никакие растения и лекарства не помогут’ > *Нош ачиз малпа: али солы нокыче турын-куар но, эмъюм но уз юртты* ‘А сам думает: ему сейчас никакие растения и лекарства не помогут’; *Уд но оскы, самой сычеос асьме адямиосыз виыло шуыса* (Г. Данилов «Гурт пумын») ‘И не поверишь, что те самые убивают наших людей’ > *Уд но оскы: самой сычеос асьме адямиосыз виыло* ‘И не поверишь, что те самые убивают наших людей’; *Ми тодйӧм, тӧй кыкнады гинэ улӧськоды шуыса* (Н. Васильев «Сурсвуэн фляжка») ‘Мы узнали, что вы живете только вдвоем’ > *Ми тодйӧм, тӧй кыкнады гинэ улӧськоды* ‘Мы узнали, что вы живете только вдвоем’; *Со возьма вал, солы йыбырттозы, пыд аяз пидсаськозы шуыса* (Г. Красильников «Кошкисез мед кошкоз») ‘Он ждал, что ему будут

поклоняться, перед ним преклонят колени’ > *Со возьма вал: солы йыбырттозы, пьд аяз пидсаськозы* ‘Он ждал, что ему будут поклоняться, перед ним преклонят колени’.

Необходимо подчеркнуть, что в ряде случаев при трансформационных процессах может меняться расположение главного и придаточного частей, например: *Мон солэн зэмос атаез шуыса, со тодэ* (Л. Ганькова «Вераськод ке, вера...») ‘Она знает, что я ее настоящий отец’ > *Со тодэ: мон солэн зэмос атаез* ‘Она знает: я ее настоящий отец’.

2. Если в структуре главного предложения опорное слово представляет собой отрицательную форму вербальной единицы или же выражено формой условного наклонения, в таком случае, как показали результаты анкетирования, опущение союза *шуыса* невозможно, например: *Ӗз малпа Петыр, югдур тазьы берытскоз шуыса* (Ф. Пукроков «Кизи́ли ныл») ‘Петр не подумал, что положение дел обернется таким образом’; *Ужпум озьы берытскоз шуыса, директор ӧз но малпа* (Г. Данилов «Улмопу сяськаян вакытэ») ‘Директор даже не подумал, что дело так обернется’; *Тодысалзы ке соос, та вакчияк вераськемзэс «тушмон» радистьёс но кылйзы шуыса!* (Г. Перевощиков «Нимысьтыз задание») ‘Знали бы они, что этот их короткий разговор услышали и «вражеские» радисты!’.

3. В вопросительных предложениях также невозможно опущение союза *шуыса*, например: *Нош мон ӧй-а вералля, бертод шуыса?* (Н. Васильев «Сурсвуэн фляжка») ‘А я не говорил разве, что ты вернешься?’; *Тон окиськод, инмар но Христос вань шуыса?* (С. Самсонов «Дыдыкьёс бус пӧлы уг йыромо») ‘Ты веришь, что бог и Христос существуют?’.

4. Изъяснительные сложноподчиненные предложения удмуртского языка могут быть трансформированы в простое предложение с беспослеложным отглагольным оборотом или с послеложным отглагольным оборотом (см. Таблицу 6).

Таблица 6. Примеры замен придаточных изъяснительных в простые предложения с беспослеложными и послеложными отглагольными оборотами

Сложноподчиненное предложение	Простое предложение с беспослеложным отглагольным оборотом	Простое предложение с послеложным отглагольным оборотом
<p><i>Фаина нырысь өз вала, сюлмыз озьы тэтча шуыса</i> (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Фаина сначала не поняла, что сердце ее так стучит’</p>	<p><i>Фаина нырысь өз вала сюлэмызлэсь озьы тэтчамзэ</i> ‘Фаина сначала не поняла такого биения своего сердца’</p>	<p><i>Фаина нырысь өз вала сюлэмызлэн озьы тэтчамез сярись</i> ‘Сначала Фаина не поняла о таком биении своего сердца’</p>
<p><i>Бöрысь нош тодйз, Тоня солы бызем шуыса</i> (С. Самсонов «Яратйсько тонэ») ‘А потом узнал, что Тоня вышла за него замуж’</p>	<p><i>Бöрысь нош тодйз Тонялэсь солы быземзэ</i> ‘А потом узнал о замужестве Тони’</p>	<p><i>Бöрысь нош тодйз Тонялэн солы быземез сярись</i> ‘А потом узнал о замужестве Тони’</p>
<p><i>Палсин Миша кылле но малпа, кызьы Дашаез виыны</i> (М. Петров «Вуж Мултан») ‘Одноглазый Миша лежит и думает, как убить Дашу’</p>	<p>–</p>	<p><i>Палсин Миша кылле но малпа Дашаез кызьы виён сярись</i> ‘Одноглазый Миша лежит и думает об убийстве Даши’</p>
<p><i>Ачиз но беспризорникын улэм Пашка тодэ, кыче амалын соосты кутылыны умойгес луоз</i> (П. Блинов «Улэм</p>	<p><i>Ачиз но беспризорникын улэм Пашка тодэ соосты умойгес кутылон амалэз</i> ‘Бывший беспризорник</p>	<p><i>Ачиз но беспризорникын улэм Пашка тодэ соосты умойгес кутылон амал сярись</i> ‘Бывший беспризорник</p>

потэ») ‘Бывший беспризорник Пашка знает, каким способом их лучше ловить’	Пашка знает способ их лучшей ловли’	Пашка знает о способе их лучшей ловли’
<i>Тон вера, кӧня солэн трудоденез?</i> (Т. Архипов «Лудзи шур дурын») ‘Ты скажи, сколько у него трудоднев?’	<i>Тон вера солэн трудоденезлэсь кӧнязэ</i> ‘Ты скажи количество его трудоднев’	<i>Тон вера солэн трудоденезлэсь кӧняез</i> <i>сярысь</i> ‘Ты скажи о количестве его трудоднев’
<i>Со улэп, шӧдэ, адӗе, кин маин лыктэ, кин ма каре, кин кызьы шутэтске</i> (В. Ширококов «Льӧмпу сяськаяське») ‘Он живой, чувствует, видит, кто с чем приходит, кто что делает, кто как отдыхает’	<i>Со улэп, шӧдэ, адӗе кинлэсь маин лыктэмзэ, ма каремзэ, кызьы шутэтскемзэ</i> ‘Он живой, чувствует, видит с чем приходят, что делают, как отдыхают’	—
<i>Со вераськиз проводницаен, тодӱз, кытын, ку пумисько пассажирской поездъёс</i> (И. Гаврилов «Вордӱськем пальёсын») ‘Он поговорил с	<i>Со вераськиз проводницаен, тодӱз пассажирской поездъёслэсь кытын но ку пумиськемзэс</i> ‘Он поговорил с проводницей, узнал место и время встречи	<i>Со вераськиз проводницаен, тодӱз пассажирской поездъёслэсь кытын но ку пумиськемзы сярысь</i> ‘Он поговорил с проводницей, узнал о месте и времени встречи

проводницей, узнал, где, когда встречаются пассажирские поезда'	пассажирских поездов'	пассажирских поездов'
<i>Шуг вераны, кытысь потэмын солэн сыће быгатонлыкез</i> (В. Голубев «Солдат иськемъёс») 'Сложно сказать, откуда возникло это его умение'	<i>Шуг вераны солэн сыће быгатонлыкезлэсь кытысь потэмзэ</i> 'Сложно сказать о возникновении этого его умения'	<i>Шуг вераны солэн сыће быгатонлыкезлэн кытысь потэмез сярысь</i> 'Сложно сказать об источнике возникновения этого его умения'

На основе анализа указанных примеров можно сделать вывод, что в современном удмуртском языке можно выделить две модусные рамки (объективная информация, проявляющая позицию субъекта речи), в диктуме (основное содержание высказывания) которых используются конструкции с отглагольным прямым объектом:

а) в *перцептивных* модусных рамках функционируют глаголы восприятия (*адзыны* 'увидеть'; *кылыны* 'услышать'; *тодыны* 'знать'; *шөдыны* 'почувствовать' и др.): *Со ас синмыныз адзиз, кызьы удмуртъёсты ултйязы но серекязы* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») > *Со ас синмыныз адзиз удмуртъёсты ултйямзэс но серекьямзэс* 'Он своими глазами видел, как унизили и осмеяли удмуртов'; *А ведь мон соку ик шөдй, тон татын шуыса* (В. Ар-Серги «Пичи пи но Полкан») > *А ведь мон соку ик шөдй тынэсьтыд татындэ* 'А ведь я тогда же почувствовал, что ты здесь'; *Кин тодэ, кызьы сюрем отчы куанер лул* (Г. Красильников «Төлсяська») > *Кин тодэ куанер луллэсь отчы кызьы сюремзэ* 'Кто знает, как попала туда бедная душа'; *Соку Катя уз тоды ук, мар верамын гожтэтын* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») > *Соку Катя уз тоды ук гожтэтысь мар верамзэ* 'Тогда Катя не узнает же, что написано в письме'.

Содержание диктума подобных конструкций можно трансформировать в зависимое предложение с союзными словами *кызыы* ‘как, каким образом’, *ма (мар)* ‘что’ и др., либо с союзом *шуыса* ‘что’, что отражено в оригинале;

б) в *речевых* модусных рамках предикативную функцию выполняют глаголы речи, передачи информации (*вераны* ‘рассказать’; *шуыны* ‘сказать’; *шыпыртыны* ‘прошептать’ и др.) или глаголы интерпретации речевой деятельности (*валэктыны* ‘объяснить’; *ивортыны* ‘сообщить’; *юаны* ‘спросить’ и др.): *Вера мыным шонерак, кызыы возиз Марина ассэ мон өвөл дыръя?* (М. Петров «Зардон азын») > *Вера мыным шонерак Мариналэсь ассэ мон өвөлтэм дыръя кызыы воземзэ* ‘Скажи мне прямо, как вела себя Марина во время моего отсутствия?’; *Мыным ивортйзы, татын кыче ке вуко вань шуыса* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») > *Мыным ивортйзы кыче ке вуколэсь татын вылэмзэ* ‘Мне сообщили, что здесь есть какая-то мельница’; *Офицер валэктйз, кин со сыче, малы сое подполковник доры келяз* (Т. Архипов «Ортчеменыз пумиськон») > *Офицер валэктйз солэсь кин луэмзэ, сое подполковник доры малы келямзэ.*

Содержание диктума подобных конструкций можно трансформировать в послеложную конструкцию с послелогом *сярысь* ‘о, об’, либо в зависимое предложение с союзными словами *кызыы* ‘как, каким образом’, *кин* ‘кто’ и др., либо с союзом *шуыса* ‘что’, что и отражено в оригинальных предложениях.

Говоря о преобразовании сложноподчиненного изъяснительного предложения в простое с беспослеложным отглагольным оборотом, необходимо отметить, что девербальная единица, функционирующая в диктуме, требует облигаторного морфологического оформления. В качестве обязательных маркеров здесь функционируют форманты винительного падежа притяжательного склонения (-*ме*, -*дэ/-тэ*, -*зэ/-сэ*, -*мес*, -*дэс/-тэс*, -*зэс/-сэс*), позволяя предложению быть полипредикативным и полисубъектным: субъект главного предложения (S_1), выступающий в функции подлежащего, но не всегда присутствующий в каждом

предложении, имеет грамматическую форму именительного падежа, субъект диктума (S₂), выполняя функцию определения, принимает форму разделительного падежа: *Юнме эн исалэ, кин тодэ, кы́че визьмыз* (П. Чернов «Кион кар») > *Юнме эн исалэ, кин (S₁) тодэ визьмызлэсь (S₂) кы́чезэ* ‘Зря не дразните, кто знает, какой у него ум?’, *Егит ныл ад́же, кызьы солэн пурысьтам кузь туш пöлы выем ымдурьёсыз усьясько, кызьы со мыня* (М. Векшина «Сюресчиос») > *Егит ныл (S₁) ад́же солэн пурысьтам кузь туш пöлы выем ымдурьёсызлэсь (S₂) усьяськемзэс, солэсь (S₂) мынямзэ* ‘Молодая девушка видит, как открываются его губы, утонувшие в длинную седую бороду, как он улыбается?’, *Кызьы Яшалы верано, атаез Йыгын öвöл шуыса?* (Л. Ганькова «Вераськод ке, вера...») > *Кызьы Яшалы верано атаезлэсь (S₂) Йыгын öвöлзэ?* ‘Как сказать Яше, что его отца в Йыгыне нет?’.

Предикативная форма диктума в рассматриваемых примерах чаще всего соответствует отглагольным именам на -эм/-ем, -м, -н, -он: *Мон тодй, тон бертод шуыса...* (Л. Ганькова «Вераськод ке, вера...») > *Мон тодй тынэсьтыд бертондэ...* ‘Я знала, что ты вернешься...’, *Иван, мыным докторды вераз, ку тонэ лэзёзы* (В. Ар-Серги «Лыдья, лыдья, кикые») > *Иван, мыным докторды вераз тонэ ку лэземзэс* ‘Иван, ваш доктор мне сказал, когда тебя отпустят’.

5. Однако анализ примеров доказывает, что не все сложноподчиненные предложения могут быть заменены беспослеложными и послеложными оборотами, например: *Кин тодэ, кы́че заставаос вань на азьпалан* (С. Самсонов «Кам вадьсын гудырья») ‘Кто знает, какие заставы еще есть впереди?’, *Я вера тон мыным, кытысь куать сюрс шедьто мон* (М. Петров «Зардон азын») ‘Ну скажи ты мне, откуда я найду шесть тысяч?’, *Тй вералэ, кызьы вал ваньмыз...* (Г. Красильников «Арлэн кутсконэз») ‘Вы скажите, как все было...’, *Быдэс гурт тодэ, кы́че ужась адыми вал Вара, көня ваньбур ваиз со сьöраз* (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын») ‘Вся деревня знает, каким работающим человеком была Вара, сколько добра она принесла с собой?’, *Собере сотэк но ваньмыз тодо, со Яйканлэн шуыса* (Л. Ганькова

«Вераськод ке, вера...») ‘Потом и без него все знают, что она [лавка] у Яйкана’.

Отсутствие синонимических рядов, по-видимому, обусловлено интралингвистическими факторами языка.

Рассматривая условия функционирования синонимичных конструкций в удмуртском языке, важно заметить, что они обусловлены:

а) особенностями функционирования в речи. В частности, для устных высказываний в нарративном контексте характерно доминирование послеложных конструкций;

б) динамическими процессами, характерными для развития любого языка.

Синонимия синтаксических конструкций предоставляет богатые возможности с точки зрения стилистики, основное – это изменения стилевой окраски единиц и конструкций, а также с точки зрения коммуникативной организации высказывания – это постановка логического ударения, смыслового усиления или ослабления того или иного компонента предложения, актуальное членение предложения [Синелева 2019: 294].

Чтобы выявить наличие синтаксической синонимии в грамматическом строе удмуртского языка, а также доказать расширение сферы функционирования изъяснительных придаточных предложений в современном удмуртском языке, мы проанализировали тексты переводов Евангелий Глазовского и Сарапульского наречий 1847-го г. [ЕвангМк. Гл. 1847; ЕвангМф. Гл. 1847; ЕвангМф. Сар. 1847], а также их соответствия из современной Библии 2013-го г., переведенной М. Атамановым [Библия 2013].

На основе сопоставления и анализа лингвистических данных были получены следующие результаты:

1. В структуре изъяснительных придаточных предложений союз *шуыса* широко представлен во всех трех исследуемых текстах: *...что помышляете въ себѣ, маловѣрные, что хлѣбовъ не взяли?* ‘...марь малпаськóды асьтэ

кожэ, нянь эдь-бáсьтэ **шусà**, лябь оськысь-юсь?» [ЕвангМф. Гл. 1847: 121] – ‘...марь малпаськóды асьтэ кóжэ, нянь эдь-бáсьтэ **шусà**, лябь-оськись-юсь?» [ЕвангМф. Сар. 1847: 121] – ‘*Ожыт оскисьёс, малы асьтэ кусын малпаськóды, нянь ом басьтэ **шуыса**?*’ [Библия 2013: 1278]; *Тогда Иисусь запретилъ ученикамъ Своимъ, чтобы никому не сказывали, что Онъ Иисусь Христось* ‘Сокы́ Иисусь юнматъвъ ась дышетскись-юсь-сэ, не нокинъ-лы-но вераны́, Со Иисусь Христось, **шусà**’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 124] – ‘Со-кы́ Иисусь юнматъвъ дышетскись-юссэ, не нокинъ-лы-но верянтэмъ медь-лò, Ассэ Иисусь Христось, **шусà**’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 124] – ‘Соку Иисус Аслэсьтыз дышетскисьёссэ нокинлы но вераны о́з лэзы, Со Иисус Христос луэ **шуыса**’ [Библия 2013: 1279]; *Пришедши же первые, думали, что они получат больше...* ‘Лыкты́сà ношь, азьлоось малпáзы, уногэмъ басьтозы **шуыса**...’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 151] – ‘Лыкты́сà ношь, азьлоось малпáзы, уногэмъ басьтозы **шусà**...’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 151] – ‘Нырысь лыктэмъёс малпало вылэм, соос тросгес басьтозы **шуыса**...’ [Библия 2013: 1284].

2. В Евангелии от св. евангелиста Марка, которое переведено на Глазовское наречие [ЕвангМк. Гл. 1847], присутствуют также изъяснительные сложноподчиненные предложения, переведенные при помощи русского союза *что*: *И вдругъ остановилось теченіе крови ея; и она почувствовала въ тгль, что выздоровѣла отъ болѣзни сей* ‘Сокы́къ віръ віанъэ́зъ солэнь дугдъвъ, со шедскы́зъ-но мугорáзъ, **что** висемъ-лэ́х катьяскы́зъ-ини́’ [ЕвангМк. Гл. 1847: 34] – ‘Со кусын ик вируыз виямысь дугдүй, висёнэз быриз ни шуыса, мугорыз шөдүй’ [Библия 2013: 1308]; *Не уже ли не разумѣете, что все, извнѣ входящее въ человека, не может осквернить его?* ‘Удà вáласькэ, **что** вицъжъ мáкэ педлòсь пырэ адямй-пучкэ; сò шетэмъ узь-каръ адямизэ’ [ЕвангМк. Гл. 1847: 52] – ‘Оло, уд валаське, «адями пушкы педлòсь пырыса номыр но сое саптаны уг быгаты» шуэмез?’ [Библия 2013: 1312]; *Знаете, что почитающіеся князьями народовъ, господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими* ‘Тодцкóды тй,

что бадзимь Эксэйюсь вормо калыкъэзъ, куньюсьвзъ-но союсьлэсь аслъвзъ власьэзъ бастод [ЕвангМк. Гл. 1847: 83] – ‘Тодйськоды ук, калыкъёслэн кивалтйсьёссы шуыса лыдзйськисьёс соосын кузёясько, кузёйыррьёссы соосты куулазы возё’ [Библия 2013: 1319]; *Мы знаемъ, что Ты справедливъ, и не льстишь никому* ‘Мй тоцкѡмъ, **что** Тѡнъ шонѣръ муртъ, удъ-но пѣяськи нокинѣ-но’ [ЕвангМк. Гл. 1847: 95] – ‘Ми тодйськомы, Тон шонер лэсьтйсь шуыса, кинлы но солы гинэ кельшыны турттыса уд улйськы’ [Библия 2013: 1321]; *Истинну сказала Ты, что единъ есть Богъ, и нѣтъ инаго кромъ Его* ‘Зэмъ шонеръзэ Тонъ верадъ, **что** одыгъ гинэ Инмаръ, мукэтъ-но Сѡ лесянѡ эвэлъ’ [ЕвангМк. Гл. 1847: 99] – ‘Зэмез верад Тон: Инмар одйг гинэ, Со сяна, мукетыз ѡвѡл’ [Библия 2013: 1322]. Аналогичных примеров в Сарапульском наречии не наблюдается.

3. Во всех трёх источниках употребляются отглагольные обороты, чаще беспослеложные, которые являются синонимичными изъяснительным придаточным предложениям: *Ты же раздавай милостыню такъ, чтобы лъвая рука твоя не въдала, что дѣлаеть правая* ‘Тонъ бенъ милостиня-зэ озй сйѡтъ, паллянъ кидъ тынадъ медазь-тодъ-валъ бурэдъ-лэнь карэмъ-зэ’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 32] – ‘Тонъ бонъ дэулетъ-эзъ озй каръ, паллянъ кидъ медазь-тодъ-валъ, бурэдъ-лэсь карэм-зэ’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 32] – ‘Тынад нош, ёрмисьлы сѣтыкуд, паллян кидъ медаз тоды, мар лэсьтэ бур кид’ [Библия 2013: 1261]; *...Не сказывайте никому, что вы видѣли, пока Сынъ человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ* ‘...не нокинълы-но энъ вералэ адзэмъ-дэсь, адямй Пи кулэмысь улзитѡзь’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 128] – ‘...не-нокинъ-лы-но энъ вералэ адзэмъ-дэсь, адямй Пй кулэмысь улзитѡзь’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 128] – ‘...Та адземдэс, Адями Пи кулэмысь улзыса султытозь, нокинлы но эн вералэ’ [Библия 2013: 1280]; *...и пришедши рассказали Государю своему все, что случилось* ‘...лыктысѡ-но вицякъ луэмъзэ веразы ась кузйѡлы’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 141] – ‘...лыктысѡ-но воцъ луэмъ-зэ верязы ась кузйѡ-лы’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 141] – ‘...соос мыныса, мар луэм сярисъ асьсэлэн кузёзылы ванъзэ вераллям’ [Библия 2013: 1282];

Когда ты зналь, что я жну, гдѣ не сѣяль, и собираю, гдѣ не расточаль
 ‘Тоды́дъ-кэ тонь, монь араськò шусà, кытѣнъ-кэ эй-кѣзь, люкаськò-но
 кытѣнъ-кэ эй-сѣтка’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 200] – ‘Тоды́дъ-кэ тонь,
 мынэсьтѣмь кизѣмътэ-эзъ арàмьме сѣткàмътэ-эзъ, люкàмьме’ [ЕвангМф.
 Сар. 1847: 200] – ‘Тон тодѣськод вал кизьымтэ интыысь арамме,
 кисьтымтэ интыысь бичамме’ [Библия 2013: 1294]. В последнем примере из
 Библии также наблюдается замена придаточной части отглагольным
 оборотом.

4. Важно подчеркнуть, что в Евангелии на Сарапульском наречии
 гораздо шире представлены предложения с отглагольными
 беспослеложными оборотами, в отличие от Евангелия, переведенного на
 Глазовское наречие, и текста современного перевода, в которых
 употребляется союз *шуыса*: *Услышавъ же Иисусъ, что Иоаннь отданъ подѣ
 стражу, удалился въ Галилею ‘Кылысà бенъ Иисусъ, Иоаннь караулэ
 сѣтэмънъ шуисà, кошкѣзь Галилея-э’* [ЕвангМф. Гл. 1847: 17] – *‘Кылысà
 бонъ Иисусъ, Иоаннь-лэсь караулэ усѣмъ-зэ, кошкѣзь Галилея-е’* [ЕвангМф.
 Сар. 1847: 17] – *‘Иоанн пытсэтэ сюремын шуыса, Иисус кылѣз но Галилеяе
 кошкѣз’* [Библия 2013: 1258]; *Тогда поняли, что Онъ говорилъ имъ, чтобы
 беречься не закваски хлѣбной... ‘Сокы валàзы, со верà шусà возматскыны не
 нянь цирсатэмъ-лэсь...’* [ЕвангМф. Гл. 1847: 122] – *‘Сòкы валàзы, верямтэ-
 зэ, сакъ улыны нянь цирсатэмъ-лэсь...’* [ЕвангМф. Сар. 1847: 122] – *‘Соку
 соос валазы, Со нянь шòмлэсь утиськыны уг косы <...> шуыса’* [Библия
 2013: 1278]; *Тогда ученики поняли, что Онъ говорилъ имъ о Иоаннь
 Крестителъ ‘Сокү дышетскисьюсь валàзы, Со верà, шусà, Иоаннь пыртѣсь
 сярѣсь (ласянь)’* [ЕвангМф. Гл. 1847: 129] – *‘Со-кү дышетскѣсь-юсь валàзы,
 Сòлэсь веря́мъ-зэ Иоаннь чукундрысь ласянь’* [ЕвангМф. Сар. 1847: 129] –
*‘Соку дышетскисьёсыз валазы, Со Иоанн Пылатѣсь сярѣсь соослы вераз
 шуыса’* [Библия 2013: 1280]; *...знаемъ, что Ты справедливъ и истинно пути
 Божію учишь... ‘...тодыськòмъ, Тонъ шонэръ шуиса, зэмъ-но Инмаръ-лэнь
 косэмъ-лы дышетиськòдъ...’* [ЕвангМф. Гл. 1847: 172] – *‘...тодыськòмъ*

Тынэсьтыдъ шонэръ-дэ, зэмь-но Инмарь-лэнь косэмь-лы дышетиськодъ...
[ЕвангМф. Сар. 1847: 172] – *‘Ми тодйськомы, Тон шонер лэсьтйсь шуыса, Инмарлэн сюресэзлы шонер дышетйськодъ...*’ [Библия 2013: 1288]; *...то знаете, что близко лъто ‘...тодыськóды, гужэмь матынь шуса’* [ЕвангМф. Гл. 1847: 192] – *‘...тодыськóды, гужёмь-лэсь матынь-зэ’* [ЕвангМф. Сар. 1847: 192] – *‘...гужем матын ни шуыса тодйськóды’* [Библия 2013: 1292].

Аналогичная тенденция характерна и для изъяснительных предложений с союзом *что* в текстах Евангелия, переведенного на Глазовское наречие, например: *Иисусъ тотчасъ, почувствовавъ Самъ въ Себѣ, что изъ Него вышла сила...* ‘*Сокуйкъ Иисусъ Ацизь шедскизь Ась-понназь, что Солэсь кужимэзь потызь...*’ [ЕвангМк. Гл. 1847: 34] – *‘Со дыре ик Иисус Ас пушкысьтыз кужмызлэсь потэмзэ шодйз...*’ [Библия 2013: 1308]; *Иисусъ видя, что сбъгаεται народъ, запретилъ духу нечистому...* ‘*Иисусъ адзиса калыкълэсь люкаськэмзэ, алъзь шайтанъ лулъзэ...*’ [ЕвангМк. Гл. 1847: 68] – *‘Калыклэсь люкаськемзэ адзыса, Иисус перилы алыса вераз...*’ [Библия 2013: 1316]; *Поутру, проходя мимо, увидѣли, что смоковница засохла до корня* ‘*Чукна-угъ, орцикузь адзызы смóква пузэ выжытöзъ квасъмэмзэ’* [ЕвангМк. Гл. 1847: 89] – *‘Чукна, смоквану вöзтй ортчыкузы, адзызы: со выжыозяз куасьмемын’* [Библия 2013: 1320]; *Иисусъ видя, что онъ отвѣчалъ разумно, сказалъ ему: не далеко ты отъ царствія Божія* ‘*Иисусъ адзиса, что сó визьмоэсь вераськйзь, пумитазъ веразъ солы: тонъ эвэлъ кыдйóкынь Инмарьлэнь дзець улоннилэсь’* [ЕвангМк. Гл. 1847: 99] – *‘Иисус, талэсь визьмо ответ сётыны быгатэмзэ кылыса, солы шуиз: «Инмар Эксэйлыкълэсь кыдёкын öвöl ни тон»’* [Библия 2013: 1322].

5. Также для Евангелия на Сарапульском наречии характерно более частое опущение союза *шуыса*, поскольку его перевод более близок к удмуртскому литературному языку: *Не думайте, что Я пришелъ нарушитъ Законъ или Пророковъ...* ‘*Энь мálпалэ, Монъ законъ-эзъ быттыны-понна, шуиса, лыкты, Пророкъ-йóсьзъ но...*’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 23] – *‘Энь мálпалэ, Монъ законъ-эзъ курланъ понна лыкты, Пророкъ-йóсьзъ но...*’ [ЕвангМф.

Сар. 1847: 23] – ‘Эн малпалэ, Мон законэз яке пророкъёсты туганы-тарканы лыктїи шуыса...’ [Библия 2013: 1260]; ...и тутъ вспомнишь, что братъ твой имгеть нгъчто на тебя ‘...отысэнь-но тодэдъ-кэ тыныдъ лыктдзъ, бецэ тынадъ, шуиса, макэ тонъ-выладъ уродъ малпә’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 25] – ‘...отысэнь-но тодэдъ-кэ лыктдзъ, бироу-эдъ, тонъ вылэ маръ-кэ малпә’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 25] – ‘...отысен тодад лыктїиз ке, братэдлэн тыныд кыче ке но котэжожез вань шуыса...’ [Библия 2013: 1260]; И говоритъ имъ Иисусъ: вгъруете ли, что Я могу это сдглатъ? ‘Иисусъ-но вера соосъ-лы: оськиськодъ-а, мынамъ лудзъ, шуиса, тае быгатыны?’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 60] – ‘Вера-но соосъ-лы Иисусъ: оськиськодъ-а, мынамъ лудзъ, тае быгатыны?’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 60] – ‘Иисус соослы шуиз: «Оскиськоды-а, Мон тае лэстыны быгатїсько шуыса»’ [Библия 2013: 1267]; Въ тотъ день приступили къ Нему Саддукеи, которые говорятъ, что нгътъ воскресенїя ‘Со нуналэ лыктбзы Со-дорэ Садлукейїосъ, кудъїосъ вералд, кулэмъїосълэнь улзїонъ угъ-лұ-шуиса’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 173] – ‘Со нуналэ матэтскбзы Со-дорэ Саддукэосъ, кудъїосъ вералд, улзїонъ углд’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 173] – ‘Со нуналэ Иисус доры улзыса султон өвөл шуисъ саддукейес лыктыса...’ [Библия 2013: 1288]. В последнем примере из Библии наблюдается замена придаточной части отглагольным оборотом.

6. В отличие от современного удмуртского литературного языка, в текстах Евангелий обоих наречий представлены лексемы *шу* или *бонъ* вместо современного *шуыса*, например: ...знайте, что близко, при-дверяхъ ‘...тодэ, матынъ шуиса, эсь-дорынъ’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 192] – ‘...тодэ, матынъ, **шу**, эсь-дорынъ’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 192] – ‘...тодэлэ, матэ, ос выжые, вуиз уни шуыса’ [Библия 2013: 1292]; ...я зналъ тебя, что ты человекъ жестокой... ‘...монъ тоды тонэ, тонъ лэкъ адямї шуиса...’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 200] – ‘...монъ тоды тонэ, тонъ лэкъ адямї **бонъ**...’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 200] – ‘Мон тодїсько вал, тон лек адями шуыса...’ [Библия 2013: 1294]; Ибо онъ зналъ, что предали Его изъ зависти ‘Тодбзъ бенъ, вожьякиса солы сїотбзы, **шу**, Соэ’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 221] – ‘Тодбзъ

бонь, вожьяскисà Солы сјотъзы Соз [ЕвангМф. Сар. 1847: 221] – ‘*Со тодэ вал уго, Иисусэз вожьяськеменызы сэрен кутыса сѣтїзы шуыса*’ [Библия 2013: 1298].

7. Имеется также ряд примеров, где союз *шуыса* не используется ни в одном из источников: *Какъ не разумъете, что Я не о хлѣбѣ сказалъ вамъ...* ‘*Кызї бень удъ валаськэ ти, Монъ нянь-ласянь эй вѣра тилѣдълї...*’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 122] – ‘*Къзи удъ валаськэ, Монъ нянь-ласянь эй-вѣра тилѣдълї...*’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 122] – ‘*Кызыы уд валаське, нянь сярисъ ой вера ук Мон тїледлы...*’ [Библия 2013: 1278]; *Но я вамъ сказываю, что Илія уже пришелъ...* ‘*Монъ бень вераськò тиледъ-лї, Илія лыктѣвъ-инї...*’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 129] – ‘*Монъ бонъ вераськò тиледъ-лї, Иліа лыктѣвъ-ини...*’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 129] – ‘*Но тїледлы верасько: Илія ветлїз ини...*’ [Библия 2013: 1280]; *Потому сказываю вамъ, что отнимется отъ васъ Царствіе Божіе...* ‘*Со поннà вераськò тилѣдълї, бастськòзъ тилесътїдъ Инмаръ-лэнъ дуньяэзъ...*’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 168] – ‘*Со поннà вераськò тилѣдълї, бастськòзъ тилесътїдъ Инмаръ-лэнъ дунья-эзъ...*’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 168] – ‘*Соин ук тїледлы верасько: тї дорисъ Инмар Эксэйлык бастїськоз...*’ [Библия 2013: 1287]; *Сказываю же вамъ, что не буду отнынѣ пить отъ плода сего винограднаго до того дня...* ‘*Вераськò бень тиледълї, угъ-ю-ни таберэ та виноградъ эмышь-лэсь со нуналь-дзъ...*’ [ЕвангМф. Гл. 1847: 209] – ‘*Вераськò бонъ тиледълї, угъ-ю-ни таберэ та виноградъ эмышь-лэсь со нуналь-дзъ...*’ [ЕвангМф. Сар. 1847: 209] – ‘*Тїледлы верасько: <...> та виноград емышлэсьсэ винаез Мон уг ни юы*’ [Библия 2013: 1296].

Сопоставительный анализ письменных памятников XIX века с современным текстом перевода Библии позволяет сделать следующие выводы:

а) изъяснительные придаточные предложения современного удмуртского языка могут вступать в синонимичные отношения с отглагольными беспослеложными и послеложными конструкциями, а также с

бессоюзными предложениями, где под синтаксическими синонимами рассматриваются «конструкции, в которых содержится тождественное общесмысловое значение, создаваемое словами, лексически близкими по значению, выполняющими одинаковую функцию, но структурно различно организованных, одинаково способных замещать одна другую» [Галкина-Федорук 1958: 8];

б) с точки зрения диахронии, в связи с заменой отглагольных беспослеложных и послеложных конструкций на изъяснительные придаточные предложения, что особенно характерно для южного ареала, в современном литературном языке частотность употребления сложноподчиненных предложений увеличилась;

в) в XIX веке помимо используемых в грамматическом строе удмуртского языка средств выражения изъяснительных отношений использовались также лексемы *шу* и *бонь*.

Таким образом, синтаксическая синонимия активно используется на разных языковых уровнях, в частности, при замене сложноподчиненных изъяснительных предложений синонимическими конструкциями.

Проведенное исследование позволяет констатировать тот факт, что изучение особенностей функционирования изъяснительных предложений в диахроническом аспекте открывает новые возможности для выявления новых языковых фактов.

Выводы по Главе 3

Данный раздел диссертационного исследования посвящен всесторонней характеристике изъяснительных сложноподчиненных предложений с учетом их структурных и семантических особенностей.

Было выявлено, что изъяснительные сложноподчиненные предложения обладают рядом семантических признаков. Нами выделены четыре типа изъяснительных предложений: а) сообщающие о факте, б) выражающие волеизъявление, в) содержащие вопрос или поиск информации, а также

г) сообщающие о частном аспекте факта. Для разграничения каждого из указанных синтаксических конструкций имеется ряд условий. В частности, важное значение имеет роль опорного (изъясняемого) слова, его семантическое наполнение.

На основе анализа лингвистических данных Национального корпуса удмуртского языка было выявлено, что в структуре изъяснительных придаточных предложений широко распространены глаголы со значением восприятия и мысли, ощущения, чувства и внутреннего состояния. Также имеются случаи употребления в качестве опорных слов причастий, отглагольных имен существительных, а также различных устойчивых сочетаний и фразеологических оборотов.

В данной главе также рассматриваются структурные типы изъяснительных предложений удмуртского языка. На основе анализа механизмов взаимодействия главного и придаточного частей исследуемых коммуникативных единиц нами выделены три типа изъяснительных придаточных предложений: а) с союзами *шуыса* 'что, чтобы', *будто (будто ке)* 'будто, как будто', *что (што)* 'что', с частицами *-а, меда, -а меда* 'ли'; б) с союзными словами, в роли которых употребляются вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия: *кин* 'кто'; *ма (мар)* 'что'; *малы (марлы)* 'почему, с какой целью'; *кызьы* 'как'; *кытын* 'где'; *кытчы* 'куда'; *кытысь* 'откуда'; *ку* 'когда'; *кудйз* 'который'; *кыче* 'какой'; *кӧня* 'сколько'; в) с синтаксическими конструкциями, содержащими в своей структуре указательные и соотносительные слова (*сое... мае* 'то... что'; *сое... мар* 'то... что'; *сыӹезэ... кудзэ* 'такое... что' и т. п.).

В рамках проведенного исследования отдельное внимание было уделено функционированию союза *шуыса*, поскольку он является основным и доминирующим среди всех остальных. Отмечается полифункциональность указанного союза: он может употребляться в придаточных изъяснительных, цели и причины.

В разделе 3.3. были проанализированы особенности употребления изъяснительных придаточных предложений в переводных текстах А. Гайдара «Тимур и его команда» («Тимур но солэн командаез»), а также в повести И. Тургенева «Ася» с целью системного подхода к анализу особенностей их функционирования в удмуртском языке. В результате исследования было выявлено, что случаи употребления сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в русском языке в целом соответствуют случаям употребления удмуртских изъяснительных придаточных предложений. Случаи отклонения чаще всего обусловлены интралингвистическими факторами или дополнительными семантическими оттенками.

Изъяснительные придаточные предложения активно участвуют в образовании синтаксической синонимии. С одной стороны, исследуемые коммуникативные единицы могут быть трансформированы в бессоюзные предложения. В этом случае их семантическое наполнение остается тождественным, меняется лишь интонационное сопровождение / пунктуационное оформление.

С другой стороны, при замене придаточных изъяснительных используются распространенные дополнения – беспослеложные и послеложные отглагольные обороты.

Синонимия синтаксических конструкций предоставляет богатые возможности для изучения динамических процессов, протекающих и протекавших в грамматическом строе удмуртского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном диссертационном исследовании предпринята попытка комплексного описания сложноподчиненных предложений удмуртского языка, выражающих изъяснительные отношения, с точки зрения их возможностей формального и содержательного оформления.

За более чем двухвековую историю развития синтаксиса как отдельного раздела лингвистики произошла смена нескольких подходов в области изучения сложноподчиненных предложений. Что касается развития удмуртского языкознания, здесь можно выделить три этапа:

а) первый этап (со второй половины XVIII века по 1850-й г.), характеризуется отсутствием системного подхода к исследованию синтаксического строя удмуртского языка; недостаточно четким разграничением сфер морфологии и синтаксиса. Однако как первые грамматики В. Г. Пуцек-Григоровича, М. Могилина, так и клерикальная литература, например, переводные Евангелия и Азбуки на сарапульском и глазовском наречиях, могут служить источниковой базой для изучения синтаксиса удмуртского языка в диахроническом аспекте;

б) начало второго этапа (с 1851 г. по 1938 г.) связано с выходом в свет научной грамматики Ф. Й. Видеманна, в которой впервые выделяется специальный раздел, посвященный изучению вопросов синтаксиса. В данном труде также впервые поднимается вопрос о разграничении изъяснительных и определительных придаточных предложений. Таким образом, на данном этапе развития удмуртского синтаксиса были заложены основы синтаксической теории, сформировались общие подходы к описанию и осмыслению как отдельных синтаксических явлений и категорий, так и теории предложения в целом. В рамках данного этапа рассмотрены труды Т. Г. Аминоффа, Ю. Й. Вихманна, Б. Мункачи, которые могут послужить в

качестве источникового материала для изучения удмуртского синтаксиса; а также работы Х. Винклера, П. П. Глезденева, Г. Е. Верещагина, И. В. Яковлева, А. И. Главатских, А. И. Емельянова, С. П. Жуйкова, в которых рассматриваются теоретические аспекты грамматики удмуртского языка. Важно также подчеркнуть, что именно в этот период уделяется отдельное внимание разработке терминов на удмуртском языке;

в) третий этап (с 1939 г. по настоящее время) характеризуется появлением специальных научных изысканий, посвященных изучению отдельных аспектов удмуртского синтаксиса. Определенный вклад в развитие данного научного направления внесли и вносят как отечественные (П. Н. Перевощиков, В. И. Алатырев, М. Н. Булычев, Б. А. Серебренников, В. К. Кельмаков, А. Ф. Шутов, Н. Н. Тимерханова и др.), так и зарубежные исследователи (Р. Бартенс, Э. Винклер, Э. Асталощ, Е. Георгиева и др.).

В рамках проведенного исследования отдельное внимание уделяется проблеме классификации сложных предложений. Здесь можно выделить несколько подходов к классификации: а) традиционный; б) формальный; в) структурно-семантический. В основе традиционной классификации лежит принцип взаимодействия главного предложения с придаточным; для формального подхода важными являются средства связи частей сложного предложения. Структурно-семантический подход, который использован в данной диссертационной работе, учитывает коммуникативно-семантическое строение предложения, а также особенности взаимодействия придаточной части с главной.

На основе анализа лингвистических данных из Национального корпуса удмуртского языка нами выделено 11 основных типов придаточных предложений в современном удмуртском языке: определительные, изъяснительные, условные, уступительные, придаточные времени, места, причины, цели, меры и количества, образа действия и степени. Отмечается, что частотность употребления каждого из указанных типов сложноподчиненных предложений в устной и письменной речи

неравномерна. Она зависит от коммуникативного намерения говорящего, рода и жанра художественного произведения, авторского стиля писателя и др. На основе анализа художественных произведений Г. Медведева, Г. Красильникова, Г. Перевощикова и С. Матвеева мы сделали вывод, что из указанных типов придаточных предложений наиболее частотными являются условные и изъяснительные придаточные предложения. Низкой дистрибутивной нагрузкой обладают придаточные образа действия, степени, придаточные причины.

Рассматривая структурно-семантические особенности изъяснительных предложений удмуртского языка, в качестве базовой дефиниции мы использовали следующее определение: изъяснительное придаточное предложение является таким типом сложноподчиненного предложения, для главной части которого характерна неполнота, относительная незаконченность предложения; придаточная часть дополняет, восполняет отсутствующий член главного предложения или раскрывает содержание указательного слова главного предложения. Особенностью сложноподчиненных предложений удмуртского языка, выражающих изъяснительные отношения, является возможность придаточной части выполнять роль ситуативно-предметного подлежащего и ситуативно-предметного дополнения.

С точки зрения структурных особенностей функционирования изъяснительных предложений удмуртского языка, можно выделить три типа:

а) с союзами *шуыса* 'что, чтобы', *будто (будто ке)* 'будто, как будто', с частицами *-а, меда, -а меда* 'ли';

б) с союзными словами, в роли которых употребляются вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия: *кин* 'кто'; *ма (мар)* 'что'; *малы (марлы)* 'почему, с какой целью'; *кызыы* 'как'; *кытын* 'где'; *кытчы* 'куда'; *ку* 'когда'; *кудйз* 'который'; *кыче* 'какой'; *кӧня* 'сколько';

в) с союзными словами, которым соответствуют указательные местоименно-соотносительные слова (*сое... мае* 'то... что'; *сое... мар* 'то... что'; *сыӇезэ... кудзэ* 'такое... что' и т. п.).

Самым распространенным и широко используемым союзным средством в сложноподчиненных предложениях, выражающих изъяснительные отношения, является союз *шуыса*. Данный союз отличается полифункциональностью и, помимо изъяснительных отношений, используется для выражения значений цели и причины.

В количественном отношении среди указанных выше типов изъяснительных придаточных предложений в литературном языке преобладают предложения с союзными словами: *кин* 'кто'; *ма (мар)* 'что'; *малы (марлы)* 'почему, с какой целью'; *кызьы* 'как'; *кытын* 'где'; *кытчы* 'куда'; *ку* 'когда'; *кудйз* 'который'; *кыӇе* 'какой'; *кӇня* 'сколько' и др., На материале анализа примеров из художественной литературы было выявлено, что в придаточной изъяснительной части могут встречаться два и более разных или однородных союзных слова.

Главным фактором, влияющим на выбор союза или союзного слова, является характер факта, сообщаемого в придаточной части, и характер изъясняемого слова, требующего распространения.

В рамках диссертационного исследования также проанализированы семантические и грамматические особенности главного и придаточного предложений. К семантическим признакам мы отнесли актуализацию изъяснительным предложением следующих значений:

а) сообщение о факте (с союзами *шуыса* 'что, чтобы', *будто* 'будто, как будто', *что (што)* 'что', *кызьы* 'как, каким образом');

б) выражение волеизъявления (с союзом *шуыса* и союзными словами *кыӇе* 'какой', *кызьы* 'как, каким образом', *малы* 'почему, с какой целью', *мар* 'что' и др.);

в) содержание вопроса и поиска информации (частицы *-а, меда, -а меда* 'ли' в роли союза);

г) сообщение о частном аспекте факта (с союзными словами и местоименными наречиями *кин* 'кто'; *ма (мар)* 'что'; *малы (марлы)* 'почему, с какой целью'; *кызьы* 'как'; *кытын* 'где'; *кытчы* 'куда'; *ку* 'когда'; *кудйиз* 'который'; *кыче* 'какой'; *кӧня* 'сколько').

Грамматические признаки изъяснительного предложения репрезентируются с помощью формальных скреп. Отмечается, что помимо финитных глагольных форм, в главной части сложноподчиненного предложения также могут употребляться причастия, отглагольные имена существительные, устойчивые сочетания и фразеологические обороты (*кыл сётыны* 'дать слово', *оскем потэ* 'хочется верить', *тодэ вайыны (лыктыны)* 'вспомнить', *тодэм потэ* 'хочется знать', *юам потэ* 'хочется спросить' и др.).

В рамках проведенного исследования было выявлено, что изъяснительные придаточные предложения активно участвуют в образовании синтаксической синонимии. С одной стороны, исследуемые коммуникативные единицы могут быть трансформированы в бессоюзные предложения. С другой стороны, при замене придаточных изъяснительных используются распространенные дополнения – беспослеложные и послеложные отглагольные обороты.

Полученные в рамках проведенного исследования результаты могут способствовать дальнейшей разработке актуальных вопросов типологии родственных и разноструктурных языков, а также при изучении языковых контактов и динамических процессов, происходящих в грамматическом строе удмуртского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абукаева Л. А. Сложноподчинённые предложения нерасчлененной структуры в марийском языке / Л. А. Абукаева. – Йошкар-Ола, 2000. – 98 с.
2. Аверьянова Н. А. Сложноподчиненные предложения в зеркале корпуса ошибок инофонов / Н. А. Аверьянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 11. – Ч. 2. – С. 274–278.
3. Алатырев В. И. Субъектная деепричастная конструкция и ее происхождение / В. И. Алатырев // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. 4. – С. 53–68.
4. Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания / В. И. Алатырев // 200 лет удмуртской письменности. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – С. 15–36.
5. Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. / В. М. Алпатов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
6. Асталаш Э. Е. Позиции сфокусированного объекта в удмуртском языке / Э. Е. Асталаш // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2012. – № 4. – С. 7–12.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; Пер. с франц. Е. В. и Т. В. Вентцель. – М.: Изд. иностранной литературы, 1955. – 412 с.
8. Баушев К. М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка / К. М. Баушев. – Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. – 48 с.

9. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории) / В. А. Белошапкина. – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.
10. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Из университетских чтений / В. А. Богородицкий. – 6-е изд. – М.: КомКнига, 2005. – 556 с.
11. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века / Л. А. Булаховский. – М.: Учпедгиз, 1934. – 468 с.
12. Булычев М. Н. Порядок слов в удмуртском предложении / под ред. и с предисловием проф. Ф. Ф. Советкина. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. – 86 с.
13. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей / сост. Ф. Буслаевым. – М.: Унив. тип., 1858. – Ч. 2: Синтаксис. – X, 428 с.
14. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. – Ч. 1–2. – Изд. 2-е, передел / Ф. И. Буслаев. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1863. – Т. 1. – 259 с. – Т. 2. – 374 с.
15. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. 4-е изд., испр. / Н. С. Валгина. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.
16. Ван Илин, Воейкова М. Д. Изъяснительное придаточное при оценочных существительных / Илин Ван, М. Д. Воейкова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2020. – № 196. – С. 230–238. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izyasnitelnoe-pridatochnoe-pri-otsenochnyh-suschestvitelnyh> (дата обращения: 08.07.2021).
17. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи / Л. М. Васильев // Очерки по семантике русского глагола: сб. науч. тр. – Уфа, 1971. – С. 213–266.
18. Васильев Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.

19. Верещагин Г. Е. Руководство к изучению вотского языка / Г. Е. Верещагин. – Ижевск: «Удкнига», 1924. – 120 с.
20. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. – Т. 6. – Кн. 1: Труды по языкознанию / Г. Е. Верещагин. – Ижевск, 2002. – 291 с.
21. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная / А. Х. Востоков. – Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова, 1831. – 408 с.
22. Галкина-Федорук Е. М. О синонимии в русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Просвещение, 1958. – 135 с.
23. Главатских А. И. Удмурт грамматика: шор ёзо школаын 5 араз дышетскон книга. 1-тй люкет: Морфология / А. И. Главатских. – Ижкар: Кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. – 94 с.
24. Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт / П. П. Глезденев. – Вятка, 1921. – 55 с.
25. Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем / Н. И. Греч. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Тип. издателя, 1834. – 537 с.
26. ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / под ред. В. И. Алатырева. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 246 с.
27. ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения / под ред. В. М. Вахрушева, В. Н. Захарова, Л. И. Калининой. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 168 с.
28. Гусев В. Ю. О камасинском постпозитивном условно-временном союзе *dak* / В. Ю. Гусев // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2020. – № 4 (26). – С. 76–89. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45697820_80846383.pdf (дата обращения: 08.07.2021).

29. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка / И. И. Давыдов. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1852. – 491 с.
30. Долин Ю. Т. Слово о «Синтаксисе русского языка» академика А. А. Шахматова / Ю. Т. Долин // Вестник ОГУ. – 2004. – № 11. – С. 118–121. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-o-sintaksise-russkogo-yazyka-akademika-a-a-shahmatova> (дата обращения: 11.08.2021).
31. Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / А. И. Емельянов. – Л: Изд-во Ленинград. Вост. Ин-та, 1927. – 160 с.
32. Ермакова Н. Л. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных сравнительных предложений в языке лирике XIX – XX веков / Н. Л. Ермакова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 4 (54). – С. 274-280.
33. Жолудева Л. И. Конкуренция причинных / пояснительных союзов в итальянском языке XVI – начала XVII века / Л. И. Жолудева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2018. – № 2. – С. 14–21. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35258644_37311684.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
34. Жуйков С. П. Основы грамматики удмуртского языка / С. П. Жуйков. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. – 48 с.
35. Закиев М. З., Гиниятуллина Л. М. Типология сложноподчиненных предложений в грамматиках, опубликованных в 40–70-е годы XX века / М. З. Закиев, Л. М. Гиниятуллина // Казанская наука. – 2020. – № 12. – С. 151–153. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44458055_14571359.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
36. Золотова Г. А. Синтаксическая синонимия и культура речи / Г. А. Золотова // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970. – С.178–217.

37. Ибрагимова Э. Р. Современный русский язык. Сложное предложение. Краткий конспект лекций / Э. Р. Ибрагимова. – Казань, 2014. – 60 с.
38. Иванищева О. Н. Синтаксис современного русского литературного языка: курс лекций / О. Н. Иванищева. – Мурманск: МАГУ, 2018. – 121 с.
39. Игушев Е. А. Современный коми язык (синтаксис): учеб. пособие / Е. А. Игушев. – Сыктывкар: Изд-во Пермского ун-та, 1980. – 102 лб.
40. Ильенко С. Г. Сложное предложение в русском языке: Типология сложноподчиненного предложения: лекция / С. Г. Ильенко. – Л.: ЛГПИ, 1976. – 29 с.
41. Караваева М. П., Попов Н. В., Спорова А. М. Коми-пермяцкӧй кыв грамматика. Ч. 2. Синтаксис. 6–7 кл. / М. П. Караваева, Н. В. Попов, А. М. Спорова. – Кудымкар: Комипермгиз, 1947. – 170 с.
42. Карасова С. Я., Шаманова Х. Х. Методы классификации сложноподчиненных предложений в английском языке / С. Я. Карасова, Х. Х. Шаманова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60–4. – С. 193–195. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-klassifikatsii-slozhnopodchinennyh-predlozheniy-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 19.07.2021).
43. Кельмаков В. К. Об отглагольных послелогох шуыса и луыса в удмуртском языке / В. К. Кельмаков // Вопросы удмуртского языкознания. – 1973. – Вып. 2. – С. 123–151.
44. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 300 с.
45. Кельмаков В. К. Предисловие / В. К. Кельмаков // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сборник статей. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – С. 3–6.

46. Кельмаков В. К. У истоков удмуртской филологии / В. К. Кельмаков // Пермистика 3: Диалекты и история перм. языков: Сб. ст. / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ИЯЛ. – Сыктывкар, 1992а. – С. 55–60.
47. Кельмаков В. К. Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур: Спецкурслы материалъёс / В. К. Кельмаков. – Ижевск: «Удм. ун-т» книга поттон корка, 1999. – 60 б.
48. Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: [Препр.] / В. К. Кельмаков / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. яз. – Ижевск: Издат. дом. «Удм. ун-т», 2001. – 140 с.
49. Кельмаков В. К. Зарождение и развитие удмуртского языкознания / В. К. Кельмаков // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2002. – С. 17–53.
50. Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В. Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010. – 328 с.
51. Крючков С. Е., Л. Ю. Максимов. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения / С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
52. Курс общей лингвистики / под ред. Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
53. Литвинова Т. Н. Системная характеристика сложноподчинённого изъяснительного предложения / Т. Н. Литвинова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2014. – № 13 (184). – С. 20–26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnaya-harakteristika-slozhnopodchinyonnogo-izyasnitel'nogo-predlozheniya> (дата обращения: 10.08.2021).
54. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

55. Ломов А. М., Тирадо Р. Г. Русское сложноподчиненное предложение и проблема его содержательной интерпретации / А. М. Ломов, Р. Г. Тирадо // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 54–65.
56. Лудыкова В. М. Ёнія коми кывлӧн синтаксис. 1 юкӧн: кывтэчас да простӧй сёрникузя / В. М. Лудыкова. – Сыктывкар: КРИПКРНО, 1993. – 96 лб.
57. Лудыкова В. М. Синтаксис имени прилагательного в коми языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / В. М. Лудыкова. – Ижевск, 2006. – 51 с.
58. Лудыкова В. М. Коми кывйын кывтэчас да прӧстӧй сёрникузя: велӧдчан небӧг / В. М. Лудыкова. – Сыктывкар: СыктГУ, 2009. – 96 лб.
59. Лудыкова В. М. Ёнія коми кыв. Синтаксис: практикум / В. М. Лудыкова. – Сыктывкар: СыктГУ, 2010. – 122 лб.
60. Максимов Л. Ю. О грамматической синонимии в русском языке / Л. Ю. Максимов // Русский язык в национальной школе. – 1966. – № 2. – С. 6–10.
61. Манова Н. Д. Коми кыв. Кыдзи артмӧ текст: аскежся удж дінӧ индӧдыяс / Н. Д. Манова. – Сыктывкар: СГУ, 1993. – 50 лб.
62. Марр Н. Я. Яфетическая теория / Н. Я. Марр. – Баку, 1928. – 156 с.
63. Могилинъ 1786 – Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / УИИЯЛ УрО РАН; отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. – Ижевск, 1998. – 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.
64. Некрасова О. И. Синтаксические свойства деепричастий коми языка / О. И. Некрасова // Вестник ТГПУ. – 2014. – № 10 (151). – С. 68–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-svoystva-deeprichastiy-komi-yazyuka> (дата обращения: 28.02.2021).

65. Некрасова О. И. Деепричастные конструкции в коми языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. И. Некрасова. – Сыктывкар, 2015. – 30 с.
66. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
67. Перевощиков П. Н. Удмурт кылын сложноподчиненной предложениос / П. Н. Перевощиков // Удмурт кылын морфология но синтаксис вопросъёс. 1-тй сборник. – 1938. – С. 31–74.
68. Перевощиков П. Н. Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке / П. Н. Перевощиков. – Ижевск, 1939. – 75 с.
69. Перевощиков П. Н. Союзы подчинения в удмуртском языке: Функции и происхождение союзов шуса, бере, дыръя / П. Н. Перевощиков. – М., 1946. – 221 с.
70. Перевощиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка: Синтаксис, лексика, морфология / П. Н. Перевощиков // Удмуртско-русский словарь. – М., 1948. – С. 371–445.
71. Перевощиков П. Н. Прямая и косвенная речь в удмуртском языке / П. Н. Перевощиков // Записки УдНИИ. – Ижевск, 1951. – Вып. 15. – С. 155–192.
72. Перевощиков П. Н. О некоторых синтаксических конструкциях в удмуртском языке / П. Н. Перевощиков // Вопросы языкознания. – Ижевск, 1952. – № 26. – С. 103–119.
73. Перевощиков П. Н. Переходные конструкции в удмуртском языке и знаки препинания в предложениях с этими конструкциями / П. Н. Перевощиков // Записки УдНИИ. – Ижевск, 1955. – Вып. 17. – С. 170–176.
74. Перевощиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка / П. Н. Перевощиков // Русско-удмуртский словарь. – М., 1956. – С. 1271–1360.

75. Перевошиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке / П. Н. Перевошиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 328 с.
76. Перевошиков П. Н. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа / П. Н. Перевошиков. – Ижевск, 1963. – 33 с.
77. Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка / М. Н. Петерсон. – Москва: Гос. изд-во; Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 129 с.
78. Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы / А. М. Пешковский. – М.: Гос. акад. художеств. наук, 1927. – 68 с.
79. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
80. Понарядов В. В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении: Простое предложение: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / В. В. Понарядов. – Сыктывкар, 2001. – 179 с.
81. Понарядов В. В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). Коми научный центр УрО РАН / В. В. Понарядов. – Сыктывкар, 2010. – 120 с.
82. Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения / Н. С. Поспелов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – С. 321–337.
83. Поспелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы / Н. С. Поспелов // Вопросы языкознания. – 1959. – № 2. – С. 21–27.
84. Серебренников Б. А. О некоторых характерных особенностях древнего синтаксиса языка коми / Б. А. Серебренников // СФУ. – 1967. – № 2 (III). – С. 101–106.
85. Серебренников Б. А. Синтаксис древнеудмуртского языка синтаксис тюрко-татарского типа / Б. А. Серебренников // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. статей. – Устинов, 1986. – С. 116–123.

86. Сеше А. Очерк логической структуры предложения / А. Сеше. – М.: URSS, 2010. – 224 с.

87. Синелева А. В. Синтаксическая синонимия: описание синонимии словосочетаний и предложений на материале художественных текстов / А. В. Синелева // Вестник российского культурного центра в Будапеште: Сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». – Будапешт: Российский центр науки и культуры в Будапеште, 2019. – С. 285–295. – URL: <http://www.ruscenter.hu/uploads/content/hash80/415.pdf> (дата обращения: 08.07.2021).

88. Советкин Ф. Ф. От редактора / Ф. Ф. Советкин // Булычев М. Н. Порядок слов в удмуртском предложении / под ред. и с предисловием проф. Ф. Ф. Советкина. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. – 86 с.

89. Соколова Г. Л., Коляго А. Л. Особенности функционально-стилистического использования бессоюзных сложных предложений в современном марийском языке / Г. Л. Соколова, А. Л. Коляго // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. – Вып. 12. – С. 196–200. – URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_12_40.pdf (дата обращения: 08.07.2021).

90. Соколова Г. Л., Коляго А. Л. Сложные предложения в марийском языке / Г. Л. Соколова, А. Л. Коляго // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – МарГУ, 2019. – С. 107–112. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39539283> (дата обращения: 08.07.2021).

91. Сочиненія 1775 – Пуцек-Григорович В. Сочиненія, принадлежащие к грамматике вотского языка / В. Пуцек-Григорович. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1775. – 113 с.

92. СРЯ 2002 – Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. – Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др.; Под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 704 с.

93. ССРЯ 2015 – Синтаксис современного русского языка. Практическое пособие для иностранных учащихся филологических факультетов. Комментарии и упражнения / под ред. А. В. Величко. – СПб.: Златоуст, 2015. – 248 с.

94. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер; Пер. с франц. Редкол.: Г. В. Степанов (пред.) и др.; Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

95. Тимбекова А. А. К вопросу о переводе английской конструкции «сложное дополнение» на удмуртский язык / А. А. Тимбекова // Богатство финно-угорских народов: материалы IV Международного финно-угорского студенческого форума. – 2017. – С. 163–165. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_34945322_74477059.pdf (дата обращения: 08.07.2021).

96. Тимерханова Н. Н. К вопросу об изучении сложноподчиненных предложений в русском и удмуртском языках / Н. Н. Тимерханова // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научной конф. Ижевск, 19 апреля 1997 г. – Ижевск, 1997. – С. 221–222.

97. Тимерханова Н. Н. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. Н. Тимерханова. – Екатеринбург, 1998. – 25 с.

98. Тимерханова Н. Н. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. Н. Тимерханова. – Екатеринбург, 1998а. – 203 с.

99. Толкачев А. И. Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914) / А. И. Толкачев // Известия АН СССР. СЛЯ. – М., 1964. – Т. 23. – Вып. 5. – С. 402–410. – URL: <https://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=138&pid=160&sub=workabout> (дата обращения: 28.06.2021).
100. Фоминых Б. И. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения: Учебное пособие для бакалавров / Б. И. Фоминых. – Ч. I. – М., 2012. – 268 с.
101. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды / Ф. Ф. Фортунатов. – М., 1956. – Т. I–II. – 472 с.
102. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – Москва: Издательство Московского университета, 1972. – 129 с.
103. Цыпанов Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2008. – 2016 с.
104. Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация: учеб. пособие для пед. ин-тов / А. Б. Шапиро. – Москва, 1974. – 292 с.
105. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2 / А. А. Шахматов. – М., 1941. – 620 с.
106. Шведова Н. Ю. О понятии синтаксического ряда / Н. Ю. Шведова // Историко-филологические исследования: сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. – М.: Наука, 1967. – С. 209–213.
107. Шейхи Х. Г. Функционирование глаголов речи в языке СМИ. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Х. Г. Шейхи. – Казань, 2015. – 23 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-glagolov-rechi-v-yazyke-smi> (дата обращения: 29.05.2021 г.).
108. Шибанов А. А. Функциональные омонимы в удмуртском языке. Союзы и союзные слова / А. А. Шибанов // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 60-летию коми-пермяцкого русского отделения ПГГПУ. – 2015. – Вып. XII. – С. 96–101.

109. Шилков Ю. М. Философия языка Н. Я. Марра / Ю. М. Шилков // Вече. Альманах русской философии и культуры. – СПб., 2004. – Вып. 16. – С. 72–82. – URL: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Veche%20№16-6.pdf> (дата обращения: 28.06.2021).
110. Шувалова С. А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения / С. А. Шувалова. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 159 с.
111. Шутов А. Ф. Абсолютные обороты в удмуртском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. Ф. Шутов. – Москва: АН СССР, Ин-т языкознания, 1979. – 21 с.
112. Шутов А. Ф. Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка / А. Ф. Шутов // Пермистика: Диалекты и история пермских языков (Сборник статей). – 1992. – С. 169–173.
113. Шутов А. Ф. Первым удмуртским книгам – 150 лет / А. Ф. Шутов // *Linguistica Uralica*. – 1997. – Т. 33. – № 3. – С. 214–217.
114. Шутов А. Ф. Гипотаксис в удмуртском языке: пособие для студентов по синтаксису / А. Ф. Шутов. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. – 101 с.
115. Шутов А. Ф. Придаточной предложениости пöртэмлыксыя люкылон сярысь / А. Ф. Шутов // *Вордскем кыл*. – 1999. – № 10/11. – 35–37-тй б.
116. Шутов А. Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.02 / А. Ф. Шутов. – Ижевск, 2002. – 305 с.
117. Эрцикова Г. А. Полисемантические союзы в современном марийском языке / Г. А. Эрцикова // *Вестник угроведения*. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 756–765. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polisemantichnye-soyuzu-v-sovremennom-mariyskom-yazyke> (дата обращения: 22.02.2022 г.).
118. Яковлев И. В. Удмурт кылрадьян: [для школ 1 и 2 ступени] / И. В. Яковлев. – 3-е изд. – Ижевск: Удкнига, 1931. – 82 с.

119. Яшина Р. И. Изучение синтаксиса удмуртского языка в советский период / Р. И. Яшина // СФУ XIII. – 1977. – № 2. – С. 138–143.
120. Яшина Р. И. Синтаксические конструкции со словом шуыса в удмуртском языке / Р. И. Яшина // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). – 1981. – С. 78–95.
121. Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos / T. G. Aminoff // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – 1896. – Vol. 14/2. – S. 1–48.
122. Asztalos E. E. Szórendi típusváltás az udmurt nyelvben. Doctori disszertáció / E. E. Asztalos. – Budapest, 2018. – 231 Ol.
123. Bartens R. Permiläisten kielten kehitys ja rakenne / R. Bartens. – Helsinki, 2000. – 372 s.
124. Beke Ö. Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugischer Sprachen / Ö. Beke // KSz. 1914–1915. – XV. – S. 1–77.
125. Chomsky N. Syntactic Structures / N. Chomsky. – The Hague: Mouton, 1957. – 116 p.
126. Gardiner A. The theory of speech and language / A. Gardiner. – Clarendon Press, 1951. – 348 p.
127. Georgieva E. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. PhD dissertation / E. Georgieva. – Szeged, 2018. – 204 p. – URL: http://doktori.bibl.u-szeged.hu/id/eprint/10022/1/Georgieva_PhD_2018.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
128. Hakulinen A., Karlsson F. Nykysuomen lauseoppia. 3 painos / A. Hakulinen, F. Karlsson. – Jyväskylä: Gummerus, 1995. – 426 s.
129. Harris Z. Methods in structural linguistics / Z. Harris. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – 384 p.
130. Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language / L. Hjelmslev; trans. J. Francis. – Whitfield, Baltimore: Indiana University Press, 1953. – 92 p.
131. Hjelmslev L. Language: An Introduction / L. Hjelmslev; trans. & intro. J. Francis. – Whitfield, University of Wisconsin Press, 1970. – 144 p.

132. Klemm A. A mellérendelő és alárendelő viszony kifezése az északi osztjak és votják nyelvben / A. Klemm // A Pannonhalmi Főapatsági Főiskola Évkönyve. – Pannonhalmi, 1912. – Ol. 219–284.
133. Klemm A. Magyar történeti mondattan / A. Klemm. – Budapest, I. 1928; II. 1940; III. 1942.
134. Quirk R., Greenbaum S. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum. – Harlow, Essex: Longman Group Limited, 1985. – 484 p.
135. Rami P. Grammatica Graeca, quatenus a Latina differt / P. Rami. – Parisiis: Apud Andréam Wechelum, 1567. – 243 p. – URL: http://books.google.ru/books?id=iyfZ13Gyy8AC&dq=142.%09Ramus+P.+Grammatica+Graeca,+quatenus+a+Latina+differt&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 08.02.2021).
136. Rédei K. Russische Einflüsse in den permischen Syntax / K. Rédei // Symposion über Syntax der uralischen Sprachen. – Göttingen, 1969. – S. 154–160.
137. Subekti A. S. A Study of the Mastery of Complex Sentences of Pre-Service English Teachers / A. S. Subekti // Ahmad Dahlan Journal of English Studies (ADJES). – Vol. 4. – № 2. – 2017. – Pp. 21–26. – URL: https://www.researchgate.net/publication/322794893_A_Study_of_the_Mastery_of_Complex_Sentences_of_Pre-Service_English_Teachers (дата обращения: 09.07.2021).
138. Vossler K. Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft / K. Vossler. – Heidelberg: Winter, 1904. – 98 p.
139. Vossler K. Sprache als Schöpfung und Entwicklung / K. Vossler. – Heidelberg: Winter, 1905. – 154 s.
140. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche / F. J. Wiedemann. – Reval, 1851. – 390 s.
141. Wiedemann F. J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen / F. J. Wiedemann. – SPb, 1884. – 255 s.

142. Winkler E. Udmurtische Grammatik / E. Winkler. – Wiesbaden, 2011.
– 181 s.

143. Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das
Japanische / H. Winkler. – Berlin, F. Dümmler, 1909. – 316 s.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Азбука Гл. 1847 – Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому). – Казань, 1847. – 174 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. Текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – С. 387–558].
2. Азбука Сар. 1847 – Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому). – Казань, 1847. – 192 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. Текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – С. 249–439].
3. Ар-Серги В. Лыдъя, лыдъя, кикые: повестьёс, веросьёс / В. Ар-Серги. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 212 с.
4. Ар-Серги В. Тулкымъёс вылын – пыжед: повесть, веросьёс, кылбуръёс / В. Ар-Серги. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 223 с.
5. Ар-Серги В. Ноктюрн: веросьёс / В. Ар-Серги. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – 304 б.
6. Ар-Серги В. Пичи пи но Полкан: повесть / В. Ар-Серги. – Ижкар: Ижевская республиканская типография, 2005. – 102 с.
7. Архипов Т. А. Адымилэн чеберез: роман / Т. А. Архипов. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963. – 288 б.
8. Архипов Т. А. Вормы астэ ачид: повесть / Т. А. Архипов. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 276 б.
9. Архипов Т. А. Лудзи шур дурын: роман-диалогия / Т. А. Архипов.

– Устинов: Удмуртия, 1985. – 522 с.

10. Архипов Т. А. Ортчеменыз пумиськон: повесть, веросьёс / Т. А. Архипов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 280 б.

11. Бадретдинов У. Ш. Їушьял вордйське веньёстэк: повестьёс, веросьёс, пьесаос / У. Ш. Бадретдинов. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 248 б.

12. Белоногов Н. Пус // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 262–280.

13. Библия / [берыктйз Михаил Атаманов]. – Хельсинки: Библиез берыктонъя Институт. – Ижкар, 2013. – 1696 с.

14. Блинов П. А. Улэм потэ: роман / П. А. Блинов. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 168 б.

15. Васильев Н. В. Кин тон, атай?: веросьёс но повесть / Н. В. Васильев. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 122 с.

16. Васильев Н. В. Сурсвуэн фляжка // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 89–100.

17. Васильев С. Ф. Киултэм трамвай. [Гл. 1–4]: кузьмадёс / С. Ф. Васильев; зуч кылысь берыктйз Олег Четкарёв // Кенеш. – 2015. – № 1. – С. 28–41.

18. Вахрушев Б. Шокчиз кысэм кёрык // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 309–322.

19. Вахрушева Е. Пёечи яратон: веросьёс / Е. Вахрушева // Кенеш. – 2015. – № 1. – С. 8–20.

20. Векшина М. М. Сюресчиос; Борддорьёс: веросьёс / М. М. Векшина // Кенеш. – 2014. – № 1. – С. 40–47.

21. Гаврилов И. Г. Вордйськем пальёсын: роман-трилогия / И. Г. Гаврилов. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 734 с.

22. Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос. Куинь томен. Т. 1. / И. Г. Гаврилов. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 495 с.

23. Гайдар А. П. Тимур но солэн командаез / А. П. Гайдар. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1946. – 76 с.

24. Гайдар А. П. Тимур и его команда: Повесть / А. П. Гайдар. – М.: Эксмо, 2021. – 128 с.
25. Ганькова Л. Л. Вераськод ке, вера...: [лэчыт визькылъёс но меҗкыт веранъёс, нодамъёс, индылонъёс, тышкаськонъёс, вожпотонъёс, каргаськонъёс, исаськонъёс, юнме верам кыл шеронъёс, җошатонъёс, верам кылэз оскытонъёс, ӗеч кылъёс, шудо сійзёнъёс / сост. Л. Л. Ганькова (Мишина)]. – Ижевск: Инвожо, 2013. – 203 с.
26. Гильмаев А. В. Кыдӗкысь куно // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 296–308.
27. Голубев В. В. Солдат иськемъёс: очеркъёс, повестьёс / В. В. Голубев; [редакторез С. В. Матвеев]. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 245 с.
28. Грязев Г. Г. Кирень курактон: очеркъёс, повестьёс / Г. Г. Грязев. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 280 с.
29. Данилов Г. Д. Гурт пумын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 198–210.
30. Данилов Г. Д. Улмопу сяськаян вакытэ // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 210–223.
31. ЕвангМф. Гл. 1847; ЕвангМк. Гл. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матфея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 138 с.
32. ЕвангМф. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелие от св. евангелиста Матфея: на рус. и вотякском яз., сарапул. наречия. – Казань: печ. в тип. Императ. Казан. ун-та, 1847. – 234 с.
33. Емельянов К. В. Пилиськем горшок: повесть но серемес веросьёс / Емельянов К. В. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 125 с.
34. Загребин Е. Е. Тулыс зор: пьесаос, веросьёс: [для среднего и старшего школьного возраста] / Е. Е. Загребин. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 416 б.
35. Камашева Е. Улонэти – паськыт уробоен / Е. Камашева // Кенеш.

– 2014. – № 1. – С. 60–67.

36. Кедр М. Секыт зйбет: роман / М. Кедр. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 227 с.

37. Коновалов М. А. Чильдэт / М. А. Коновалов. – Ижевск: Удмуртия, 1962. – 29 с.

38. Коновалов М. А. Лизй // Выль дунне: антология: Т. 1 / [Дасяз Г. В. Романова; редакторез М. И. Федотов; азыкылэз А. Ермолаевлэн]. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 118–140.

39. Коновалов М. А. Гаян: проза: [романъёс но веросьёс] / М. А. Коновалов. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 385 с.

40. Красильников Г. Д. Огшоры нунал: веросьёс / Г. Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1953. – 87 с.

41. Красильников Г. Д. Веросьёс / Г. Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1955. – 63 с.

42. Красильников Г. Д. Тёлсяська: роман / Г. Д. Красильников. – Ижевск: Удмурт книжной издательство, 1962. – 252 с.

43. Красильников Г. Д. Арлэн кутсконэз: Роман / Г. Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртия, 1965. – 190 с.

44. Красильников Г. Д. Кошкисез мед кошкоз: веросьёс / Г. Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 176 с.

45. Красильников Г. Д. Вуж юрт: дилогия / Г. Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 410 с.

46. Красильников Г. Д. Оксана // Выль дунне: антология: Т. 1 / [Дасяз Г. В. Романова; редакторез М. И. Федотов; азыкылэз А. Ермолаевлэн]. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 32–39.

47. Красильников Г. Д. Тонэн кылисько: проза: [роман, повесть но веросьёс: для среднего и старшего школьного возраста] / Г. Д. Красильников. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 401 с.

48. Ломагин К. Е. Вождэ эн вай, Окыль... // Выль дунне. Удмурт

верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 224–229.

49. Матвеев С. В. Эмезь гурезь, яке Шоро-куспо арлыдо одйгназ пиосмуртлэн ар ёже улонысьтыз куд-ог суредьёс: роман-арбыт / Сергей Матвеев. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 223 с.

50. Медведев Г. С. Выль дунне: веросьёсын но очеркъёсын сборник / Г. С. Медведев. – Ижевск: Удмурт кн. изд-во, 1961. – 156 с.

51. Медведев Г. С. Лёзя бесмен: трилогия / Г. С. Медведев; [вступ. ст. П. Поздеева]. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 704 с.

52. Нянькина Л. С. Ваёбыж кар: веросьёс, повесть / Л. С. Нянькина. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 177 с.

53. Панфилова Е. В. Мумы: повесть / Е. В. Панфилова. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 63 с.

54. Перевошиков Г. К. Гужем лымы: повесть / Г. К. Перевошиков. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 262 с.

55. Перевошиков Г. К. Йёвалег: Роман-дилогия / Г. К. Перевошиков. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 504 с.

56. Перевошиков Г. К. Нимысьтыз задание // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 101–121.

57. Петров М. П. Улон понна: веросьёс но очеркъёс / М. П. Петров. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – 142 с.

58. Петров М. П. Вуж Мултан: роман: [для среднего и старшего школьного возраста] / М. П. Петров. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 359 с.

59. Поздеев П. К. Утыны сйзем кырзан // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 154–168.

60. Пукроков Ф. П. Кизили ныл: роман, повестьёс: [для среднего и старшего школьного возраста] / Ф. П. Пукроков. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 312 с.

61. Самсонов С. А. Яратйсько тонэ: повесть / С. А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1965. – 224 с.
62. Самсонов С. А. Тугаськем бугор: повесть / С. А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – 130 с.
63. Самсонов С. А. Кам вадьсын гудыръя: повесть / С. А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 167 с.
64. Самсонов С. А. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо: роман / С. А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 383 с.
65. Самсонов С. А. Вужер: повестьяс / С. А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 360 с.
66. Тургенев И. С. Ася / И. С. Тургенев; берыктйз М. Горбушин. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1954. – 56 с.
67. Тургенев И. С. Ася / И. С. Тургенев. – М.: ООО «ДА!Медиа», 2014. – 39 с.
68. Чернов П. К. Кион кар: куинь люкетэн повесть: [для среднего и старшего школьного возраста] / П. К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1987. – 296 с.
69. Чернов П. К. Тулысысен сйзбылосъ: роман / П. К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 384 с.
70. Чернов П. К. Мöзмон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 128–138.
71. Чернов П. К. Пилемо дауръяс: повесть / П. К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 160 с.
72. Чернов П. К. Казак воргорон: повестьяс: [для среднего и старшего школьного возраста] / П. К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 478 с.
73. Ширококов В. Г. Лёмпун сяскаяське // Выль дунне: антология: Т. 1 / [Дасяз Г. В. Романова; редакторез М. И. Федотов; азыкылэз А. Ермолаевлэн]. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 347–355.
74. Ширококов В. Г. Мемилэн куараез // Выль дунне: антология: Т. 1

/ [Дасяз Г. В. Романова; редакторез М. И. Федотов; азыкылэз А. Ермолаевлэн]. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 344–346.

75. Aminoff T. G. Wotjakilaisia kielinäytteitä / T. G. Aminoff // JSFOu. (Helsinki) – 1886. – S. 32–55.

76. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok / B. Munkácsi. – Budapest: Magyar tudományos akadémia, 1887. – 351 Ol.

77. Munkácsi B. A votják nyelv szótára: Lexicon linguae Votiacorum / B. Munkácsi. – Budapest, 1896. – 836 Ol.

78. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. MSFOu 102. Herausgeben von D. R. Fuchs / B. Munkácsi. – Helsinki, 1952. – 715 s.

79. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben, I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1893. – XX. – 199 s.

80. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben, II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. JSFOu / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1901. – IV. – 48 s.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

анг. – английский язык

букв. – буквально

г. – год

др. – другие

рус. – русский язык

см. – смотри

ср. – сравни

т. д. – так далее

т. е. – то есть

т. п. – тому подобное

удм. – удмуртский язык